

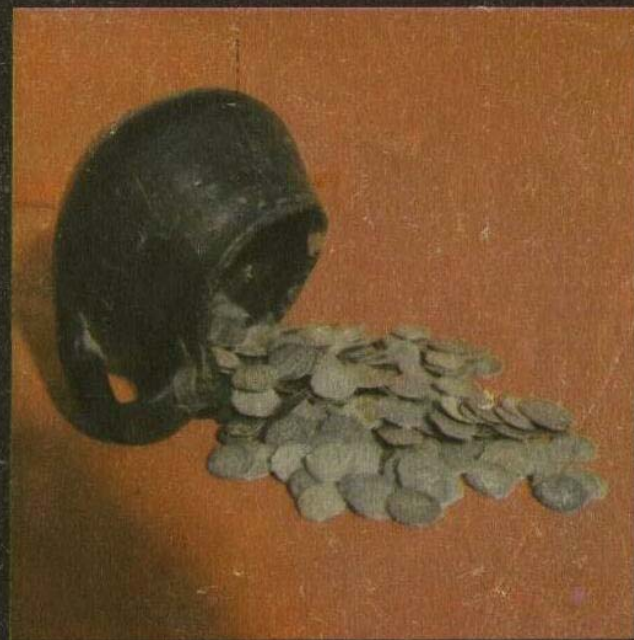
55 коп.

Мухамадиев Азгар Гатаулович, доцент исторического факультета КГУ. Окончил филологический и исторический отделения КГУ. В течение ряда лет работал в составе возглавляемой проф. Г. А. Федоровым-Давыдовым Поволжской археологической экспедиции. Является специалистом в области истории, археологии Поволжья и восточной нумизматики.

Основные работы: «Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв.». М., 1983, «Древние хазарские и булгаро-татарские монеты», Казань, 1986 (на тат. яз.) и др.

А.Г. Мухамадиев
**ДРЕВНИЕ
МОНЕТЫ
ПОВОЛЖЬЯ**

А.Г. Мухамадиев

**ДРЕВНИЕ
МОНЕТЫ
ТОВОЛЖЬЯ**

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

ББК 63.2
М80

Мухамадиев А. Г.

М80 Древние монеты Поволжья.— Казань: Татарское кн. изд-во, 1990.— 192 с. ил.
ISBN 5—298—00506—3

Новая книга доцента Казанского университета, автора ряда работ по болгаро-татарской нумизматике, посвящена обращению ранних форм денег Поволжья и Приуралья, денежному обращению Хазарского государства и Волжской Булгарии. Автором подробно исследуются художественно выполненные изделия из драгоценных металлов, сасанидские, византийские, доисламские хорезмийские, а также хазарские и болгарские монеты VIII—XII вв., найденные в указанном регионе. На основе изучения ранних форм товаро-денег и чеканенных хазарами и булгарами монет делаются выводы о развитии денежного обращения и товарно-денежных отношений Поволжья, Приуралья и Восточной Европы.

Книга адресуется специалистам-нумизматам и широкому кругу читателей.

М 050300000—189
М132(03)—90 281—90

ББК 63.2

ISBN 5—298—00506—3 © Мухамадиев Азгар Гатауллович, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Поволжье и Приуралье являются своеобразными регионами в денежном обращении Восточной Европы раннего средневековья. Количество находимых здесь древних металлических денег и монет, которые являются предметом данного исследования, огромно. Наиболее ранние из них в виде сосудов из драгоценных металлов и монет, служивших средством обмена, датируются началом нашей эры.

Особенно интенсивное поступление драгоценного металла отмечается в VI в., что было обусловлено многими причинами, в частности, оживлением торговли и обмена в поселениях т. н. именьковцев — предшественников болгар. Как показывают археологические исследования, расширение ареала расселения именьковцев, хазар и болгар, которые контактировали с лесными племенами и через которые уходили на север металлические деньги и монеты, носило не экспансивный, а мирный характер. Последнее хочется особо подчеркнуть. Иногда историки без достаточных оснований пишут о столкновениях, войнах между племенами и народами, населяющими территории Поволжья и Приуралья. Ссылки на средневековых авторов, которые действительно много писали о наиболее важных, с их точки зрения, событиях — войнах, почти не уделяя внимания столь заурядным, по их мнению, явлениям, как торговля и обмен, не всегда могут служить бесспорным аргументом. Но войны происходили сравнительно редко, а торговые люди ежегодно ради торговых операций предпринимали путешествия, иногда опасные для жизни. Поэтому ранние деньги и монеты представляют особый интерес, так как являются свидетелями сложения очень ранних экономических взаимоотношений между племенами Восточной Европы, а такие взаимоотношения могли зародиться, существовать и развиваться только при

наличии определенной стабильности и мира между племенами.

Изучение более ранних периодов процессов обмена и торговли в Поволжье и Приуралье позволяет понять причины обильного поступления драгоценных металлов, получившего в литературе название «закамского» или «восточного» серебра. Постепенно такие товары становились деньгами. К. Маркс писал в первом томе «Капитала»: «Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами».

Первые несколько сосудов из драгоценного металла, привезенных из районов Поволжья, поступили еще в петровскую кунсткамеру. Коллекция серебряных сосудов сасанидского серебра из Прикамья, принадлежащая Государственному Эрмитажу является одной из лучших в мире¹.

В проведенных в последние годы археологических раскопках наряду с различными изделиями из драгоценных металлов, многочисленными хорезмийскими, сасанидскими, византийскими монетами, обнаружено большое количество бронзовых слитков, свидетельствующих, что наиболее ранние формы металлических денег Восточной Европы собственного производства появились в данном регионе.

Известно, что обращавшиеся позднее в городах Поволжья хазаро-булгарские монеты, среди которых около половины составляли сасанидские драхмы, омейядские, аббасидские дирхемы и т. д., уходили из Поволжья на запад и юго-запад. Хазарские и булгарские города играли роль «ворот», через которые вливался поток восточной монеты. Этот поток поддерживался возникшей самостоятельной хазарской, а впоследствии булгарской чеканкой. Количество, например, обнаруженных на Руси кладов восточных монет поистине огромно. Следовательно, изучение денежного и монетного обращения указанного периода позволит пролить свет на более ранние этапы возникновения и развития товарно-денежных отношений во всей Восточной Европе.

Не менее актуальную сторону проблемы составляет исследование товарно-денежных отношений Поволжья

¹ Бадер О. Н., Смирнов А. П. «Серебро закамское» первых веков нашей эры. М., 1954. С. 5.

в среднем и позднем средневековье. Оно позволяет проследить развитие определенных традиций денежного обращения, денежной терминологии и денежно-весовой системы. Изучение монет, особенно местной чеканки, представляет большой научный интерес и в том плане, что значительно расширяет наши представления об истории, культуре, социально-экономическом развитии края. Дореволюционные историки останавливались при исследовании истории Поволжья, в основном, на XIII в. Монгольское завоевание было для них верхним хронологическим рубежом¹. Общим было представление, что в этот период домонгольские племена, обитавшие в этом районе, исчезли, а на их место пришли монголотатары².

Интерес русских нумизматов к восточным монетам возник раньше, чем даже в других разделах нумизматики в России. Но ранние периоды денежного обращения Поволжья и Приуралья и наиболее ранние формы денег практически оказались малоисследованными.

Некоторые вопросы денежного обращения Поволжья и Приуралья предхазарского и хазарского периодов затрагиваются в отдельных работах, но вне связи с развитием товарно-денежных отношений. Это особенно касается ввоза художественно выполненных сосудов, обнаруженных в Поволжье и Приуралье, т. е. наиболее ранних форм металлических товаров-денег.

Количество только дошедших до нас сосудов из Поволжья и Приуралья составляет несколько десятков экземпляров. В дореволюционной научной литературе прикамское серебро получило название сасанидского — по имени династии сасанидских царей Ирана, правивших с 268 по 651 гг., т. е. до арабского завоевания.

Исследователи обратили внимание, что находки сасанидских изделий из драгоценных металлов в самом Иране исчисляются единицами. Достоверные случаи находок не превышают трех экземпляров³. Так же стало

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 3.

² Этот искусственный, исторически неверный термин, в котором механически соединены два названия одного и того же народа — монголов — впервые в научный оборот был введен лишь в XIX в. См.: Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 157.

³ Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.—Л., 1985. С. 11.

известно, что многие сосуды представляют собой изделия не сасанидского происхождения. Все это позволило О. Н. Бадеру и А. П. Смирнову констатировать, что старое огульное определение находимого в Поволжье и Приуралье восточного серебра сасанидским должно быть пересмотрено¹.

Г. А. Пугаченкова, вслед за Н. Е. Массоном и С. П. Толстовым, разбирая целую группу серебряных сосудов с женскими изображениями, найденных в Прикамье и на Украине, считала возможным приписать их согдийским мастерам². Б. И. Маршак отмечает, что только немногие вещи могут быть с уверенностью отнесены к Ирану или Средней Азии, хотя сам автор посвятил согдийскому серебру целую монографию³.

Таким образом, ученые перешли к более детальному исследованию художественного металла, на основе которого делаются попытки уточнить не только место изготовления таких изделий, но и то, каким образом они попали в те или иные районы, где впоследствии были обнаружены. Последнее, естественно, имеет непосредственное отношение к установлению торговых отношений в раннем средневековье. В этом смысле большой интерес представляет статья В. И. Распоповой. Однако, касаясь вопроса распространения драгоценного металла, она полагает, что все торговые связи Восточной Европы осуществлялись согдийцами, которые «осваивали» северный путь в Прикамье, доставляя туда не только согдийскую, но и иранскую и византийскую посуду⁴.

Выше было упомянуто о бронзовых слитках — первых металлических деньгах Поволжья и Приуралья собственного изготовления, свидетельствующих об интенсивном развитии не только внешней, но внутренней торговли, которую нельзя недооценивать. Например, в Щербетском поселении именьковцев обнаружена мастерская по изготовлению бронзовых слитков. Судя по форме и весу, а также по распространению слитков,

¹ Бадер О. Н., Смирнов А. П. «Серебро закавказское» первых веков нашей эры. М., 1954. С. 9.

² Пугаченкова Г. А. Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда. — Известия Отделения общественных наук Таджикской ССР. Сталинабад, 1952, № 2. С. 53.

³ Маршак Б. И. Согдийское серебро. М., 1971. С. 6.

⁴ Распопова В. И. Археологические данные о согдийской торговле. — КСИЯ, № 138, М., 1974. С. 84.

подобных поселений, располагавших своим «монетным двором», было достаточно много¹.

В предлагаемой работе рассматриваются причины столь раннего появления металлического денежного обращения, пути проникновения изделий из драгоценных металлов, их влияние на появление бронзовых слитков, монетные системы хазарского и болгарского периодов, значение хазаро-болгарской традиции монетного дела для дальнейшего развития болгаро-татарской монетной системы и т. д.

В главах, посвященных ранним периодам истории Поволжья, автор счел нужным дать небольшие исторические экскурсы. Хотя последнее является характерным для современной, т. е. новой нумизматики, но зачастую это диктуется необходимостью, неизученностью многих проблем истории Поволжья и Приуралья, когда сами металлические деньги и монеты предстают перед исследователем почти единственными источниками, доступными для исторических конструкций.

Хорезмийские монеты обратили на себя внимание нумизматов еще в прошлом веке. Первые четыре монеты, обнаруженные в бронзовом сосуде в Прикамье и имевшие совершенно неизвестные письмена, были отправлены английскому нумизмату Э. Томасу, который, изучив их, отметил, что это, видимо, надписи арамейского происхождения².

Наиболее ранние хорезмийские монеты восходят непосредственно к греко-бактрийскому чекану³. Этапы возникновения и становления монет хорезмийской чеканки представлены весьма солидным исследованием Б. И. Вайнберг, хотя автор и не читает надписи хорезмийских монет⁴.

Основательная классификация хорезмийских монет была предпринята С. П. Толстовым, который в 1938 г. выступил со специальной статьей и отметил, что обнаружение хорезмийских монет и хорезмийских чаш в Прикамье позволяет считать установленными древние

¹ Мухамадиев А. Г. Бронзовые слитки — первые металлические деньги Поволжья и Приуралья. — СА, № 3. М., 1984.

² Thomas Edw. Parthian and Indo-Sassanian Coins. JRAS. 1883. С. 73.

³ Массон В. М. Хорезм и Кушаны. — ЭВ. М. — Л., 1966. Т. 17. С. 79.

⁴ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

тесные экономические связи этих районов¹. Классификация хорезмийских монет и составление хорезмийского алфавита С. П. Толстовым явилось важным этапом в изучении денежного обращения того периода.

С. П. Толстов сопоставлял надписи на хорезмийских монетах, чеканенных до н. э., с именами правителей Хорезма, которые приводятся в сочинении Бируни. Однако, по нашему мнению, обнаружение в одном и том же погребении сасанидских и хорезмийских монет доказывает, что правители Хорезма, о которых в своем списке говорит Бируни, начали выпускать монеты от своего имени не ранее VI в. Учитывая, что хорезмийский алфавит, возникнув из арамейского еще до нашей эры, не мог оставаться неизменным в течение тысячи лет, и принимая во внимание изменения на надписях монет, мы предлагаем несколько иную палеографическую и семантическую трактовку некоторых знаков. Поэтому в работе предлагается новый уточненный хорезмийский алфавит, составленный автором по монетам.

Еще в XIX в. хазарские монеты обратили на себя внимание нумизматов. Х. М. Френ и В. Г. Тизенгаузен попытались уточнить место чеканки по надписям на некоторых монетах².

О возможности отнесения многочисленных подражаний куфическим дирхемам более раннего периода, на которых нет имени болгарского правителя, к хазарам отстаивал Э. Цамбаур. Но он не располагал монетным материалом и не мог привести конкретных и убедительных доказательств³. Этой же концепции придерживается известный нумизмат В. В. Кропоткин⁴.

Новым этапом в изучении хазарской чеканки явилась статья А. А. Быкова, посвященная палеографическому анализу подражаний куфическим дирхемам

¹ Толстов С. П. Монеты шахов древнего Хорезма и древний хорезмийский алфавит.—ВДИ, № 4. М., 1938, С. 134.

² Тизенгаузен В. Г. Монеты Восточного халифата. СПб., 1873. С. XXIX.

³ Подробно о развитии данной гипотезы см.: Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв.—В кн.: Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. III. С. 26.

⁴ Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967. С. 121.

VIII—IX вв.¹ По мнению А. А. Быкова, хазарские монетчики помещали на монетах совершенно невозможные сочетания надписей на лицевых и обратных сторонах монет, составляли легенды «по памяти». Соглашаясь в целом с мнением А. А. Быкова относительно случайных сочетаний лицевых и обратных сторон хазарских монет, мы в то же время учитываем, что хазарские монетчики VIII—IX вв. подражали вполне сознательно не любым, а только ранним омейядским монетам, что, видимо, свидетельствует о натянутых политических взаимоотношениях с арабским халифатом периода аббасидов.

Последние содействовали тому, что в этот период произошло пресечение торговых путей через Тимур Капуг (Железные Ворота), был затруднен ввоз арабских монет. Это было переломным моментом в денежном обращении Поволжья и Приуралья, когда восточные монеты начали проникать в Восточную Европу не через традиционные торговые пути, Кавказ, а через Среднюю Азию — государство саманидов.

В XIX в. усилиями таких ориенталистов, как Х. М. Френ, П. С. Савельев, А. Ф. Лихачев, А. К. Марков, В. Г. Тизенгаузен, В. В. Григорьев и другие была проделана большая работа по изучению и классификации болгарских и болгаро-татарских монет.

Большой заслугой историков прошлого века, занимавшихся изучением болгарских и болгаро-татарских монет, было установление хронологии правления представителей отдельных династий и выяснение ряда ценных географических сведений. Без кропотливых исследований ориенталистов XIX в. трудно представить себе дальнейшее развитие хазарской, болгарской и болгаро-татарской нумизматики. Однако ряд вопросов, связанных с социальными отношениями, экономикой, метрологическим анализом нумизматического материала, оставался нерешенным. Например, не были определены весовые нормы чеканки монет в разные периоды, хотя это имело важное значение, поскольку драгоценный металл обращался на вес и, как отмечал К. Маркс, «...меры веса при всяком металлическом обращении служат первоначально также масштабом цен»².

¹ Быков А. А. Указ соч. С. 30 и далее.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 55.

В 30-х годах нашего столетия с отдельными статьями о болгаро-татарских монетах и их публикациями выступили такие нумизматы, как А. Васильев, Г. Губайдуллин, А. А. Кротков, Р. Р. Фасмер.

За последнее время в этой области много сделано С. А. Яниной. Она продолжила традиции ученых-нумизматов XIX в. Х. М. Френа, П. С. Савельева, А. Ф. Лихачева и внесла много нового в методику изучения монет, особенно монет, чеканенных волжскими булгарами. После известных работ Р. Р. Фасмера, посвященных восточным, в частности, болгарским монетам-подражаниям¹, работы С. А. Яниной явились наиболее важными в этой области. На основании накопленного нового монетного материала ей удалось внести ряд поправок и дополнений в те сведения, которыми располагала болгарская нумизматика². Ей принадлежит честь открытия нового монетного типа — самого раннего из известных болгарских монет, датированного периодом правления халифа ал-Муктафи (902—908 гг.)³. Имеется также ряд работ С. А. Яниной, посвященных изучению и классификации болгаро-татарских монет.

Методика графического исследования весовой метрологии монетного материала, хорошо продемонстрированная в работах В. Л. Янина и Г. А. Федорова-Давыдова, относится к новой нумизматике⁴. Поэтому новым и не менее важным этапом в изучении болгаро-татарских монет явились появившиеся в 60—70-х гг. работы Г. А. Федорова-Давыдова. Через руки Г. А. Федорова-Давыдова, занимавшегося археологическими исследованиями болгаро-татарских городов, прошли десятки тысяч серебряных и медных монет. На основании изучения археологического нумизматического материала и монетных кладов Г. А. Федоров-Давыдов выделяет несколько этапов обращения болгаро-татарских

¹ Фасмер Р. Р. О монетах волжских болгар X века. — ИОАИЭ. Казань, 1926. Т. 33. Вып. 1. С. 29—60.

² Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. — ТКАЭ. М., 1962. Т. 4. С. 179—204.

³ Янина С. А. Второй Неревский клад куфических монет X в. — МИА. № 117. М., 1963. С. 287—331.

⁴ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956; Федоров-Давыдов Г. А. Основные закономерности развития денежно-весовых норм в Золотой Орде. — В кн.: Археологический сборник. М., 1958. Т. 1.

монет¹. Продолжая традиции русских и советских нумизматов, Г. А. Федоров-Давыдов впервые составил сводку зарегистрированных находок — топографию болгаро-татарских монет². Он является автором ряда исследований денежного обращения не только Поволжья, Хорезма, Северного Кавказа и Крыма, но и Руси золотоордынского периода.

В 1983 г. вышла монография автора «Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв.»³. На базе накопленного дополнительного монетного материала и древних источников здесь освещается возникновение болгаро-татарских денежных терминов и денежно-весовых единиц, производится реконструкция денежных систем, изучаются их эволюции. Выделяются новые этапы обращения болгаро-татарских монет и приводятся уточненные весовые нормы чеканки.

Так случилось, что автор начал свои исследования с менее изученных монет XV в.⁴ Поэтому вышеназванная монография является результатом постепенного исследования денежно-весовых систем Поволжья более ранних периодов. А представленная книга «Древние монеты Поволжья» охватывает еще более древние периоды денежного обращения в Поволжье и Приуралье.

Денежное обращение Поволжья и Приуралья предхаazarского периода освещается впервые, хотя, на первый взгляд, постановка вопроса в подобном ракурсе кажется несколько проблематичной. Дело в том, что общественные отношения в среде лесных племен Поволжья и Приуралья, как, впрочем, и в средней полосе от Тихого океана до Прибалтики, повсеместно определялись родовым строем, носившим здесь особенно затяжной характер. Следовательно, говорить о каких-то племенах с развитыми общественными отношениями и интенсивным денежным обращением не приходится. Тем не менее, первые металлические деньги Восточной Европы собственного изготовления в виде бронзовых слитков появляются именно здесь.

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет. — НЭ. Т. 1. М., 1960.

² Его же. Находки джучидских монет. — НЭ. Т. 4. М., 1964.

³ Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М., 1983.

⁴ Мухамадиев А. Г. Семеновский клад золотоордынских монет XV в. — В кн.: Сборник студенческих работ историко-филологического факультета. Казань, 1964.

Для выяснения данного феномена весьма важным является указание К. Маркса о том, что «...кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме»¹.

Проникновение в указанной регион сосудов из драгоценных металлов и монет хорезмийского, сасанидского и византийского происхождения связано, видимо, с традиционными сезонными перекочевками. По руслу таким крупных рек, как Итил, Яик и Дон, каждое лето кочевые племена далеко продвигались на север, в среднюю полосу и тем самым содействовали установлению внешних контактов местных племен с развитыми странами Востока, интенсификации и развитию обмена. Анализируя историю возникновения обмена, К. Маркс писал: «...процесс обмена товаров возникает первоначально не в недрах первобытных общин, но там, где они кончаются, на их границах, в тех немногих пунктах, где они соприкасаются с другими общинами...»².

Данная работа в нумизматическом отношении продолжает традиции, установившиеся в русской и советской нумизматике, и в зависимости от состояния изученности разные периоды в ней освещены по-разному. Больше внимания уделено тем периодам, которые не изучены или изучены недостаточно.

Предметом исследования является проникновение в Поволжье и Приуралье «восточного серебра» в виде многочисленных изделий из драгоценных металлов и монет, возникновение обмена и торговли, появление собственного производства металлических денег и чеканки монет, установление особенностей и закономерностей монетного дела и денежного обращения. Как было замечено, в Поволжье и Приуралье известны монеты хорезмийской (доисламские), сасанидской, византийской, куфической, в том числе хазаро-булгарской и булгаро-татарской чеканки. Естественно, ставить неосуществимую задачу описания всех обнаруженных в этом регионе монет невозможно — их слишком много.

Наиболее ранними, обнаруженными в Поволжье и Приуралье, являются сасанидские, хорезмийские и ви-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 99.

² Маркс К. К критике политической экономии.— Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., Т. 13. С. 37.

зантийские монеты. Сасанидские и византийские монеты в целом изучены достаточно хорошо. По этой причине в работе в основном подчеркивается их значение для датировки археологических объектов, погребений и т. д. Именно датировка сасанидских монет, обнаруженных совместно с хорезмийскими, помогает при анализе последних, менее изученных в нумизматике, и им посвящается специальный раздел.

Впервые даются прочитанные на основе составленного автором хорезмийского алфавита титулы и имена правителей Хорезма (Африг, Бугра, Закассак, Асукджавар и Асукджамук) которые совпадают с известным списком Бируни и сведены в таблицы. Автор не допускает мысли, что все проблемы доисламской хорезмийской нумизматики решены, но кое-какие исследования были проведены и в этом направлении.

Впервые исследуется также обращение более ранних форм денег — сосудов из драгоценных металлов и бронзовых слитков из Поволжья и Приуралья. При обнаружении еще первых таких слитков нами было высказано предположение, что они, возможно, представляют собой наиболее ранние формы денег. Но для того, чтобы подтвердить данное предположение, необходимо было исследовать районы их распространения, весовые нормы изготовления и т. д. Автору удалось обнаружить бронзовые слитки в Пермском краеведческом музее и особенно в Удмуртском НИИ, где они представлены более крупными двойными экземплярами. В работе подчеркивается, что весовая норма изготовления слитков, выраженная в драмах, и достаточно широкая их распространенность являются убедительным аргументом в пользу того, что бронзовые слитки действительно служили металлическими деньгами.

Установление бесспорной весовой нормы чеканки монет имеет важное, а в некоторых случаях определяющее значение для решения некоторых вопросов нумизматики. Хазарские или булгаро-татарские монеты, как и другие средневековые монеты, не носили на себе обозначения номинальной стоимости. Этого и не требовалось, поскольку чеканились они из серебра, а цены на него не только в различных странах, но и в разных областях одной и той же страны сильно колебались. Поэтому при торговых операциях люди принимали их

на вес. Следовательно, решающее значение имел вес монеты, и он не мог быть случайным.

В нумизматической литературе существует довольно ощутимый разнобой в определении теоретической весовой нормы чеканки древних и средневековых монет. Этому способствуют и некоторые объективные факторы, связанные с техническими приемами чеканки. Например, иногда монеты выпускались по определенной стопе, когда отдельно взятая монета не выверялась, хотя соответствующее их количество давало точную меру. Или же монетный двор, экономя серебро, выпускал заведомо легковесную монету. Однако в любом случае необходимо иметь представление о весовой системе того периода, когда выпускалась та или иная группа монет.

Каких-либо сводов мер и весов средневекового Востока с переводом их в метрическую систему не существует. Часто ученые-востоковеды вынуждены сами составлять рабочие пособия по метрологии.

При работе над хазарскими и булгаро-татарскими монетами большую пользу оказывает пособие, составленное В. Хинцем и Е. А. Давидович, в предисловии к которому справедливо отмечается: «Ведь никто без особой нужды не отваживается сунуться в неразбериху мусульманской метрологии; источники изобилуют противоречиями и на первый взгляд точными, в действительности же часто фиктивными сведениями»¹. Вместе с тем метрологические сведения, относящиеся к Средней Азии или другим районам арабского Востока, не всегда применимы к денежно-весовой системе Поволжья, где имелись свои традиции употребления весов и мер, возникшие еще до возвышения арабов.

Как показывает графический метод исследования хазарских и булгаро-татарских монет, в VIII—XV вв. был проведен ряд денежно-весовых реформ. После таких реформ или весовых изменений каждый раз монеты выпускались в соответствии с теоретическим расчетом мискалей в 4,095 г, 4,26 г, 4,464 г, 4,56 г или в 4,68 г.

В указанной монографии, согласно принятому в нумизматике принципу, весовая норма чеканки опреде-

лена по вершинам весовых диаграмм. Однако нумизматы знают, что при этом все же не исключается момент случайности. Для того, чтобы исключить последнее, автором использован своеобразный и простой способ проверки. Например, по диаграммам было установлено, что в XIV в. монеты Токты, Узбека и Джанибека выпущены по различной весовой норме чеканки. Кажалось бы, разница небольшая и указанные весовые нормы разделяют сотые доли грамма, но именно вокруг весовых норм чеканки ($\pm 0,05$ г) в 1,485 г, 1,52 г и 1,56 г группируется 80% монет соответствующих правителей. Это довольно высокая точность чеканки для средневековья и, если мы произвольно изменим весовую норму чеканки, то сразу же нарушится данное процентное соотношение¹.

Упомянутая выше взаимосвязь между разными мискалями свидетельствует о каких-то общих корнях этих весовых фракций. Изучение более древних монет хазарской и болгарской чеканки, т. е. выявление общих корней весовых систем Поволжья позволило установить, что различные мискалы являются не случайными в этой системе.

Древнейшая для Поволжья драхма в 4,26 г, из расчета которой отливались еще бронзовые слитки VI—X вв., восходит к весовому стандарту — фунту в 409,5 г. Их взаимосвязь явная: драхма в 4,26 г — это $\frac{1}{96}$ часть указанного фунта. Но фунт в виде фракции в 4,095 г тесно связан с ритлом (литрой) в 327,6 г, 80-й частью которого является ($327,6 : 80 = 4,095$ г). Из этого же расчета, видимо, чеканились хазарские монеты VIII—IX вв. весом около 3,4 г, составляющие $\frac{1}{96}$ часть ритла ($327,6 : 96 = 3,41$ г).

Мы подошли к истокам системы весов и мер раннего Поволжья и Приуралья. Она возникла под влиянием римско-византийской системы. Видимо, уже в хазарский период, еще до арабов, устанавливались весьма тесные контакты с римско-византийской денежной и весовой системой. В этом нет ничего удивительного, ибо хазары в VII в. — еще до арабского вторжения — начали осваивать чеканку подражаний византийским монетам². Эти

¹ Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему; Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970. С. 10.

¹ Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская... С. 71, 130.

² Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967. С. 121.

традиции, видимо, не были утеряны в болгарский и болгаро-татарский периоды.

Учитывая все это, денежно-весовые системы Поволжья VI—XV вв. в общих чертах можно представить следующим образом:

Мискаль 4,095 г. = $\frac{1}{80}$ ритла в 327,6 г.

Мискаль 4,43 г. = $\frac{1}{74}$ —» — —»

Мискаль 4,56 г. = $\frac{1}{72}$ —» — —»

Мискаль 4,68 г. = $\frac{1}{70}$ —» — —»

Все эти системы мискалей зафиксированы весовой нормой чеканки десятков тысяч взвешенных монет. Лишь мискаль в 4,43 г в монографии выглядит несколько более тяжелым (4,46 г) ¹.

Фракция в 4,68 г является наиболее крупным известным мискалем в Поволжье. Круг замыкается: согласно приведенному выше соотношению с ритлом в 327,6 г, мискаль в 4,68 г переходит в мискаль $4,68 \cdot \frac{7}{8} =$

$= 4,095$ г. Любопытно, что такой переход подтверждается каждый раз весовой нормой чеканки выпущенных в XIII, XIV и XV вв. монет ².

Таким образом, ритл и мискаль в 4,095 г тесно связаны между собой и, видимо, именно эти древнейшие известные величины — ритл в 327,6 г и фунт в 409,5 г — определяли всевозможные весовые изменения монет. Хотя ритл в 327,6 г несколько заслонен довольно сложной денежно-весовой системой, в частности, системой мискаля в 4,095 г, нужно сказать, что в основе не только денежной, но и всей весовой системы Поволжья лежит именно данный сквозной ритл.

Г. А. Федоров-Давыдов, вычисляя вес сома начала XIV в. по сообщению Франческо Пеголотти, допускает бытование такого ритла (327, 456 г) ³.

Придерживаясь постулата, что книга — это не дискуссия, а изложение фактов, автор в указанной монографии не противопоставляет свои уточнения весовым нормам чеканки, предложенным Г. А. Федоровым-Давыдовым или построениям, выдвинутым С. А. Яниной, тем более, что без основательных исследований указанных

¹ Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская... С. 66.

² Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская... С. 59, 103, 127.

³ Федоров-Давыдов Г. А. Денежно-весовые единицы Тамм в начале XIV в.—СА, 1958. № 3. С. 68.

авторов в области болгаро-татарской нумизматики дальнейшая работа и появление данной монографии было бы невозможным. Автор, естественно, допускает возможность некоторых ошибок, особенно в тех случаях, когда ощущается недостаток в исходном полновесном монетном материале.

В 1985 г. А. З. Сингатуллиной была защищена кандидатская диссертация по монетной системе Поволжья XIII в. ¹. Упрощение и усечение приведенного в монографии монетного материала, относящегося к XIII в., позволили ей в своей диссертации «защитить» устаревшие положения или игнорировать установленные путем взвешивания многочисленных монет весовые нормы чеканки, не утруждая себя приведением новых, подтверждающих ее мнение фактов. Она избегает трудноразрешимых вопросов, указывая, что из-за отсутствия сведений в письменных источниках XIII в. о денежном деле, отсутствия данных о величине мискаля «...мы считаем невозможным реконструкции денежно-весовых систем, монетной стопы чеканки монет и ограничиваемся указанием наибольшего числа монет, приходящихся на тот или иной вес» ². Тем самым она упрощает себе процесс исследования. Позволю себе не согласиться с некоторыми утверждениями автора диссертации.

Если бы А. З. Сингатуллина привела весовые данные какой-либо неизвестной монеты или неисследованного клада, то ее методику работы над монетами можно было бы понять. Но она вольно обращается (без сносок) весовыми данными монет и кладов (напр., Альменевский клад), которые изучены и приведены в монографии. Говоря о дирхемах, чеканенных в Булгаре от имени халифа Насир лид-Дина, она полагает, что автор монографии, так же как П. С. Савельев и А. Ф. Лихачев, удревает их. Она не только не упоминает весьма убедительные языковые особенности, уточненные автором, но и установление им определенной стопы чеканки, которая вообще исключает их из денежно-весовой системы Поволжья ордынского периода ³. Ей пред-

¹ Сингатуллина А. З. Денежное дело и денежное обращение Золотой Орды XIII века (Поволжские города). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1985.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 6—8.

ставляется очень важным аргумент, что за годы раскопок в разрушенном и невосстановленном после монгольского погрома Биляре не найдено ни одной монеты Насир лид-Дина. Следует сказать, что автор данных строк принимал участие в раскопках Биляра. Действительно, в культурных слоях городища крайне редкими являются монеты вообще, в том числе монеты X в., а не только монеты Насир лид-Дина. Но тем не менее в монографии сообщается о таких находках¹.

Собственно, автор не допускает мысли, что все приведенные в монографии данные относительно весовых норм чеканки твердо установлены. Это особенно касается менее изученных монет XIII в. Например, диаграмма монет Мунке, как указано в монографии, составлена из случайных, т. е. явно легковесных монет, и их всего 41 экземпляр². Весовая норма чеканки монет с надписью «Высокая тамга» также установлена всего по 45 монетам. Этого мало. Но это был весь доступный в то время автору монетный материал. Следовательно, для того, чтобы уточнить весовые нормы чеканки указанных типов монет, нужно не только пересчитать приведенный, но привлечь новый монетный материал.

Таким образом, критикуя некоторые положения монографии, Сингатуллина А. З. не вникла достаточно глубоко в методику исследования. Результаты метрологических исследований, приведенные автором монографии, это не самоцель, а стремление после всестороннего исторического и филологического изучения монеты извлечь из нее максимум фактических данных. Кстати, Сингатуллина А. З. допускает вольности и в чтении надписей монет. Если бы, скажем, ученый, занимаясь древнерусской нумизматикой, понятия не имел бы о русском, не говоря уже о древнерусском языке, это вызвало бы недоумение. А вот когда тюркскую надпись на болгарских монетах называют «монгольской» — к этому почему-то мы относимся спокойно. Беспомощным является перевод Сингатуллиной А. З. «монгольского слова» *Укек* (название города в Поволжье) как «вал», «плотина», в то время как в древ-

¹ Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская... С. 33.

² Там же. С. 47. Сноска 6.

нетюркском словаре это слово означает башню¹. То же самое можно сказать относительно надписи на монетах «али», которая означает не «главный», как она полагает, а «великий, высокий», как оно и переведено в монографии².

Увлечение монгольской терминологией обычно приводит к недооценке существовавших традиций и достижений материальной и духовной культуры народов Поволжья. Как справедливо отмечает Б. А. Серебrenников «...монгольские материалы настолько малоинформативны, что их трудно эффективно использовать при изучении истории тюркских языков»³.

В монографии монеты в основном названы по региональным и хронологическим признакам: хорезмийские, хазарские, болгарские или болгаро-татарские и т. д., тем более, что в основе связанных с монголами терминов лежит пренебрежительное отношение к традиционной материальной культуре покоренных монголами народов. Булгаро-татарское монетное дело и достаточно сложная денежно-весовая система не связана с деятельностью ордынских ханов, которые кочевали в степях. В них, как и в дошедших до нас литературных произведениях, отражены научные достижения своей эпохи и успехи рационального мышления, уходящие своими корнями в раннее средневековье — в хазаро-болгарский период.

Работа в основном подготовлена на материалах многолетних археологических раскопок, а также материалах ИЯЛИ АН СССР имени Г. Ибрагимова, Ижевского государственного университета и ряда других собраний.

¹ Сингатуллина А. З. Денежное дело... С. 23.

² См.: Арабско-татарско-русский словарь заимствований. Казань, 1965.

³ Серебrenников Б. А. Являются ли тюрко-монгольские параллели средством проникновения в глубины истории тюркских языков? — Советская тюркология. Баку, 1980. № 6. С. 23.

Глава I

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ ПРЕДХАЗАРСКОГО ПЕРИОДА

Товаро-деньги

Поволжье было весьма далеко от древнего «цивилизованного» мира, но уже античные авторы, например, Геродот интересовались Каспийским морем, рекой Оар или Ра (Волгой) и жителями на ее берегах. В Поволжье кроме греческих монет, встречаются, как и по всей Восточной Европе, и римские монеты. Страсть к желтому металлу была не чужда многим племенам Восточной Европы, как скифам, так и сарматам. Но проникновение греческих или римских монет было незначительным и нерегулярным, следовательно, не могло содействовать возникновению денежного обращения.

Общественные отношения многих племен Поволжья и Приуралья определялись родовым строем, который носил затяжной характер. Существовали достаточно прочные родовые коллективы, которые совместно вели общее хозяйство. Род был небольшим и включал не более 45—50 человек¹. В дальнейшем отмечается повсеместный распад рода, появление больших патриархальных семей и соседских общин. Но соседские общины и малые семьи начинают складываться здесь лишь в IX—XI вв.²

Первые известные науке монеты появляются в Поволжье и Приуралье в III—IV вв. Как и другие привозные вещи, они оплачивались местным товаром, в основном пушниной. Монеты являлись пользовавшимся большим спросом товаром, служившим для одnorазового обмена. Часто приобретающий монету человек больше с

¹ Генинг В. Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье.— Вопросы археологии Урала. Вып. 7. Свердловск, 1967. С. 37.

² Там же. С. 38.

нею до смерти не расставался, и ее клали в могилу вместе с его личными вещами. Но монета, являясь продуктом развитого общества, будучи средством обращения с нормированным весом, пробой, удобная для перевозки и хранения, таила в себе возможность накопления. Она была более компактным товаром по сравнению с другими товарами, такими, как сосуды из драгоценных металлов и т. д. Например, в Агафоновском II могильнике (раскопки Р. Д. Гольдиной) в одном из погребений (погребение № 296) обнаружено 6 монет.

Появление денежного обращения в Поволжье и Приуралье относится к предхазарскому периоду и, по-видимому, связано с активностью кочевников как посредников в товарообмене. Иначе трудно было бы объяснить, почему металлическое денежное обращение возникает именно в этом регионе, на обширной территории средней полосы, где общественные отношения определялись родовым строем. Дело, видимо, в том, что если племена гуннов, а позднее тюрков, обитавшие в южных степях, веками мигрировали с востока на запад, то долины крупнейших рек Яика, Итиля и Дона служили ежесезонными миграционными артериями с юга на север и обратно. Каждую весну кочевники со своими стадами поднимались к летовкам — сочным прибрежным лугам средней полосы, служившим местом сбора, религиозных празднеств и т. д., а с наступлением осени спускались в степные районы, где животные могли добыть подножный корм и зимой. Этой же традиции придерживались и хазарские каганы. Видимо, именно таким способом лесные племена Поволжья и Приуралья довольно рано включились в примитивные товарно-денежные отношения с кочевым миром, а через него — с развитыми странами раннего средневековья — сасанидским Ираном и Византией. Наиболее ранние металлические товаро-деньги в виде бронзовых слитков обнаружены в Тураевском могильнике, относимом предположительно к гуннам¹.

Во II в. н. э. гунны упоминаются Птоломеем, наряду с бастарнами и роксоланами, как одно из рядовых племен Сарматии². Но к IV в. отмечается усиление гуннов,

¹ Генинг В. Ф. Тураевский могильник V в. н. э.— В кн.: Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 88, 107.

² Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1904—1906, Ч. I—II. С. 232

которое происходило за счет присоединения многих племен Восточной Европы. При правлении Ругиля они чаще стали упоминаться в византийских анналах. При правлении Аттилы к середине IV в. гунны стали хозяевами обширных территорий от Волги до Паннонии. Вытесненные из Северного Причерноморья готы и подвластные им анты в союзе с гуннами также участвовали в наступлении на Рим. Дипломатические отношения с Римом и удачные войны с сасанидским Ираном содействовали более интенсивному проникновению драгоценного металла в Восточную Европу.

В начале 70-х гг. VI в. Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших стран — Византии, сасанидского Ирана, Китая и ведет борьбу за установление контроля над торговыми путями, особенно из Китая в страны Запада¹.

Интенсивные взаимоотношения гуннов и тюрков, в том числе хазар, с вышеназванными странами, по-видимому, нашли свое отражение в многочисленных предметах обмена, обнаруженных в Поволжье и Приуралье в виде сосудов из драгоценных металлов и монет. Бронзовые слитки, о которых речь пойдет дальше, и поступавший в Поволжье и Приуралье хорезмийский, сасанидский и византийский драгоценный металл имел самое непосредственное отношение к товарообмену этого региона и свидетельствует о поступательном развитии внутренней и особенно внешней торговли. При этом обращение изделий из драгоценных металлов и бронзовых слитков совпадает с временем появления в Поволжье и Приуралье курганов кочевников, как Тураевский, относимых к гуннам, и поселений именьковцев — предшественников булгар. Поселения именьковцев располагались исключительно на берегах крупных речных магистралей, на традиционной дороге кочевников. Таких поселений, благоприятных не только для занятий земледелием и скотоводством, но удобных и для торговли, на Нижней Каме и Средней Волге обнаружено более 350².

¹ Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М.—Л., 1951. С. 184.

² Старостин П. Н. Этно-культурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье. — Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 50.

В исторической литературе значительное место уделено вопросам проникновения в Поволжье и Приуралье изделий из драгоценных металлов, в том числе сасанидских, хорезмийских или византийских монет. Монеты в целом, как было отмечено, должны были утратить здесь свою непосредственную функцию платежного средства. Экономические отношения племен Восточной Европы на данном этапе, по-видимому, еще не достигли уровня, требующего развитого денежного обращения, поэтому во внутренней и внешней торговле преобладал натуральный обмен. Лишь позднее, в период образования Хазарского каганата, с развитием товарного производства в хазарских городах, когда приток хорезмийских, сасанидских или византийских монет в Поволжье и Приуралье становится постоянным, можно говорить об интенсивном монетном обращении. Поэтому довольно интересным и важным представляется изучение обнаруженных здесь предметов из драгоценных металлов: сосудов, монет и бронзовых слитков — первых товаро-денег, отлитых, судя по обнаруженному кладу, в именьковских поселениях. Они позволяют проследить экономические связи этого региона в предхазарский и хазарский периоды, и значительно углубить вопросы изучения внутренней и внешней торговли.

Проникновение в Поволжье и Приуралье предметов из драгоценных металлов и монет, судя по датам, начинается, видимо, в III в., который совпадает с началом правления династии сасанидов. Естественно, сам по себе данный факт не может объяснить появления здесь сасанидского металла и монет, которое носит случайный характер. Возникновение ранних товаро-денег, видимо, объясняется тем, что в III—IV вв. отмечается оживление внутреннего и особенно внешнего обмена, немаловажным толчком к которому послужили вхождение Поволжья и Приуралья в состав государства Кангюя или Турана, о чем сообщают китайские хроники, и выход Восточной Европы на международную арену после образования мощной державы гуннов¹.

Вывоз пушнины из районов Поволжья и Приуралья отражен в очень ранних письменных источниках. В этой связи несомненный интерес представляет история государства Кангюя.

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950. Ч. II. С. 155.

Кангюй, или Туран по иранским источникам, это название полукошевого государства, простиравшегося от Аральского моря до низовьев Волги, а в годы расцвета — до Северного Кавказа и Приуралья. Согласно китайской хронике, союзные государства Усунь и Кангюй составляли могущество гуннов. После Кушана Кангюй представлял собой крупное и сильное государство севера Средней Азии. «Кангюй, напротив, горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланниками», — писал в своем докладе императору наместник Го Шунь¹.

Впервые Кангюй упоминается в китайских хрониках, рассказывающих о событиях II в. до н. э., связанных с ослаблением империи гуннов. Сын Неба начал проявлять большой интерес к странам, расположенным западнее от гуннов. В западные страны отправлялись посланники или шпионы, как они названы в хрониках, целью которых было поссорить Усунь, Кангюй и другие гуннские владения между собой. Эта тактика считалась очень хитроумной и называлась «отсесть правую руку у хуннов», о ней не раз с гордостью писали последующие поколения хронистов². Император У-ди ставил далеко идущие цели. Посланник Чжан Цзян, например, докладывал, что «от Шаньду на север лежат владения Большой Юечжы и Кангюй, имеющих сильное войско, которое можно нанимать на службу; а если будет случай склонить их к подданству, то можно распространить китайские владения почти на 10 000 ли»³. Сын Неба с восхищением принял посланника и впоследствии войска императора предприняли два изнурительных и кровопролитных похода в Среднюю Азию.

Уже предпринятое путешествие первого посланника показало, что гунны со своей стороны зорко следили за границей и Чжан Цзян со своим караваном из ста человек и проводником гунном был схвачен и представлен царю гуннов. «Юечжы от нас на севере, — сказал царь, — по какому же праву Дом Хань отправляет посланника? Если бы я захотел отправить посланника в Юе (владение в южном Китае), то Дом Хань согласился бы с моим желанием?»⁴. Однако он не стал казнить китай-

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... — Ч. II. С. 185.

² Там же. С. 155—156.

³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... — Ч. II. С. 154.

⁴ Там же С. 148.

ца, но «наказал», женив его на гуннской девушке. Чжан Цзяну пришлось, спрятав в затаенное место бунчук Сына Неба, ждать более благоприятных времен. Лишь после 13 лет Чжан Цзяну удалось бежать и, посетив Давань, Большой Юечжы, Дахи и Кангюй, вернуться в Китай, где он и представил отчет о своем путешествии. Таким образом, донесение Чжан Цзяна о Средней Азии и областях к северу от Аральского моря и Каспия — это сведения человека, лично посетившего многие земли этого региона. Являясь единственным для столь раннего периода источником подобного рода, он представляет несомненный интерес. К тому же значение сообщений Чжан Цзяна состоит не только в описании различных владений, расположенных на западе, но и в том, что эти страны, попав на страницы хроник, уже никогда не выпускались из поля зрения последующих хронистов.

Интересны сведения Чжан Цзяна о Кангюе, расположенного, по его словам, на северо-западе от Ферганы: «Кангюй лежит почти в 2000 ли от Даваня на северо-запад, — пишет он. — Это кочевое же владение, в обыкновениях совершенно сходствует с юечжысцами; имеет до 90 000 войска». Описывая же Юечжы, он указывает, что они «в обыкновениях сходствуют с гуннами»¹. О государстве Яньдай утверждает, что оно «лежит почти в 2000 ли от Кангюя на северо-запад. И это кочевое владение в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем. Войска более 100 000. Лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов. Это есть северное море»². Возможно, Чжан Цзян здесь говорит о расположенном у Каспийского моря владениях сармат.

В начале нашей эры, кроме основной территории Кангюя, или Турана (Лоюень), «великому владетелю» платили дань пять «малых владетелей»: Сусе, Фуму, Юени, Ги и Юегянь. Локализация данных владений не входит в нашу задачу, фактически она уже сделана³. Следует лишь сказать, что одним из важных центров являлся Юегянь, или Ургенч, где выпускались наиболее ранние монеты Турана, попавшие в Поволжье и Приуралье.

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... — Ч. II. С. 150.

² Там же.

³ Кляшторный С. Г. Древнестюркские рунические памятники. М., 1964. С. 172.

Для нас пока бóльший интерес представляют племена, обитавшие на западе и северо-западе от Кангюя и их торговые связи. В данный период Кангюй мог располагать уже 120 000 войском, т. е. становится более крупным государством, чем Яньцай. Кангюйский властелин отправил своего сына с великими дарами в заложники к китайскому двору. Однако он держал себя надменно и не признавал себя подданным Сына Неба. Согласно жалобе наместника Го Шунь, «чиновников, посылаемых к нему от наместника, он сажает ниже усуньских послов. Князьям и старейшинам его подают кушанье прежде, а потом уже посланным от наместника»¹. Го Шунь дальше объясняет, почему кангюйский владыка отправляет своих сыновей на службу к китайскому двору. «Судя по сим поступкам, не трудно отгадать, — пишет он, — для чего он отправляет сыновей на службу при китайском дворе. Это есть хитрый предлог, под которым он желает производить торговлю»².

Во II в. н. э. Кангюй достигает своего расцвета. Об этом свидетельствует, например, то обстоятельство, что государство Яньцай уже находится в зависимости от Кангюя³. Основными предметами вывоза являлись лошади, крупный рогатый скот и пушнина. Историки младшей ханьской династии, сообщая о зависимости земли Суй от Кангюя, пишут, что «отсюда выходят славные лошади, крупный и мелкий рогатый скот, виноград и разные плоды»⁴. Суй можно отождествить с савирами античных авторов. Мы уже упоминали о государстве Яньцай, расположенном в районе Нижнего Поволжья. Чрезвычайно любопытным является сообщение о владении Янь: «Владение Янь лежит от Яньцай на север; состоит в зависимости от Кангюя, которому подает платит кожами зверьков мышиной породы»⁵. Таким образом, судя по Хоуханьшу (25—265 гг.), не позднее III века н. э. мы впервые встречаем свидетельство письменного источника о вывозе пушнины из региона Прикамья и Приуралья, что подтверждается также обнаруженными здесь наиболее ранними формами денег.

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Ч. II. С. 185.

² Там же.

³ Там же. С. 229.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Сосуды из драгоценных металлов и ранние монеты

Кроме монет, чеканенных в монетных дворах Турана, Ирана и Византии, о которых речь пойдет дальше, в Поволжье и Приуралье, начиная с III и особенно с VI в., с оживлением товарно-денежных отношений, начинают поступать различные художественно выполненные сосуды из драгоценных металлов. Все это многообразие в виде монет и редких сосудов свидетельствует не только о тесных контактах с Кангюем, или Тураном, но и о росте торгового обмена между южными странами и Поволжьем. Сосуды из драгоценных металлов и наиболее ранние серебряные и медные монеты, хотя и были предшественниками бронзовых слитков местного производства и содействовали их появлению, но еще не являлись всеобщим эквивалентом. Но, будучи ходовым товаром, используемые в своей натуральной форме, они пользовались большим спросом и постепенно превращались из предметов в средства обращения, т. е. в ранние формы денег.

Как было отмечено, в исторической литературе прослеживается стремление объяснить ввоз драгоценного металла в Поволжье и Приуралье деятельностью согдийских купцов¹. Проникновение изделий из драгоценного металла в Поволжье и Приуралье нельзя представить вне связи с развитием обмена в данном районе. Сам же процесс проникновения драгоценного металла происходил следующими основными путями:

1. Посредством торговых связей между племенами Поволжья и Приуралья, с одной стороны, и кочевниками — с другой. При этом ведущую роль в раннем средневековье играли среднеазиатские пути в Туран, а в сравнительно поздние периоды — юго-западные пути по Волге и Дону.

Сосуды из драгоценных металлов и монеты туранского, иранского и византийского производства и чеканки свидетельствуют будто бы об одновременном существовании нескольких торговых путей. Однако не следует забывать о таких порой непреодолимых для отдельных торговых людей препятствиях в раннем средневековье, как отсутствие дорог и редкость поселений, и, следовательно, трудности в пополнении запасов продовольствия. Согласно средневековым авторам, например, Марвази,

¹ Распопова В. И. Археологические данные... С. 81.

путь только из Хорезма к земле болгар занимал три месяца. Это было известно и Ибн Фадлану, который сообщает, что «мы запаслись хлебом, просом, сушеным мясом на три месяца»¹.

В существовании мирных торговых путей прежде всего были заинтересованы владетели Турана, предводители гуннов, тюркские каганы, хазарский каган, болгары, сувары. Правители не только взимали определенные проценты от доходов торговых людей, но и сами являлись крупными партнерами в торговле. Часто ставки самих каганов являлись местом бойкой торговли. Например, в позднем средневековье в таких ставках находились со своими товарами не только торговые люди, но работали сукновалы, кузнецы и даже чеканились монеты с обозначением места чеканки («урда базари», т. е. «базар ставки»²).

Думается, VI—VII вв. торговые люди могли проникнуть в Прикамье, путешествуя вместе со ставкой кагана или с его приближенными по долинам рек Волги, Яика и Дона. Нижние течения названных рек были теми промежуточными пунктами, где сходились торговые пути. Конечными пунктами на севере служили определенные районы Прикамья.

Подтверждающим данный тезис фактом является то, что сосуды из драгоценных металлов и наиболее ранние монеты получили распространение не во всех районах Поволжья и Приуралья, а в основном в пермском Прикамье, куда в зените лета добиралась каганская ставка и находилась там до ранней осени, готовясь в обратный путь. Здесь происходил, видимо, сбор подданных кагану беков-вассалов, добравшихся, возможно, другими путями, проводились различные празднества с традиционными торгами, к которым заранее готовились также местные племена. Интересное описание такой летовки кочевников, ее отличия от степных районов оставил профессор Казанского университета О. М. Ковалевский: «Здесь и травы, произрастая в большом изобилии, прокармливают бесчисленные стада... Словом, сия страна совершенно различна от той, где мы по сие время находились... Тут заключаются досвадебные договора, праздну-

¹ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. С. 36.

² Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М., 1983. С. 125.

ют свадьбы, открывается торговля, начинаются религиозные празднества...»¹.

2. Как военная добыча или подношение царей Турана, Иранского шаха или Византийского императора родо-племенным вождям кочевников, предводителям тюркского или хазарского войска. Например, византийский император Ираклий, напуганный вторжением в Сирию персов в 617 году, заключил союз с хазарским каганом. Хотя шахиншах Хосров II, обеспокоенный этим союзом, попытался отговорить кагана, но вторжение на Кавказ войск хазар, в составе которых находились болгары и сувары, состоялось. Хазары и их союзники имели большую добычу: «золотые сосуды, драгоценные одежды», многочисленных пленных и стада животных. Далее состоялась встреча Ираклия с хазарским каганом. Император возложил на него корону и устроил в его честь роскошный пир, после которого последнему была подарена вся драгоценная сервировка императорского стола².

Как известно, одним из интересных местонахождений сосудов является деревня Бартым Пермской области. Например, в 1925 году крестьянином Г. Давлетшиным во время пахоты было найдено византийское блюдо, а в 1949 году на том же поле бригадиром Калиуллиным найден массивный серебряный кубок. В 1950 году там же колхозником Фаизхановым найдена большая серебряная чаша, содержащая 264 серебряные византийские монеты. Бартымский клад византийских монет является уникальным, т. к. состоит из однотипных, никогда не бывших в обращении монет Ираклия. Следовательно, монеты клада поднесены какому-то знатному лицу непосредственно из императорского монетного двора и перенесены в Бартым.

3. Собственное изготовление. Несмотря на то, что имеются прямые свидетельства об изготовлении тюрками сосудов из драгоценных металлов, данный аспект является наименее изученным. Например, согласно Феофилакту Симокатта (VI в.), когда в результате единовременной дани «...правительство тюрков обогатилось золотом персов, все это племя предалось великой роскоши: они выковывали и чеканили себе золоченые ложа,

¹ Казанский вестник, Казань, 1830. Ч. 28, Кн. II, III. С. 149, 285.

² Артамонцов М. И. Очерки древней истории хазар. Л., 1936. С. 57.

стола, кубки, кресла и подставки, делали из золота конские украшения и полное вооружение себе...»¹.

Менандр, увидевший своими глазами казну кагана Истеми (правитель западной части первого Древнетюркского каганата), сообщает, что там «...было множество серебра, блюда и корзины и многие изображения четвероногих, сделанных из серебра, ничем не уступающие тем, которые делают у нас»².

Сосуды из драгоценных металлов — это роскошь, и она была доступна далеко не каждому торговому человеку. Например, многие сосуды, обнаруженные в Поволжье и Приуралье, явно из тех, что покинули дворцы шахиншахов Ирана или императоров Византии. Следовательно, в изучаемый период лишь наиболее могущественные властители, обладавшие достаточным запасом драгоценных металлов, могли позволить себе изготовление предметов роскоши подобного рода. Следует также сказать, что такие крупные и сильные государства, как Тюркский или Хазарский каганат, вполне могли организовать добычу драгоценных металлов на Урале и на Алтае, где известны, например, древние места разра-боток³.

Попыток связать изготовление определенного художественно выполненного сосуда с Поволжьем пока мало⁴. Установление места изготовления сосудов из драгоценных металлов, собственно, не входит в нашу задачу. Но все же хотелось бы указать на одну особенность изображаемых сюжетов на сосудах, особенно ранних, обнаруженных в Поволжье и Приуралье. Как нам представляется, исследователи еще не обратили на них должного внимания.

Изображения на художественно выполненных сосудах можно разделить по мотивам на две линии, резко различающиеся между собой (табл. I—VIII).

Первая линия включает композиции, в которых представлены изображения царственных особ во время охоты, пира и т. д. Преобладающими являются сцены охоты на определенные виды диких животных и зверей:

¹ Симокатта Ф. История. М., 1957. С. 78.

² Дестунис С. Византийские историки. СПб., 1860. С. 378.

³ Сунчугашев Я. И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакаско-Минусинской котловине. М., 1975. С. 134.

⁴ Даркевич В. П. Ковш из Хазарии и тюркский героический эпос. — КСИА. № 140. М., 1974. С. 28.

горных баранов, вепрей, львов, барсов и т. д. Таковы, например, сцены охоты на горных баранов (Шапур II, 309—379 гг.), на барса (Шапур III, 383—388 гг.), сюжеты, в которых в верхней части сосуда изображен царь среди своих военачальников, внизу — сцена охоты на горных баранов (Хосров I, 531—579 гг. и Хормизд IV, 579—590 гг.) и т. д.¹

Вторая линия включает изображения диких и хищных зверей в состоянии борьбы между собой или в величественном покое на фоне священного дерева, воды и земли, отсутствующих или имеющих совершенно иную трактовку на сюжетах первой линии. Такие сцены, как лев, терзающий лань, барс у священного дерева, бараны у священного дерева, с которого свисает змея-покровительница, львица, кормящая под священным деревом львят, и т. д., непосредственно восходят к искусству степных народов, существовавшему с древнейших времен². Борьба диких зверей, изображенная, например, на резном деревянном саркофаге из Башодарского кургана, по-видимому, не просто искусно выполненная сцена, но как бы великолепно выполненная пиктографическая сага о подвигах героя³.

В письменный период подобные сцены описывались уже следующим образом:

*Так как небо дало им силу,
войско моего отца — кагана было подобно волку,
его враги были подобны овцам*⁴.

На изображениях сосудов второй группы заметно стремление мастера подчеркнуть значение священной воды и дерева, с которыми у гуннов и тюрков, в том числе хазар, связывалось представление о Тенгри, т. е. Небе. Вокруг такого дерева во время религиозных праздников совершались жертвоприношения⁵. Древность культа «священная земля-вода» подтверждается китайскими династийными хрониками. В них говорится также, что гунны три раза в году собирались в храме дракона

¹ Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.—Л., 1935. Табл. 4, 5, 7, 13.

² Там же. Табл. 26, 27, 32, 33.

³ Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976. С. 26.

⁴ Стеблева И. В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформации в раннеклассический период. М., 1976. С. 20.

⁵ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 187.

и приносили жертву духу неба¹. Изображение баранов священного дерева, с которого свисает громадная змея-покровительница, аналогична сцене на золотой бляхе, где в роли «покровительствуемого» выступает волк².

В изучаемое время многие роды кочевых племен правящие династии некоторых оседлых центров, вышедшие из кочевой среды, носили названия животных или диких зверей. На некоторых чашах, видимо, не случайно животные или дикие звери имеют человеческую фигуру с развивающимися лентами на шее, т. е. признаками царского достоинства³. Стоит также упомянуть о короне властителей в виде двугорбого верблюда, изображенной на монетах Хорезма, и о короне кушанских царей в виде головы барана⁴.

Таким образом, судя по сюжетам, помещенным на сосудах, племена гуннов или тюрков были причастны к изготовлению подобных изделий. Но, конечно, главное их значение для племен Поволжья и Приуралья заключалось в том, что сосуды, как предметы из драгоценных металлов, требовали взвешивания, т. е. оценки, следовательно, они были вовлечены в процессы формирования системы мер и весов, способствовали распространению среди населения определенных навыков применения весовых стандартов.

Сосуды из драгоценных металлов, хотя и пользовались большим спросом как ритуальные предметы, но еще не могли служить всеобщим эквивалентом при обмене, так как их было сравнительно мало, да и достигнутый уровень общественного развития (и товарного производства) еще настоятельно не требовал денежного обращения. Наиболее ранние из рассмотренных сосудов относятся к III—IV вв., т. е. являются предшественниками монет и бронзовых слитков — первых металлических денег Поволжья и Приуралья, появившиеся несколько позднее — в VI в.

Распространение монет, как и сосудов из драгоценных металлов, также связано, по-видимому, с наличием

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Ч. I. С. 49.

² Федоров-Давыдов Г. А. Указ, соч. С. 39.

³ Восточное серебро. — Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной в пределах Российской империи. СПб., 1909. Табл. XVIII—XX.

⁴ Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969. Табл. XIV.

тесных контактов между кочевыми племенами и племенами Поволжья и Приуралья. С другой стороны, распространение определенного корпуса сасанидских, хорезмийских или византийских монет в том или ином районе Поволжья и Приуралья несомненно связано с наличием интенсивных связей гуннов или тюрков, а позднее хазар, болгар или сувар с Тураном, Ираном или Византией.

В Поволжье и Приуралье довольно распространенными являются сасанидские монеты, которые часто служат датированным материалом не только раскопок, но и недатированных туранских (хорезмийских) монет. Сасанидская весовая система, по-видимому, была принята за основу при изготовлении бронзовых слитков определенного веса. Подобные слитки, являясь первыми металлическими деньгами местного производства, использовались как самостоятельные платежные средства.

Сасанидские монеты чеканились из золота (динар), серебра (драхма) и бронзы. Особенно распространены являются серебряные драхмы (табл. IX). В III веке выпускались монеты из потина (бронза с примесью свинца). До сасанидов на лицевой стороне персидских монет изображался портрет правящего царя, а на обратной стороне — портрет его отца. На лицевой стороне также помещались титул и имя царя: «владыка такой-то, царь (малик), а на обороте — имя и титулы его отца: «сын владыки такого-то, царя». До III в. в Парсе, согласно восточным письменным источникам, правили цари из древней династии Базрангидов. Но лишь в 205 или 208 году Папак, сын Сасана, владельца одного из областей, захватил власть в Парсе. Через некоторое время Арташиру (224—241 гг.) удалось организовать чеканку монет, и он становится «царем царей Ирана», преемником парфянского могущества. Монеты Папака неизвестны. Ранние монеты Арташира следуют чекану Митридата II. При нем начинается также чеканка золотых монет, по весу соответствующих римскому ауреусу.

На сасанидских монетах на лицевой стороне обычно изображался портрет шахиншаха, обращенный вправо и характеризующий независимость царя. (Обращенная влево голова являлась изображением царя вассального.) Иногда на монетах помещалось изображение шахиншаха и наследника или шахиншаха, наследника и царицы. В круговой легенде чеканились имя и титулы

шахиншаха. Тройной портрет характерен только для монет Варахрана (276—293 гг.).

На обратной стороне сасанидских монет обычным является изображением аташдана — алтаря огня, а начиная с монет Шапура I (241—272 гг.), по сторонам аташдана изображались фигуры шахиншаха и различных божеств, которые распознаются вплоть до правления Хормизда II (302—309 гг.). На монетах последнего в пламени алтаря появляется изображение головы божества. На монетах Шапура II (309—379 гг.), как и на монетах Арташира I, аташдан изображен без фигур, а на некоторых, как и на монетах Хормизда II, появляется в пламени изображение головы божества. Аналогичные же изображения характерны и для монет Арташира II (379—383 гг.) и Шапура III (383—388 гг.). В дальнейшем изображение на обратной стороне монет сильно схематизируется и застывает¹. На раннесасанидских монетах марки монетных дворов эпизодически появляются начиная с правления Варахрана II, а с V века становятся обязательными².

После бурного IV и особенно V в. в Восточной Европе наступает на какое-то время затишье. Держава Атилы после его смерти фактически перестала представлять собой грозную силу, и многие племена Восточной Европы, видимо, вышли из созданного гуннами союза, другие перестали платить дань. Во всяком случае, в изучаемый период мало что свидетельствует о существовании каких-либо связей Поволжья с Северным Причерноморьем и Византией. Не менее бурные события происходили в конце IV—начале V в. в Средней Азии.

Примечательно, что наиболее ранние сасанидские монеты, найденные в Поволжье и Приуралье, относятся к IV—V вв. Совершенно редки вообще монеты III в., а не только сасанидские. Это обстоятельство является видимо, не случайным. Наиболее ранние монеты поступали сюда через родоплеменных вождей кочевников, получавших приношения или дань. Сасанидский же Иран в III веке представлял собой могущественную державу, не раз одерживавшую победы не только над Римом, но и над северными и восточными соседями. Разрозненные гуннские племена соседних с Ираном территорий в этот

¹ Луконин В. Г. Указ. соч. С. 155.

² Там же. С. 156.

период находились в столь плачевном состоянии, что, скорее всего, сами вынуждены были платить дань. Надпись Шапура I (241—272 гг.) на «каабе Зароастра» гласит, например, что многие царства и народы, в том числе «...весь Апаршахр, Керман, Сакастан, Туран, Макуран, Парадан, Индия, Кушаншахр вплоть до Пешкабура и до Каша, Согда и Чача» платят ему дань¹. Хотя надпись Шапура носит хвалебный характер, допустимо, что в период его правления Туран, т. е. северные районы Мовераннахра (по арабск. «то, что за рекой») платили дань Ирану.

Основная масса сасанидских монет, обнаруженных в Поволжье и Приуралье, датируется V—VII вв. В каталоге А. К. Маркова, например, наиболее ранние из них принадлежат к чеканке Варахрана V (420—430 гг.). Обнаруженные в последние годы во время археологических раскопок сасанидские монеты также укладываются в эти хронологические рамки, т. е. в V—VII вв. Новые находки позволяют уточнить, когда именно ввоз сасанидских монет становится более интенсивным, и на основе этого сделать определенные выводы. Например, в Большевисимском могильнике Черномозского района Пермской области среди обнаруженных в погребениях 17 сасанидских драхм наиболее ранними являются 5 монет Пероза (V в., 457, 459—484 гг.). Следующие 10 монет чеканены в VI в. от имени 10 правителей, а 2 драхмы относятся к VII в.

В Неволинском могильнике Кунгурского района Пермской области (раскопки Гольдиной Р. Д. 1968, 1981 гг.) из 14 обнаруженных монет одна драхма относится к чеканке Пероза, 6 монет — Хосрова I (531—579 гг.), а 5 драхм — к чеканке Хосрова II (591—628 гг.). Одна монета неопределима, одна — хорезмийская, которую мы также относим к VI в.

Сравнительно ранними являются монеты из Бартымского могильника Березовского района Пермской области (раскопки Водалого Н. В. 1981 г.). Из 8 монет 2 драхмы относятся к чеканке Пероза, а 4 драхмы — Каваду (488—531 гг.). Одна византийская монета относится к чеканке Юстина II (565—578 гг.), а одна — хорезмийская, относящаяся к VI в.

Таким образом, более обильное поступление в Поволжье и Приуралье сасанидских драхм, как и хорез-

¹ Луконин В. Г. Указ. соч. ... С. 62.

мийских и византийских монет, относится к VI в. и, несомненно, связано с развитием ранних товарно-денежных отношений в данном регионе.

Хорезмийские монеты

Как известно, изучение туранских, или хорезмийских, монет началось с монет, обнаруженных в Прикамье. Видимо, не случайно четыре монеты, на которые впервые обратили внимание нумизматы, были найдены в бронзовом сосуде. Сосуды, особенно из драгоценных металлов, служили здесь также средством обмена.

Классификация монет древнего Хорезма была предложена С. П. Толстовым в 1938 г. Он уделял большое внимание анализу легенд и попытался на этой основе реконструировать древнехорезмийский алфавит. Им была отмечена близость знаков на хорезмийских монетах с «карамейскими шрифтами парфянского и даже ахеменидского времени, чем с сасанидским пехлеви и согдийским»¹. Наиболее ранние хорезмийские монеты, как известно, восходят непосредственно к греко-бактрийскому чекану². Этапы возникновения и становления монетной чеканки хорошо подкреплены новыми монетными находками и классификацией Б. И. Вайнберг³.

С. П. Толстов отмечал также, что обнаружение хорезмийских монет III—VIII вв. и хорезмийских чеканов в Прикамье позволяют считать установленными древние тесные экономические связи этих районов⁴. Новые находки хорезмийских монет подтверждают это, позволяя в то же время внести некоторые уточнения.

О наличии таких контактов свидетельствуют, например, находки в могильниках и городищах, расположенных в разных местах региона. В Больше-Тарханском могильнике в Татарии была обнаружена монета Абдуллаха, относящаяся к VIII в.⁵ Только в сезоне 1981 года археологами обнаружено несколько хорезмийских монет. В Бартымском могильнике Березовского района Перм-

¹ Толстов С. П. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит.— ВДИ. 4. М., 1938. С. 134.

² Массон В. М. Хорезм и Кушаны.— ЭВ. XVII. М.—Л. 1966. С. 79.

³ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

⁴ Толстов С. П. Указ. соч., С. 145.

⁵ Генниг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М., 1964.

ской области (раскопки Н. В. Водалого) была найдена медная монета очень хорошей сохранности с изображением правителя в короне и с горбом верблюда на вершине (табл. X). Следующая медная монета с изображением царя в зубчатой короне, но меньшей сохранности, была обнаружена в Неволинском могильнике Кунгурского района Пермской области (раскопки Р. Д. Голдиной). Еще две хорезмийские монеты были найдены в Благодатском I городище Анашского района Удмуртской АССР (раскопки Т. Р. Югиной).

Рассмотрим более внимательно эти монеты. На лицевой стороне бартымской монеты помещен портрет безбородого правителя в короне, наверху довольно четко различается горб верблюда. Перед лицом и на тыльной стороне головы правителя помещены надписи. На обратной стороне монеты изображен всадник лицом вправо с вытянутой левой рукой, в которой держит какой-то предмет. Справа в круговую расположена надпись, а слева — тамга. Монета близка по типу к монетам группы ГII/2 по классификации Б. И. Вайнберг¹. Типы таких монет она предположительно относит к VII в.²

Важным и решающим фактором в датировке, пожалуй, является тот факт, что данный тип монеты в Бартымском могильнике сопровождаются сасанидскими и византийскими монетами довольно ранних лет чеканки. Например, там же обнаружены четыре монеты Кавада (488—531 гг.), две монеты Пероза (459—484 гг.) и одна византийская медная монета Юстина II (565—578 гг.)³. Поэтому представляется, что названная хорезмийская монета может быть датирована второй половиной VI века.

На лицевой стороне другой монеты, обнаруженной Р. Д. Голдиной в Неволинском могильнике, имеется изображение царя. Монета плохой сохранности. Корона, на верхней части которой прослеживаются сохранившиеся три зубчика, сама по себе достаточно высока и несравнима с короной царя, изображенной на вышеописанной монете. Но перед лицом царя расположена надпись — характерная для указанного корпуса монет, следовательно, она тоже относится к группе ГII. Монета

¹ Вайнберг Б. И. Монеты... С. 59.

² Там же. С. 64.

³ Херсонесская медная монета Юстина II хорошей сохранности со знаком стоимости «K» относится к числу редких.

относительно хорошо датируется VI веком, т. к. обнаружена в одном погребении с драхмой Хосрова I (531—579 гг.).

На лицевой стороне одной из монет, обнаруженных в Благодатском I городище, помещено изображение царя в короне с «г»-образными завитушками в верхней части. Перед его лицом также прослеживается надпись. На обратной стороне расположен всадник на коне. Монета по типу близка к типам монет ГII/1¹. Вторая монета из этого же городища — плохой сохранности. Просматривается изображение правителя на лицевой стороне и всадника на коне на обратной стороне. Монета не очень большая, но довольно толстая. Надпись не просматривается, по типу близка к Г13².

Хотя еще С. П. Толстов, «ни в коей мере не претендуя на окончательное чтение», предложил разбор некоторых надписей на монетах, дело с тех пор, по сути мало продвинулось³. До сего времени большую трудность представляют чтение и разбор надписей на монетах. Б. И. Вайнберг в упомянутой монографии в основном дает хорошо подкрепленную новыми данными классификацию хорезмийских монет.

Возможно, для более плодотворного чтения надписей на монетах необходимы новые данные, иные критерии с учетом новейших достижений исторической науки. Думается, что находки датируемых монет могут служить хорошей основой для подобной попытки.

Когда С. П. Толстов занимался изучением надписей данной группы монет, еще не существовало единого мнения относительно их датировки. Его предшественники данными которых он пользовался, датировали их по-разному: V, VI, VII веками⁴. Но, как было отмечено, обнаружение монет группы «Г» из погребений вместе с датированными сасанидскими драхмами не оставляет сомнения в том, что наиболее ранние из них, несомненно, чеканены в VI веке. Особенностью таких монет является то, что, начиная с этого периода, в оформлении хорезмийских монет происходят заметные изменения. Например, впервые на лицевой стороне монет появляются надписи.

¹ Вайнберг Б. И. Указ. соч. Табл. XIX.

² Там же. Табл. XX.

³ Толстов С. П. Указ. соч., С. 137.

⁴ Там же. С. 123—124.

Появление совершенно нового типа легенды, возможно, связано с политической обстановкой, сложившейся в районе Хорезма в VI в. Как известно, именно во второй половине VI столетия Тюркский каганат становился гегемоном в Центральной и Средней Азии¹.

В дошедших до нас тюркских рунических памятниках, относящихся к началу VIII века, интересующие нас области к северу от Средней Азии, как самостоятельное территориальное и политическое образование, обозначаются термином «Кенгу Тарбан». Это название было известно давно. Однако его более конкретная и довольно убедительная локализация сделана С. Г. Кляшторным сравнительно недавно². Несомненно, что это дошедшее до нас местное название области, упоминаемое в древнетюркской рунической письменности. В данном случае оно представляет для нас интерес, главным образом, в терминологическом отношении.

Если бы название данной области было известно С. П. Толстову, отдавшему много сил и энергии изучению хорезмийских монет, думается, он, несомненно, сопоставил бы его с надписями на вышеназванных монетах, расположенными перед лицом царя, с которых начал свое изучение надписей. Тем более, что на аналогичных бухарских монетах, так же как на хорезмийских, на этом месте неизменно располагается обозначение мест чеканки и титул царя³. Упомянутая надпись на монетах группы «Г» С. П. Толстовым была прочитана как MRV MLK, т. е. «господин царь»⁴. Аргументировать такое чтение тем, что на бухарских монетах встречается близкое по значению к MRV слово XWB, неубедительно⁵. Наоборот, наличие на монетах Бухары обозначения места чеканки затрудняет подобное сравнение. В средневековых источниках Поволжья, дошедших до нас, слово MRV неизвестно, в то время как хорошо известно само слово XWB в форме «хум» — господин⁶. Следует

¹ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по Средней Азии. М., 1964. С. 20.

² Там же. С. 156—157.

³ Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов М. И. О древней согдийской письменности Бухары. — ВДИ. М., 1954. Т. 1 (47). С. 150.

⁴ Толстов С. П. Указ. соч., С. 133.

⁵ Вайнберг Б. И. Указ. соч. С. 83.

⁶ Хакьямзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978. С. 93.

предположить, что слово в такой же форме, как мы увидим далее, встречается и на хорезмийских монетах.

Чтение надписи вызывает сомнение и по той причине, что первые знаки обоих слов зачастую на одной и той же монете начертаны по-разному. Создается впечатление, что это совершенно разные знаки. Томас, впервые отметивший арамейское происхождение алфавита надписей, видел в них также различные знаки¹.

На нашей хорошо сохранившейся медной монете из Бартыма первый знак слова представляет собой кружок почти правильной формы с «хвостиком», расположенный в нижней левой части, а знак в начале второго слова угловат и такого «хвостика» не имеет (табл. X). На монете из Благодатского I городища (раскопки Ютиной Т. Р.) первый знак первого слова имеет форму буквы «п», т. е. снизу оставлен открытым. Подобное начертание одной и той же буквы в арамейском алфавите характерно для буквы «к» заднего ряда, которое сохраняется и в пехлеви времени аршакидов².

Изучение надписей монет группы «Г» показывает, что большое количество знаков хорезмийского алфавита обнаруживает сходство со знаками рунического письма. В этом не было бы ничего необычного, учитывая, что некоторые знаки обоих алфавитов корнями уходят в арамейскую письменность, но обращает на себя внимание совпадение отдельных рунических и хорезмийских букв. Часть знаков в надписях монет, относящихся к VI веку, в своих начертаниях отклоняется от известных более ранних образцов в сторону сближения с руническим письмом, надо полагать, уже сложившимся к данному времени. Явное сходство некоторых знаков позволяет говорить об их очень близком родстве. Монеты всегда и всюду были прокламативным средством и особенно чувствительны к изменяющимся политическим ситуациям. Поэтому не обратит внимание на такие явления, относящиеся к периоду могущества и расцвета Тюркского каганата, невозможно. Например, на монете из Бартыма слова надписи переданы не округленными как на ранних монетах, а руноподобными «печатными» знаками.

¹ Thomas Edw. Partian and Indo-Sassanian Coins.—IRA S. 1883. S. 73.

² Холодковский И. М. Палеографии монет. СПб., 1912. С. 15.

Сравнение первого слова данной надписи со словом «кенгу» из 21-й строки большой надписи в честь Бильге кагана обнаруживает неожиданно большое сходство¹.

А сравнение его с надписью на монете из Благодатского I городища (верхняя строка) еще больше убеждает в этом.

Различаются лишь первые знаки — явление легко объяснимое разностью алфавитов. О том, что перед нами одно и то же слово, свидетельствуют варианты написания знаков хорезмийского и тюркского письма. Например третий знак надписи на монетах из Бартыма передан несколько своеобразно, чем на других монетах и напоминает букву «у» тюркского алфавита. На монете из Благодатского I городища, как отмечено выше, первый знак напоминает букву «п», а буква «к» заднего ряда в руническом алфавите сравнима с вышеназванным знаком хорезмийских монет. Аналогичные совпадения имеются и на других монетах.

На обратной стороне монеты из Бартыма имеется довольно длинная и хорошо сохранившаяся, но до сих пор не расшифрованная надпись (табл. 2, 4-я строка). Мы предлагаем ее читать как «Шад Ургенча». Собственно, первый знак первого слова и пятый знак второго слова указанной надписи представляют собой твердый «с» арамейского алфавита. Подобное написание слова «шад» встречается также в древнетюркских памятниках². Наличие в надписи титула «шад» не является неожиданностью. С образованием Тюркского каганата, по-видимому, над многими подвластными государствами или народами были поставлены «шад» — представители кагана. Упомянутый Бильге каган, например, в большой надписи сообщает, что «когда сидел на престоле мой дядя каган, я сам был шадом над народом тардуш»³. Возможно также, что «Шад Ургенча» — один из титулов правителя, чеканившего бартымскую монету.

Несколько неожиданным представляется весьма своеобразное окончание названия города — *нег*. Надписи на монетах в данном случае являются показателями не

¹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951. С. 23 (21).

² Малов С. Е. Указ. соч. С. 70.

³ Там же. С. 38.

этнической, а политической истории Хорезма. Этнический состав Хорезма, как и всей Средней Азии, был достаточно сложным. Например, согласно согдийскому «Списку народов», обнаруженному среди согдийских текстов, написанных манихейским письмом, упоминается 21 представитель народов, племен или жителей отдельных среднеазиатских государств¹.

Слово *Уркенченег*, по-видимому, состоит из нескольких частей. Форма окончания *-ег* в древнетюркском языке, например, характерна имени существительному в винительном падеже, которую известный тюрколог С. Е. Малов называет «крупной особенностью древних тюркских языков»².

Из рассмотренных слов из надписи на бартымской монете наиболее трудным для прочтения является имя правителя. Надо отметить, что прочтение имен правителей на хорезмийских монетах, предложенное С. П. Толстовым, но не подкрепленное другими источниками, вызывает некоторые сомнения.

С. П. Толстов пытался при этом опереться на генеалогические списки царей Хорезма, содержащиеся в «Хронологии» Бируни. По этому поводу В. А. Лившиц замечает: «Однако легко заметить, что сходений со списком Бируни очень немного»³. С. А. Трундовская и Г. А. Федоров-Давыдов отмечают, что «...несовпадение имен, прочитанных на ряде дошедших до нас монет, с приведенным ал-Бируни списком хорезмийских царей не дает пока еще достаточных оснований считать этот список легендарным или искаженным в основной своей части»⁴. В то же время прочитанные С. П. Толстовым и совпадающие со списком Бируни имена правителей Хорезма, такие, как Абдуллах или Хамкари, очевидно, соответствуют действительности.

Продолжая начатое С. П. Толстовым изучение хорезмийских монет и исходя из арамейского алфавита, мы предлагаем несколько иную палеографическую и семантическую трактовку некоторых знаков. Основанием для

¹ Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов М. И. Указ. соч. С. 154.

² Малов С. Е. Указ. соч. С. 44.

³ Лившиц В. А. Хорезмийский календарь и эры древнего Хорезма. — История, культура, языки народов Востока. М., 1970. С. 14.

⁴ Вайнберг Б. И. Указ. соч. С. 82.

этого является достаточно убедительное определение времени чеканки вышеназванных монет. Это, по-видимому, тот самый хронологический «кол», которого не хватало С. П. Толстову для того, чтобы прочно «привязать» их к определенному периоду.

В своем списке правителей Хорезма Бируни приводит следующие имена: Аффриг, Багра, Саххасак, Аскаджамук, Азкаджавар, Сахр, Шауш, Хамгари, Бузгар, Арсамух, Сахр, Сабри, Азкаджавар, Аскаджамук, Шаушафар, Туркасабас, Абдаллах, Мансур, Ирак, Ахмед, Абу Абдаллах Мухаммед¹.

Первым в списке стоит Аффриг, который упоминается еще Бируни в связи со строительством дворца в 616 г. эры Александра. Б. И. Вайнберг, отсчитывая годы от начала правления селевкидов (312 г. до н. э.), приходит к выводу, что Аффриг правил около 305 г. н. э.² Однако, как нам представляется, отсчет эры Александра мог вестись и от других дат. Началом отсчета могло служить какое-нибудь важное событие, скажем, год прекращения существования государства селевкидов после разгрома его римлянами в 64 г. до н. э. В таком случае вышеназванная дата приходится на 552 г., которая, судя по сасанидским драхмам, обнаруженным в Бартымском могильнике, совпадает с появлением наиболее ранних хорезмийских монет второго периода, на лицевой стороне которых впервые появляется надпись — имя и титулы правителя (табл. X). На более ранних типах монет, датированных концом до прошлой и началом нашей эры, на лицевой стороне надписей нет.

На лицевой стороне бартымской монеты хорошо сохранилось имя правителя (табл. 2, 3-я стр.), которое мы предлагаем читать как *Сахассак* или *Захассак*. Это неизвестный тип монеты данного правителя. В списке Бируни Саххасак (Сахассак?) — третий правитель после Аффрига и Бугры. Учитывая то, что судя по надписям, к VI—VIII вв. наблюдается близкое начертание некоторых знаков согдийского, тюркского и пехлевийского алфавитов, такое чтение не противоречит фактам. Первый, третий и четвертый знаки надписи в виде «палочек» представляют собой букву «с» и для пехлеви времени сасанидов, и для

¹ Бируни Абурейхан. Избранные произведения. Т. I (Памятники минувших поколений). Ташкент, 1957. С. 48.

² Вайнберг Б. И. Указ. соч. С. 81.

рунического письма. Второй и последний знаки надписи часто встречаются в надписях монет первого периода. Как видно из надписи на бартымской монете, последний знак от первого отличается только тем, что имеет более удлиненный «хвостик». Подобное написание характерно для буквы «к» переднего ряда, а без «хвостика» — для «к» заднего ряда арамейского алфавита и пехлеви времени аршакидов, т. е. слово по произношению близко к приводимому Бируни форме имени. Однако первый знак имени все же имеет несколько изогнутую форму, и, возможно, это «с» с особым произношением или же буква «з». Это хорошо видно также из надписи на одной из чаш, с изображением всадника, обнаруженной в Прикамье¹. Нижнюю часть надписи можно читать как «Кюню Захассак» (табл. III).

Таким образом, опираясь на датированные сасанидские монеты и надписи хорезмийских монет, мы полагаем, что правители Хорезма, о которых говорит Бируни, начали выпускать монеты от своего имени не ранее середины VI в. Бируни трижды приводит генеалогические списки правителей Хорезма: «Правителем из этих [хорезмийских] царей, когда был послан пророк — мир над ним! — оказался Арсамух ибн Бузгар ибн Хамгари ибн Шауш ибн Сахр ибн Азкаджавар ибн Аскаджамук ибн Саххасака ибн Багра ибн Африг»². Здесь приведена лишь часть списка, в которой перечисляется род Арсамуха до девятого колена. Кто из них действительно являлся царем, а не просто родителем и, если являлся царем, то чеканил ли монеты со своим именем, выяснять, по-видимому, нумизматике.

Согласно иллюстрациям и таблицам Б. И. Вайнберга, составленным весьма тщательно до монет группы ГII, ГII/1 и ГII/2, на которых читается имя Саххасака, имеется еще две группы монет из этой серии, относящиеся к разным правителям. Это группа монет ГI и группа монет ГIII, ГIII/3, ГIII/4, которые можно приписать Афригу и Бугре³.

Корона на голове Саххасака в виде горба верблюда встречается на монетах из Топрак-кала, относящихся,

¹ Восточное серебро. — Атлас древней серебряной и золотой посуды. СПб., 1909. Табл. XXX.

² Бируни Абурейхан. Избранные... С. 48.

³ Вайнберг Б. И. Указ соч. Табл. II, III.

возможно, к более раннему периоду, но регулярно начинает появляться лишь на монетах его предшественника¹. Поэтому остановимся на них более подробно. Имя правителя на таких монетах начеканено в форме: (см. табл. 2, 2-я стр.). Первый знак хорошо известен также по бухарским монетам как буква «б»². Но он, как и первый знак имени «Сахассак», соединен со второй буквой, значение которого пока не совсем ясно. Возможно, такое соединение обозначает, что между ними нет других букв или дифтонгов. Второй знак — буква «у» арамейского алфавита — написан слитно с первым, без характерного изгиба, что не всегда соблюдается на монетах. Такое написание буквы «у» является обычным также для пехлеви времени сасанидов. Третий знак хорошо известен как буква «г», а четвертый знак — как один из вариантов буквы «р». Последний знак встречается крайне редко, из чего следует, что перед нами, видимо, согласная буква. На монетах, которые мы приписываем Афригу, первый знак в надписи — имени царя имеет своеобразную форму (табл. 2, 1-я стр.). Подобный знак означает букву «а» рунического алфавита западных тюрков³. Близкий по начертанию знак — буква «а» имеется на согдийских документах IV—VII вв.⁴ Последний же знак имени правителя на названных монетах имеет форму первого знака имени Африга, но содержит вертикальную палочку в расширяющейся части. Зачатки такой черточки имеются в вышеназванных согдийских знаках. Подобный знак известен также как буква «а» в некоторых древних алфавитах⁵. Видимо, знак с «черточкой-ограничителем» на хорезмийских монетах означает букву «а». Транслитерация надписи: вигга, т. е. Бугра.

Появление на монетах Бугры короны в виде горба верблюда является, по-видимому, не случайным. Слово «бугра» в древне-тюркском языке означает «двугорбый верблюд». Такая же корона, как было отмечено, имеется

¹ Городище Топрак-кала. — ТХАЭЭ. Т. XII. М., 1981. С. 124.

² Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов М. И. Указ. соч. С. 157.

³ Щербак А. М. О приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. — СА, XIX. М., 1954. С. 269.

⁴ Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов М. И. Указ. соч. С. 153.

⁵ Холодковский И. М. Указ. соч. С. 6.

на монетах правившего после Бугры Саххасака, из чего следует, что хотя во главе новой династии стоит Африг, большое место в ней занимает Бугра. Подобная же корона в виде горба верблюда встречается еще у Хамгари (на монетах — «Хумгари»), вострого из перечисленных Бируни правителей Хорезма¹.

Титулы. Исключительный интерес представляют собой титулы правителей на монетах. На монете из Бартыма и Благодатского I городища хорошо читается, как было отмечено, слово *кюню*. Но оно встречается только на монетах второго периода, поэтому трудно определить, то ли это обычный тюркский титул «кан» то ли известный по другим источникам среднеазиатский «кюн». Возможно, это титул *кюн* или *кюнк* с носовым «н», как в имени одного из племен Средней Азии — «кенгерес», а позднее, согласно К. Багрянородному, некоторых «благороднейших» родов печенегов².

Термин *к'н'* хорошо известен по некоторым сериям бухарских монет³. Слово в форме *к'н'кк* встречается также среди адресатов в согдийских документах⁴.

Как видно из надписей, у Саххасака было несколько титулов, количество которых, возможно, было связано с наличием подвластных ему городов и тем, как он в них титуловался. Согласно легенде обратной стороны монеты из Бартыма, он был шадом Ургенча. Судя по легендам некоторых других типов монет, он являлся правителем — *кнк* — какого-то другого города⁵.

Это слово, как нам кажется, зафиксировано и у Приска, согласно которому правитель гуннов, покоривших Бактрию, назывался «Кню-хан» и этот титул, как полагает Г. В. Хауссиг, восходит к древнетюркскому «кюн» — солнце⁶. Аналогичное окончание имеется и в надписи на обратной стороне монет серии ГIV/6 (табл. 2, 7-я стр.). Мы предлагаем прочтение этой недешифро-

ванной надписи как «шад Бухары»¹. В памятнике в честь Бильге кагана также встречается подобная форма окончания — *виqrq uls*, т. е. улус Бухары². Следовательно, слово *кнк* не просто солнце, а означает «солнцеподобный», «небopodobный».

По-видимому, перед нами один из титулов вождей гуннов, возможно, калькированный с китайского и получивший в дальнейшем распространение в Средней Азии. Тюрки для обозначения титула китайского императора, как видно из «Книги гаданий», использовали китайское слово «тинси»³. Любопытно, что в памятнике в честь Тоньякука встречается тот же титул «тинэси», но употребленный для обозначения правителя одного из областей Средней Азии, что подтверждает нашу трактовку распространенного здесь титула *кюню* или *кюнк*⁴.

Хотя обычно на монетах титул употребляется без конечного «к», здесь трудно увидеть китайское «хиунг-ну», которое, как полагает Г. В. Хауссиг, означает «слуга солнца». Не убеждает в этом и приведенное им для подтверждения данного тезиса хорезмийское слово «хун-задек»⁵. В первом случае раба означает второе слово «ну», а во втором случае с этим гунно-персидским словом (*кунг* — рабыня, *задек* — сын), наоборот, — первое. В устах китайских чиновников это словосочетание появилось, видимо, из-за сходства окончания гуннского слова с китайским «ну» — раб. Монгольский историк Рашипунцуг справедливо отмечает: «Не бывает, чтобы китайские писатели и мудрецы, уповая на мягкий кончик кисти, не восхваляли ловко свою страну и не унижали тонко чужие»⁶.

Место чеканки. Трудно определить конкретное место чеканки хорезмийских монет. С. П. Толстов относительно некоторых типов монет полагал, что они могли чеканиться в районе Нижнего Хорезма с его древним центром — Ургенчем⁷. Как показывает топография находок, вне пределов низовьев Аму-Дарьи, т. е. Урген-

¹ Вайнберг Б. И. Указ. соч. Табл. VII, мон. Г. 12.

² Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1904—1906. Ч. I—II.

³ Явич М. М. Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите. — ТОВЭ. Т. IV. 1947. С. 213.

⁴ Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов М. И. Указ. соч. С. 156.

⁵ Вайнберг Б. И. Указ. соч. Табл. IV, ГII/1.

⁶ Хауссиг Г. В. К вопросу о происхождении гуннов — Византийский современник. Т. 38. 1977. С. 70.

¹ Вайнберг Б. И. Указ. соч. Табл. V, ГIV/6 (1009—1012).

² Малов С. Е. Указ. соч. С. 27 (52).

³ Малов С. Е. Указ. соч. С. 85.

⁴ Малов С. Е. Указ. соч. С. 69 (44).

⁵ Хауссиг Г. В. Указ. соч. С. 67.

⁶ Чулууны Далай. Монголия в XIII—XIV веках. М., 1983.

С. 17.

⁷ Толстов С. П. Указ. соч. С. 123.

ча, их мало¹. Но до сих пор трудноопределимыми являются не только границы, но и само название государства. Хорезм, как название государства, несомненно, возникает позже. Например, в упомянутой хвалебной надписи Шапура, где перечисляются многие страны, «платящие» дань, упоминается Туран, а не Хорезм. Особое усиление иранских элементов в культуре севера Средней Азии связано не с победами шахов Ирана, а с наступлением арабов, когда по религиозным мотивам часть населения вынуждена была отойти на север.

Пределы Ургенча С. П. Толстов считал центром античного Кангюя китайских источников, к первоначальной территории которого относил «обширную культурную область двух смыкающихся дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи»². В. М. Массон, ссылаясь на письменные источники, также пишет о сильном политическом влиянии Кангюя в этом районе³.

Согласно китайским источникам, Кангюй являлся крупным союзным государством или «правой рукой» гуннов, которому подчинялись не только кочевники, обитавшие между Приаральем и низовьем Волги, но и племена Прикамья и Приуралья, платившие дань «кожами зверьков мышиной породы»⁴. Однако основной или центральной территорией Кангюя являлась страна Лююень китайских или Туран иранских источников, которую можно отождествить с названными С. П. Толстовым районами Приаралья. Имеется прямое указание китайских источников о том, что «Кангюйский владетель пребывания имеет в стране Лююени»⁵.

Хотя тождество Кангюя с Тураном подробно, довольно убедительно разобрано и нашло отражение в литературе, проблема, в целом, остается дискуссионной⁶. Например, Ричард Фрай в своем исследовании утверждает, что Туран — небольшая область в районе Хорезма и что туры переселились в Белуджистан⁷. Однако в умозрительном построении Р. Фрая обращает на себя

¹ Вайнберг Б. И. Указ соч. С. 17.

² Толстов С. П. Приаральские скифы и Хорезм. — СЭ, 1961, № 4. С. 114.

³ Массон В. М. Указ. соч. С. 80.

⁴ Бичурин Н. Я. Указ. соч. Т. 11. С. 155, 229.

⁵ Там же. С. 184.

⁶ Кляшторный С. Г. Указ. соч. С. 155—179.

⁷ Фрай Ричард. Наследие Ирана. М., 1972. С. 67.

внимание одна довольно любопытная деталь. Хотя автор, заявляя, что «как ни мало у нас данных о корне слова «Туран», мы должны все же заняться им», посвятил этому термину несколько страниц своей книги, фактически более десятка слов с этим корнем, связанных с миром кочевников, т. е. тем миром, где было создано это государство, оказались проигнорированными исследователем¹.

Слово «тур» не является этнонимом какого-либо племени, как полагает американский историк. Характерные раннему средневековью особо крупные государства кочевников, такие, как Усунь или держава гуннов, не являлись этническими объединениями в чистом виде. Ханьские историки отмечают, например, что Кангюй это государственное, т. е. политическое, а не этническое образование, которому подчинялись многие «владения»². Кстати, дошедшее до нас древнетюркское слово *тура*, *туру*, подобно общеизвестному «орда» (*урду*), имеет несколько значений, группирующихся вокруг понятий «стоянка — владение» (стоянка, дом, ставка, владение, государство). Да и жители Кангюя — Турана, по-видимому, никуда не переселились. После распада этого государства источники упоминают на севере и востоке Средней Азии довольно крупные племенные объединения, носившие традиционные названия древних государств: усуней, кангаров, тургов, кенгересс, тургес (тюргеш) и т. д.³

Этот небольшой исторический экскурс необходим для того, чтобы понять надпись на бартымской монете, обозначающую, по нашему мнению, место чеканки в самом широком смысле этого слова. Дело в том, что надпись *trun*, т. е. «туран» на ранних монетах имеет несколько начертаний (табл. 1). За долгий период существования монетной чеканки это слово претерпело некоторые довольно существенные изменения и на бартымской монете имеет другое начертание. Как показывает сравнение надписей и знаков на монетах первого и второго периодов, изменения носили, видимо, не только внешний, но и семантический характер.

Аргументы, свидетельствующие, что надпись читается как *trun*, а не *MLK*, как предполагал С. П. Толстов,

¹ Фрай Ричард. Наследие Ирана. М., 1972. С. 66—67.

² Бичурин Н. Я. Указ. соч. Т. 11. С. 186.

³ Малов С. Е. Указ. соч. С. 62 (19); Кляшторный С. Г. Указ. соч. С. 139, 165.

довольно убедительны. Во-первых, первый знак — это достаточно четко различимая буква «т» арамейского алфавита. Хотя она несколько напоминает букву «к» заднего ряда, но на хорошей монете их невозможно спутать, и они имеют разные начертания (табл. 1, 2-я стр.). То, что второй знак не согласный «л», а буква «р», свидетельствуют некоторые типы монет, в надписях которых она встречается (табл. 2, 1-я и 3-я стр.). Третий знак также полностью совпадает с буквой «г» заднего ряда арамейского алфавита. Начертание последнего четвертого знака — буквы «н» со своеобразным изгибом является характерным и для соответствующей буквы арамейского алфавита¹.

Во-вторых, на ранних монетах перед словом, которое мы читаем как *туран*, достаточно четко можно разобратить не имена правителей, как полагал С. П. Толстов, а одни и те же титулы в различных вариантах начертания. С. П. Толстов попытался сопоставить надписи наиболее ранних монет группы А, т. е. монет, чеканенных до н. э. и в начале н. э., с именами правителей Хорезма, проводимых Бируни, — Африга или Арсамуха². Но как мы отметили, похоже, что список Бируни относится не к рубежу н. э., а к VI—X вв. н. э., т. е. сравнительно к более позднему времени. Надпись же перед словом «туран», как мы полагаем, читается: *ябгук* для монет, на которых голова правителя украшена короной в виде орла, и *шадыкк* для остальных монет. Лишь на двух монетах со своеобразными тамгами вместо названных титулов начеканены другие слова (табл. 1, 1-я стр.). Примечательно, что, судя по окончанию титула («шадыкк»), «туран» представляет собой не собственное, а нарицательное имя, т. е. следует понять не «шад Турана», а «Туран» (владение) шада» (табл. 1, 3-я стр.).

Сравнительный анализ показывает, что начертания некоторых знаков предполагаемого слова «туран» на отдельных монетах, особенно на монетах первого и второго периодов разительно отличаются между собой. На монетах второго периода, например, второй знак приобретает устойчивый изгиб в нижней части, а третий знак — довольно длинный «хвостик», не характерный для буквы «г» заднего ряда арамейского или же раннего хорез-

мийского алфавитов. Начертание последнего знака также имеет существенное отличие. Он обычно на монетах первого периода имеет своеобразный изгиб или же напоминает уголок, а на монетах второго периода представляет собой горизонтальную черточку в средней части строки. Такой знак на монетах как первого, так и второго периода встречается только в конце слова. По-видимому, он представляет собой окончание на гласный и в зависимости от наличия мягких или твердых согласных в слове может произноситься как «э», «ы», «и» или же «у» («уи»).

Нам кажется, что такими достаточно заметными особенностями начертания знаков пренебрегать нельзя. Поэтому более убедительным представляется на монетах второго периода это слово транслитеровать как *tgrui*, а всю надпись на обратной стороне бартымской монеты читать как «*Кенгу (кюню) туругуи Сахассак*». Такое чтение не является неожиданным или необъяснимым. Монета относится к VI в., а как известно, начиная с III в. Кангуй — Туран переживает упадок. Обычно оседлые центры, подобные Ургенчу, расположенные в среде кочевой стихии, оставались суверенными и сильными до тех пор, пока правящая династия не порывала связей с крупными кочевыми объединениями, способными поддерживать их политические амбиции. Таким в данный период являлось объединение тюргешей. Например, когда в начале VIII в. тюркский каган, переправившись через Иртыш, предпринял поход в Среднюю Азию, то первым столкнулся с тюргешами, а их каган своим союзникам китайцам и кыргызам, пожелавшим совместно выступить против тюрков, сказал: «Мой народ там будет!»¹

Древнетюркский аффикс *-ис, -иш* (например, словах *кенгерес* или *тюргеш*), аналогично некоторым другим терминам с подобным окончанием, по-видимому, передает значение «союз», «племя»². Корневой морфемой данного слова является *тур* — стоять, обитать, а *туруг* обозначает власть, государство³. В памятнике в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина, например, большое значение придается приобретению «*туруг*», т. е.

¹ Малов С. Е. Указ. соч. С. 67 (21).

² Мухамадиев А. Г. Монеты как источник по изучению болгарского языка. — Исследования по источниковедению истории Татарии. Казань, 1980. С. 134.

³ Малов С. Е. Указ. соч. С. 44.

¹ Вайнберг Б. И. Указ. соч. Табл. XXIII, Б² VII.

² Толстов С. П. Указ. соч. С. 136.

власти, государства¹. Судя по надписям, «тур» в слове «туругуи» резчиком штемпеля воспринималось как самостоятельное слово. Об этом говорит то, что второй знак (буква «р») в надписи в такой форме, т. е. с изгибом и хвостиком в нижней части, употребляется именно в конце слова (табл. 2, 9-я стр.). Но слово «туруг» представляет собой полную форму имени существительного, а последний знак надписи является аффиксом принадлежности. Поэтому надпись на лицевой стороне бартамской монеты можно перевести как «Правитель государства Сахассак». Возможно также, что «туругуи» и «тургис» тюркских памятников имеют самое непосредственное отношение друг к другу, в таком случае «туруг» является не нарицательным именем, а именем собственным определенного союза племен. Тогда упомянутую надпись предположительно можно перевести следующим образом: «Правитель тургов Сахассак».

Данный тезис, кажется, находит подтверждение в надписях на некоторых типах монет, на которых следует остановиться. Например, на монетах VIII в. с отдельными арабскими и согдийскими словами в хорезмийской части надписи С. П. Толстов прочитал имя мусульманского правителя Абдуллаха². Впоследствии надпись согдийским курсивом на лицевой стороне, принятая за имя правителя, В. А. Лившицем была прочитана как 'k'ncw'r, а вышеназванная хорезмийская надпись на обратной стороне, состоявшая из гораздо большего количества знаков, была принята за «хорезмийское произношение» данного имени³.

Здесь хотелось бы высказать предположение, поскольку речь идет о согдийской части надписи, что С. П. Толстов и В. А. Лившиц, возможно, были и правы. На обратной стороне таких монет помещено имя правителя, в данном случае Абдуллаха, а на лицевой стороне — важный с точки зрения инициаторов чеканки его титул «кюн сур» или «кюн сир».

На обратной стороне таких монет хорезмийским письмом, кроме имени, начертаны титулы правителя, среди которых имеется и слово «сир». На хорошо сохранившейся драхме из Большевисимского могильника Чермозско-

¹ Малов С. Е. Указ. соч. С. 30 (16).

² Толстов С. П. Указ. соч. С. 136.

³ Вайнберг Б. И. Указ. соч. С. 62.

го района Пермской области после слов, которые мы читаем как «кюню туругуи», и до имени правителя, отчетливо видны знаки, представляющие собой две короткие «палочки»¹. Мы полагаем, что это отдельное слово, которое транслитерируется как sr, т. е. «сир». В надписи на одном из типов монет оно имеет в конце уже знакомый знак — черточку, т. е., как и слово «туругуи», в данной ситуации читается, по-видимому, как «сируи»². Последнее четвертое слово надписи представляет собой имя правителя, которое можно читать как «Абдуллох» (последний знак — «к» заднего ряда). Кстати, четко различимый последний слог надписи характерен среднеазиатскому произношению этого имени. Всю надпись на обратной стороне этого типа монет предположительно можно перевести как «Кюн тургов и сиров Абдуллах» (табл. 2, 12-я стр.).

Появление нового титула, возможно, связано с тем, что в данный период происходит изменение политической ситуации на севере и северо-востоке Средней Азии. Согласно текстам тюркских памятников, достоверность которых не вызывает сомнений и которые вполне сопоставимы с данными монет (поскольку высеченные на камне события описаны из первых уст), в битве при Болчу в конце 711 года тюргеши были разгромлены, их каган схвачен, а ябгу и шад казнены³. После победы «в ту же ночь, — свидетельствует прославленный сановник Тоньякук, — мы отправили (послов) к каждому народу»⁴. Но не все желали подчиниться тюркскому кагану, которому верно служил Тоньякук. «Когда я устраивал и собирал приходящих начальников и народ, то небольшое число народа убежало», — говорит он⁵. Среди убежавших, судя по дальнейшим событиям, находился и каган тюргешей, но оценив создавшуюся обстановку, он вынужден был со всеми своими подданными, среди которых находились и согдийцы, подчиниться. «Тогда вернулся весь согдийский народ во главе с Суком...», — продолжает Тоньякук⁶.

¹ Харитонов Д. Е. Находки восточных монет V—VIII веков в Прикамье. — На Западном Урале. Пермь, 1964. С. 176.

² Вайнберг Б. И. Указ. соч. Табл. VII, 1148.

³ Малов С. Е. Указ. соч. С. 69 (41).

⁴ Там же. С. 69 (42).

⁵ Там же. С. 69 (43).

⁶ Там же. С. 69 (46).

На этих событиях мы остановились по той причине, что «сир» — это имя упомянутых выше тюрков, а на монетах одного из предшественников Абдуллаха, по нашему мнению, хорошо читается имя *Азукджавар* (табл. 2, 9-я стр.). Имя тюркешского кагана *Сук* (*Асук*) вполне сопоставимо с именем на монете.

Согласно памятнику в честь Кюль-Тегина, каган тюргешей Асук умер¹. Данный факт Тоньякуком констатируется также в осторожной форме: «В те дни тюркский народ достиг Железных ворот и достиг горы — место пребывания сына Тинэси, где не было предводителя»² «Сын Тинэси» тюркского памятника означает, по-видимому, в отличие от китайского «тинэси» (поднебесный), подвластного тюркскому каганату *кюна* тюргешей.

Появление на монетах слова «сир», т. е. самоназвания тюркских племен — организаторов похода, возможно, также связано с вышеизложенными событиями первой четверти VIII в. Тюрки-сиры хорошо известны из сообщения того же Тоньякука, согласно которому каган тюрков — токуз-огузов говорил: «Да не распоряжается (букв. не ходит) в земле тюрков-сиров (какой-то) властитель»³. Но тюрки-сиры разгромили своих противников поодиночке и враждебная коалиция перестала существовать.

Слово «сир» встречается также на монетах, имя правителя на которых мы читаем как *Джамук* (табл. 2, 10-я стр.), который, по-видимому, был сыном Асука (*Азукджавара*) рунических памятников, но на монетах помещена лишь вторая часть составного имени.

События начала VIII в., изложенные в тюркских текстах, отражены и в других источниках. *Азукджавар*, правивший в Хорезме в 712 г., до первого похода *Кутейбы*, был убит восставшими. Предводитель тюрков *Капаган* каган, рассказывая о деятельности кагана тюргешей сообщает, что «так как он не понимал (своего блага) и провинился перед нами, то (сам) каган умер...»⁴ Согласно *Бируни*, «когда *Кутейба* ибн *Муслим* завоевал Хорезм во второй раз, после отпадения (от ислама) его

¹ Малов С. Е. Указ. соч. С. 38 (19).

² Там же. С. 69 (47).

³ Там же. С. 66 (11).

⁴ Там же. С. 38 (19).

жителей, он сделал над ним царем *Аскаджамука* ибн *Азкаджавара*»¹.

На лицевой стороне монет *Джамука* хорезмийским письмом начертаны слова: «кюнг сиров» (табл. 2, 11-я стр.), что означает, по-видимому, «представитель сиров» и отражает более древние формы общественных отношений, когда кюнги являлись не главами, а именно вождями-представителями определенных родов.

Судя по руническим текстам, столкновения сиров с арабами не были столь удачными, но и особого урона они не понесли и задержали дальнейшее продвижение арабов. Как известно, в первой четверти VIII в. и хазары вели успешные войны с арабами. Успешные действия тюрков-сиров в районе Ургенча, видимо, помешали арабам продвинуться и на север — к владениям хазар. После смерти *Бильге* кагана в 734 г. начинается ослабление позиций тюрков-сиров в этом районе. Этот период совпадает с полосой неудач хазар в борьбе с арабским вторжением. В 735 году арабскому полководцу *Мервану* удалось разгромить хазарского кагана². Однако в описываемое время тюрки-сиры еще контролировали, может быть, и номинально, обширные районы севера и северо-востока Средней Азии. Во всяком случае, каган тюргешей в надписи в честь *Кюль-тегина* в перечне послов, прибывших в 732 г. в ставку кагана, назван «сыном»³. Следовательно, появление на хорезмийских монетах совершенно чуждой надписи согдийцев — сателлитов тюркского кагана, отмеченная впервые именно на монетах *Азкаджавара*, и помещение, уже хорезмийскими буквами, той же надписи «кюнг сиров» при его сыне являются, по-видимому, признаками зависимости, а возможно, результатом политики лавирования каганов тюргешей.

Завершая раздел о месте чеканки хорезмийских монет, следует упомянуть о вышеназванном «*Кенгу тарбане*» или «*Кенгу тармане*» тюркских памятников. Судя по первому уже нам знакомому слову, можно заключить, что речь идет о тюркском названии владений тюркешского правителя. Поскольку тюркские каганы считали его «...принадлежавшим нашим предкам...», то,

¹ *Бируни* *Абурейхан*, Указ. соч. Т. I, С. 48.

² *Плетнева* С. А. *Хазары*. М., 1976. С. 40.

³ Малов С. Е. Указ. соч. С. 43 (53).

естественно, не могли употребить на монетах слово «тургу» (государство)¹. Для них владение тюргешей было «тарман», т. е. часть целого в составе Тюркского «тургу» — государства. Впрочем, такое толкование термина «тарман» не исключает возможности использования его в древних источниках в значении любого ленного владения правителя.

Выше было отмечено, что хорезмийский алфавит, возникнув из арамейского еще до нашей эры, не мог оставаться неизменным в течение тысячи лет и что для отдельных периодов могли быть свои закономерно вытекающие особенности начертания знаков. Поэтому мы предлагаем несколько иную палеографическую и семантическую трактовку некоторых из них. Но достоверность семантики знаков может подтвердиться лишь их пригодностью для успешного чтения надписей монет и торевтики.

Ниже приводятся прочитанные нами имена правителей, их титулы и другие упомянутые и использованные в данной работе надписи на хорезмийских монетах и сосудах. Предлагаемое чтение легенд осуществлено на основе алфавита, который удалось составить, сравнивая арамейский алфавит с надписями на хорезмийских монетах. Можно надеяться, что он в какой-то мере облегчит определение последних.

Как видно из табл. 1, наиболее заметной особенностью надписей на хорезмийских монетах раннего периода является указание на принадлежность представителю власти (шаду или ябгу) определенного народа. Возможно, это объясняется тем, что не последнее место в истории античного Турана занимали устойчивые пережитки родового строя, когда выдвинувший шада или ябгу род занимал главенствующее положение среди других родов или племен. Впрочем, вопрос требует более углубленного исследования. Например, известны хазарские монеты с надписью «Земля хазар», хотя у них уже сложились феодальные отношения².

В этой связи любопытным представляется надпись «хунок» (табл. 1, 4-я — 6-я стр.) на некоторых типах монет. Это, по-видимому, известный *он ок* рунических

¹ Малов С. Е. Указ. соч. С. 38 (19).

² Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII—IX вв. — Восточные источники по истории народов Юго-восточной и Центральной Европы. Т. III. М., 1974. С. 50.

текстов. В памятниках в честь Бильге кагана и Тоньякука правитель тюргешей обычно именуется «каганом тюргешей», а когда речь заходит конкретно о народе — «он ок» или «он ок и их таты», т. е. «он ок и их ираноязычные подданные» и т. д.¹ Например, Капаган каган, говоря о неразумной политике кагана тюргешей, привелшей его к гибели, сообщает, что в конечном итоге от этого «...народ он ок подвергся притеснению»². Следовательно, термин «тюргеш» в смысле «племена, относящиеся к туре», в этом памятнике имеет более широкое значение, а «он ок» является обозначением одного из крупных племен этого союза. Представляется, что отличающееся от надписей на монетах начертание имени народа в тюркских памятниках возникло из-за того, что в тюркском алфавите отсутствует буква «аш». Поэтому перевод словосочетания «он ок» рунических текстов как народ «десяти стрел» является неоправданным. Это, по-видимому, искомый эквивалент самоназвания гуннов (на монетах *hup hq*, а в тюркских текстах *un'q*), или китайского хунну в тюркском написании. Данный тезис находит дальнейшее подтверждение в надписи одной из чаш, обнаруженной в Прикамье. Хорошо рассматриваемая по репродукции надпись имеет следующее начертание: *шад он ок*³. Транслитерация надписи: *hupoq sduqui ásük xp*, т. е. «Шад он ок» (хунок) *Асук хум*. С. П. Толстов считал заслуживающим особого внимания тождество вооружения и одежды всадника на этой чаше и всадника на хорезмийских монетах (табл. V)⁴.

Мы не будем касаться пока такого сложного вопроса как классификация прочитанной нами надписи на чаше. Она, кажется, имеет некоторое созвучие с архаичным уже в болгарский период языком эпитафий II стиля из Поволжья. Следует лишь сказать, что чтение надписей хорезмийским письмом на чашах, обнаруженных в По-

¹ Малов С. Е. Указ. соч. С. 68 (30). Кляшторный С. Г. Указ. соч. С. 123.

² Там же. С. 30 (19).

³ «Восточное серебро». Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной в пределах Российской империи. СПб., 1909. Табл. XX, 46.

⁴ Толстов С. П. Указ. соч. С. 142.

Таблица
НАДПИСИ НА ХОРЕЗМИЙСКИХ МОНЕТАХ¹
(II в. до н. э.—VI в. н. э.)

МОНЕТЫ ²	НАЧЕРТАНИЕ	ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ	ЧТЕНИЕ
1. XXII, Б III, Б IV	𐎲𐎠𐎺𐎠𐎧𐎺𐎠𐎧𐎺𐎠	sdyy hunoq trui	ВЛАДЕНИЕ ШАДА ОН ОК
2. XXIII, Б ² У	𐎧𐎺𐎠𐎧𐎺𐎠	jbqoq tryn	ТУРАН ЯБГУ
3. XXIII, Б ² УIII	𐎧𐎺𐎠𐎧𐎺𐎠	sdyyq tryn	ТУРАН ШАДА
4. XXIII, В I	𐎧𐎺𐎠𐎧𐎺𐎠	hvnuhq trui	ВЛАДЕНИЕ ОН ОК
5. XXIX, Б ² 19	𐎧𐎺𐎠𐎧𐎺𐎠	hvnhq-	ОН ОК
6. XVIII, В 1/1	𐎧𐎺𐎠𐎧𐎺𐎠	hvnuhq	ОН ОК

Таблица 2
НАДПИСИ НА ХОРЕЗМИЙСКИХ МОНЕТАХ (VI—VIII вв.)

МОНЕТЫ	НАЧЕРТАНИЕ	ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ	ЧТЕНИЕ
1. XXIII, Г I	𐎧𐎺𐎠𐎧𐎺𐎠	knū trgui āthrx	Кюно тургов Аэрик
2. XXIII, Г II	𐎧𐎺𐎠𐎧𐎺𐎠	knū trgui buara	Кюно тургов Бугра
3. БАРТЫМ	𐎧𐎺𐎠𐎧𐎺𐎠	knū trgui zqssk	Кюно тургов Сакассак
4. БАРТЫМ	𐎧𐎺𐎠𐎧𐎺𐎠	sdq ārknsrk	Шад Ургенча
5. XXI	𐎧𐎺𐎠	xumū	Хум
6. XXVII, Г III/4	𐎧𐎺𐎠	xumū	Хум
7. V, 1012	𐎧𐎺𐎠𐎧𐎺𐎠	sdq pqrq	Шад Бухарва
8. XXVI, VII, Г 12	𐎧𐎺𐎠𐎧𐎺𐎠	knū trgui fumkr	Кюно тургов Хумгар
9. XXIV, Г V	𐎧𐎺𐎠𐎧𐎺𐎠	knū trgui āsūk'ūbr	Кюно тургов Асуджаваб
10. V, Г 13	𐎧𐎺𐎠𐎧𐎺𐎠	knū trgui jōmūq	Кюно тургов Джамук
11. V, Г 13	𐎧𐎺𐎠	kn srui	Кюно Сирва
12. БОЛЬШЕВИСМ, XXVI, Г II	𐎧𐎺𐎠𐎧𐎺𐎠	knū trgui sr ybdūllōq	Кюно тургов Сирва Габдуллах

¹ Надписи с целью облегчения сопоставления на обеих таблицах приведены, в основном, по иллюстрациям монет в известной монографии Б. И. Вайнберга «Монеты древнего Хорезма». М., 1977.

Таблица 3
ХОРЕЗМИЙСКИЙ АЛФАВИТ (ПО МОНЕТАМ)

ЛАТ.	АРАМЕЙСК. III в. до н.э. — III в.	ХОРЕЗМ. II в. до н.э. — VI в.	ХОРЕЗМ. VI — VIII вв.	ЛАТ.	АРАМЕЙСК. III в. до н.э. — III в.	ХОРЕЗМ. II в. до н.э. — VI в.	ХОРЕЗМ. VI — VIII вв.
Aa	𐎠 𐎠		𐎠 𐎠	Pp	𐎠 𐎠		𐎠 𐎠
Ää			𐎠 𐎠	R ¹ r ¹	𐎠 𐎠	𐎠 𐎠	
Bb	𐎠 𐎠	𐎠	𐎠 𐎠	R ² r ²			𐎠 𐎠
Vv	𐎠 𐎠	𐎠		S ¹ s ¹	𐎠 𐎠	𐎠 𐎠	𐎠 𐎠
Gg	𐎠 𐎠	𐎠 𐎠	𐎠 𐎠	S ² s ²			𐎠 𐎠
Yy	𐎠 𐎠	𐎠 𐎠	𐎠 𐎠	T ¹ t ¹	𐎠 𐎠	𐎠 𐎠	𐎠 𐎠
Dd	𐎠 𐎠	𐎠	𐎠 𐎠	T ² t ²	𐎠 𐎠		𐎠 𐎠
Žž			𐎠	th			𐎠 𐎠
Zz	𐎠 𐎠		𐎠 𐎠	Uu.o		𐎠	𐎠 𐎠
Ii	𐎠 𐎠	𐎠		ui		𐎠	𐎠 𐎠
Jj		𐎠 𐎠		ūū.o		𐎠	𐎠 𐎠
Čy		𐎠	𐎠	X ¹ x ¹	𐎠 𐎠		𐎠 𐎠
Qq	𐎠 𐎠	𐎠 𐎠	𐎠	X ² x ²			𐎠 𐎠
K ¹ k ¹	𐎠 𐎠	𐎠	𐎠 𐎠	H ¹ h ¹		𐎠 𐎠	𐎠 𐎠
K ² k ²			𐎠	H ² h ²	𐎠 𐎠	𐎠 𐎠	𐎠 𐎠
Ll	𐎠 𐎠		𐎠 𐎠				
Mm	𐎠 𐎠		𐎠 𐎠 𐎠 𐎠				
Nn	𐎠 𐎠	𐎠	𐎠				
ŋ			𐎠 𐎠				
oq.čy		𐎠 𐎠	𐎠 𐎠				

волжье и Приуралье, поможет более полно осветить хорезмийский алфавит. Нам удалось в надписях на шести чашах с различными сценами, в основном, со сценами охоты царей, обнаружить устойчивое словосочетание, состоящее из трех слов, среднее из которых слово «кюню», т. е. царь¹. Но основная трудность чтения надписей заключается в том, что знаки неверно или неточно скопированы издателями. Следовательно, необходимо визуальное ознакомление с надписями чаш, разбросанных по различным фондам.

¹ «Восточное серебро»...— Табл. XIX, 42, 43, 47.— Табл. XXV 55.— Табл. CXIV, 286; Бадер О. Н., Смирнов А. П. «Серебряное закамское» первых веков нашей эры. М., 1954. Рис. 9.

Глава II

ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В ХАЗАРСКИЙ ПЕРИОД

Накануне образования Хазарского каганата

Хазары упоминаются в византийских источниках начиная с VI в. Во второй половине VI века тюркским каганом Истеми были покорены многие гуннские племена Восточной Европы, в том числе болгары и хазары. Хотя образование государства хазар произошло после распада в начале VII в. Тюркского каганата, в Поволжье и Приуралье крупные перемещения населения и образование новых племенных союзов относятся к более раннему времени — II — III вв.

Во II в. античные авторы впервые начинают упоминать гуннов. Птоломей располагает их в Прикаспийской низменности рядом с племенем сармат роксолан¹. Это, видимо, не случайно. Здесь шла острая борьба между различными правящими родами и племенами за главенствующее положение в степях. Сведения античных авторов перекликаются сообщениями китайских хроник о гуннах. Следует подчеркнуть, что китайские источники, относящиеся к этому времени, говоря о гуннах, имеют в виду именно их, а не вообще кочевников, и они более последовательны и лучше осведомлены о происходившей политической борьбе. Поэтому исключительный интерес представляет сообщение историков младшей ханьской династии о том, что «владение Яньцай переименовалось в Аланью, состоит в зависимости от Кангюя»².

Судя по китайским хроникам, речь не идет о потере Яньцаем своего названия. В сравнительно поздних сооб-

¹ Птоломей Клавдий. Руководство по географии. Античная география. М., 1953. С. 321.

² Бичурин Н. Я. Указ. соч. Т. II. С. 229.

щениях это владение упоминается уже как Судэ, но подчеркивается, что оно «в древности называлось Яньцай»¹. Следовательно, «переименование» данного владения в «Аланью» было связано с образованием более крупного союза, куда кроме основной территории Яньцай входили и другие земли, что было, видимо, связано с ослаблением и распадом Турана. В истории дома Вэй сообщается, что в первой половине V в. судэский владетель, как суверенный правитель, отправил к северному Двору посланников с дарами². Там же говорится и о захвате власти гуннами еще в ранний период: «Некогда хунны, убив владетеля судэского, овладели землями его. Владетель Хунни составлял уже четвертое колено после того события. Прежде судэские купцы во множестве приходили в китайскую область Лян-чжеу для торга»³. Торговые связи с областью Лян-чжеу, надо полагать, являлись традиционными. Согласно той же истории дома Вэй, когда северный шаньюй гуннов после поражения от китайского полководца ушел на запад в Кангюй, то «...малосильные, которые не в состоянии были следовать за ним, остались»; «жители области Лян-чжеу владетеля еще называют шаньюй-государь. Обыкновения и язык одинаковы с гаогюйскими, но более опрятности»⁴. Гаогюйцы китайских источников — это уйгуры. В сравнительно поздних тюркских рунических памятниках, уже в период существования Хазарского каганата, упоминаются хазары среди уйгурских племен⁵. Возможно, это были те самые «малосильные» племена, которые остались в Лян-чжеу.

«Аланья» китайских хроник, по-видимому, Алания или аланы античных авторов. Само слово «алан», как и Туран, состоит из двух частей. Первой части этого слова в форме *ал* в гунно-тюркском мире принадлежит исключительно большое место. Корень этот имеет несколько значений: рука (рукав), река, владение, страна. Созвучное Турану или Ирану словосочетание «алан», видимо, приобрело новое значение — государство. Слово это позднее стало названием различных в этническом

¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч. Т. II. С. 260.

² Там же. С. 241.

³ Там же. С. 260.

⁴ Там же. С. 259.

⁵ Кляшторный С. Г. Терхинская надпись. — Советская тюркология. 1980. № 3. С. 93.

отношении племен, входивших в этот союз. Согласно Аммиану Марцеллину, «мало-помалу они [тюрко-аланы] подчинили себе в многократных победах соседние народы и распространили на них свое имя...»¹.

Хазары, болгары, сувары, барсилы и т. д. оказались вовлеченными в военные мероприятия Атиллы. Впоследствии в византийских анналах упоминаются многочисленные племена Северного Кавказа и Причерноморья, в составе которых находились и вышеназванные племена. Впрочем, вызвавшие споры так называемые племена гуннов «утургуры», «кутургуры» или «сарыгуры», похоже, являются не названиями племен, а обозначениями административного деления или военной организации гуннов. В древнетюркском языке, например, *утру* обозначает «напротив», т. е. восток, *котур* — «сзади», «в западном направлении», а *сары* означает «сторона», «центр». Возможно, слово кутургур являлось обозначением населения каких-то западных кочевий. Близкая по значению терминология была характерна древнему Китаю, где существовало обозначение не четырех, а пяти сторон света и пятым являлся центр. Судя по византийским источникам, кутургуры действительно располагались западнее по сравнению с другими племенами.

Интересным является также то, что упомянутый судэский владетель Хунни, о котором сообщают китайские хроники, являлся, видимо, достаточно известной личностью, т. к. о нем знают и византийские историки. Феофилакт Симокатта — младший современник императора Маврикия и Фоки (582—610), например, указывает, что одного из «древнейших вождей» племени *огор* звали Хунни. Следовательно, можно думать, что *огоры* Симокатты — одно из племен Яньцай-Аланы китайских династийных хроник. Примечательно, что о них Симокатта упоминает в связи с рассказом о племенах, «живущих около Кавказа и распространившихся до севера»². Мы уже упоминали, что Нижнее Поволжье — Северный Кавказ в осеннее время и зимой, Среднее Поволжье и Прикамье весной и летом — это места стойбищ и одновременно традиционные пути следования кочевников. Поэтому достойно внимания сообщение Симокатты о собственных кочевьях *огор*, что «они живут на востоке,

¹ Аммиан Марцеллин. История. Вып. III. Киев, 1908. С. 237.

² Симокатта Феофилакт. История. М., 1957. С. 159.

там, где течет река Тил, которую тюрки обыкновенно называют Черной»¹. Нам представляется ошибочным отождествление реки Тил с рекой Тарим в Северо-Западном Китае². Возможно, речь идет о реке *Кара-Итиль*, т. е. Черной Итиль, почти одинаковой по величине с рекой Белой. Тем более, что, по словам кагана, когда он одержал победу над огорами, то напал на *колхов*, т. е. на одно из племен Кавказа³.

Весьма существенным представляется установление этнической принадлежности упомянутых и некоторых других племен Поволжья и Приуралья. Потому что уже в дохазарский период у некоторых из них появляются не только металлическое денежное обращение, но и металлические деньги собственного изготовления в виде бронзовых слитков, о которых речь пойдет в следующем разделе.

Как было отмечено, крупные перемещения населения в Поволжье и Приуралье произошли на рубеже II—III вв., которые, надо полагать, связаны с распадом Турана и образованием новых государственных объединений. Если первоначально туранцы собирали только дань в виде шкурок зверей, то впоследствии на исторической арене появляются именьковцы, принесшие с собой культуру, резко отличающуюся от прикамских⁴.

Именьковская культура имеет довольно обширную территорию: от Правобережья Камы в районе Казани и до Уфы, где Кара-Итиль присоединяется к Белой, и до Жигулей. Некоторые достаточно крупные именьковские поселения VI—VIII вв., такие, например, как Щербетское на Волге недалеко от Булгара, с мощным культурным слоем и бронзолитейными мастерскими, где изготавливались слитки — металлические деньги, напоминают уже настоящие раннефеодальные города.

По вопросу происхождения именьковской культуры имеется несколько точек зрения. В. Ф. Генинг, например, полагает, что она сложилась в результате притока тюркских элементов из Сибири при участии местного финно-угорского компонента. П. Д. Степанов связывает

¹ Симокатта Феофилакт. История. М., 1977. С. 160.

² Там же. С. 211.

³ Симокатта Феофилакт. Указ. соч. С. 161.

⁴ Генинг В. Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа. — Труды Казанского филиала АН СССР. Казань, 1959. С. 208.

памятники этой культуры с угро-мадьярами (венграми), задержавшимися на некоторое время по пути с Южного Урала на запад, а в работе Г. И. Матвеевой прослеживаются параллели в материальной культуре, погребальных обрядов носителей именьковской и зарубинецкой культур и делаются выводы о ее западном происхождении¹.

Хотя Г. И. Матвеева начисто отвергает взгляды своих предшественников, но делает весьма туманные выводы относительно этнической принадлежности именьковцев. Это, видимо, и не случайно. Зарубинецкая культура, получившая свое название от могильника, расположенного под Киевом, появляется во II в. до н. э. Одни археологи видят в зарубинецкой культуре прославянскую, другие — балтскую культуру. Но балтская принадлежность зарубинецкой культуры пока не доказана. В то же время, как известно, дальнейшее развитие зарубинецкой культуры также не приводит к созданию славянской культуры. Исключение не представляет в этом смысле и именьковская культура.

Нам представляется, что конструкции упомянутых исследователей относительно этнической принадлежности именьковской культуры в какой-то мере дополняют и проясняют друг друга².

Известно, что ни одно государство, возникшее на данной территории, будь то Волжская Булгария или же Казанское ханство, в этническом отношении не только не было однородными, но и отличались особо многоплеменным или многоэтническим характером, хотя это не всегда прослеживается по археологическим материалам. Следовательно, скудность письменных источников для столь ранних периодов истории Поволжья и Приуралья и наша слабая о них осведомленность не могут служить аргументом в пользу этнической однородности именьковцев, живших на такой обширной территории.

Леса и речные бассейны Поволжья и Приуралья в этом смысле напоминают некоторые районы Кавказа с

¹ Матвеева Г. И. О происхождении именьковской культуры. В кн.: Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 71.

² Генинг В. Ф. Проблемы изучения железного века Урала. — ВАНУ. Свердловск, 1961. В. I. С. 42. Степанов П. Д. Памятники угро-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. — АЭБ II. Уфа. 1964. С. 144.

его многочисленными языковыми группами. Этническая пестрота региона, сохранившаяся до наших дней, выражается не только в существовании многочисленных угрских и тюркских народов, но и в наличии совершенно своеобразных диалектов одного и того же языка, свидетельствующих о разновременном заселении края.

В Поволжье сохранились образцы древних письменных памятников, своими элементами не характерными древнетюркскому языку орхоненейского ареала западного толка¹. И когда некоторые исследователи вроде Ричарда Фрая начинают «заселять» весь север Средней Азии, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ исключительно ираноязычными племенами, то это вызывает недоверие, т. к. важное место в таком утверждении занимает кажущаяся невозможность проверки достоверности.

Многие племена Поволжья и Приуралья в том числе племена, составлявшие ядро союза именьковцев, входили, видимо, в известные по письменным источникам государства или конгломераты племен названных и других областей, и лишь резкое изменение там политической ситуации в определенные периоды, скажем, для именьковцев на рубеже VI—V вв., заставило их осесть именно здесь.

Помимо западных истоков в культуре именьковцев прослеживаются и восточные, на которых указывает В. Ф. Генинг и которые выражены в особенностях этой культуры. Если основу хозяйства зарубинецких племен составляло мотыжное земледелие и скотоводство, то именьковцы принесли с собой в Прикамье пашенное земледелие и высокие технические навыки в области обработки металлов². Навыки металлообработки и высоко развитая техника земледелия, хотя это не составляло у них основу экономики, было характерно гуннам, воспринявшим их у высокоразвитых оседлых народов, в частности, у китайцев. Следует также подчеркнуть появление в именьковских городищах и поселениях металлического денежного обращения. Впрочем, наиболее ранние слитки в количестве 3 экз., например, обнаружены в Тураевском могильнике из Прикамья, относимом

¹ Мухаммадиев А. Г. Монеты как источник по изучению булгарского языка.— В кн.: Исследования по источниковедению истории Татарии. Казань, 1980. С. 122.

² Генинг В. Ф. Очерки этнических культур Прикамья эпоху железа.— Труды КФАН СССР, 2. Казань, 1959. С. 208, 209.

гуннам и датируемый концом IV — первой половиной V в.¹ Все три явления получили дальнейшее развитие на более высоком уровне уже в хазаро-булгарский период.

Экскурсия в область лингвистики и письменных источников могут дать достаточно много для решения вопроса об этническом составе племен именьковской культуры. Она, как известно, просуществовала до VIII в. Это столетие — особый период в истории Хазарского каганата. Развитие сельского хозяйства, ремесла и появление многочисленных городов способствовали не только становлению и расцвету государства, но и расслоению общества на классы и изменению его духовной жизни. С древними языческими верованиями народов сталкивались такие мировые религии, как ислам, иудаизм и христианство. По-видимому, «исчезновение» в VIII в. именьковцев связано с событиями века и не могло оставаться незамеченным.

В VIII—IX вв. на этой территории появляются уже древние болгары. Такие крупные перемещения населения могли происходить только с разрешения хазарского кагана. Именно каганы занимались расселением народов и установлением границ их местожительства². Одним из сильных и крупных племен Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Среднего Поволжья являлись савиры или сувары. Принятие христианства предводителем савир Алп-Илитвером, желавшим вести самостоятельную политику, вызвало весьма резкую реакцию со стороны кагана хазар³.

Савиры в форме «сапиры» упоминаются Аполлоном Родосским еще в III в. до н. э.⁴ Стефан Византийский в своем обширном географическом словаре сообщает, что «сапиры» — народ Понтийской области, ныне называемый через «б» — «сабирами»⁵.

С образованием государства гуннов, а главным образом, после его распада, многие племена Северного Причерноморья и Северного Кавказа, в том числе и савиры,

¹ Генинг В. Ф. Указ. соч. С. 88, 207.

² Кляшторный С. Г. Терхинская надпись.— Советская тюркология.— 1980. № 3. С. 90.

³ История агван Моисея Каганкатваца, писателя X в. Пер. К. Патканьяна. СПб., 1861. С. 205.

⁴ Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Ч. I—II. СПб., 1904—1906. С. 413.

⁵ Там же. С. 262.

стали называться гуннами. Однако византийские источники этого периода часто отличают их от других племен, называя «европейскими гуннами». Например, историк Маркиан, живший в конце IV в., сообщает, что «земля по Борисфену за аланами населяют так называемые европейские хуны»¹.

В Поднепровье зарубинецкая культура впитала многие особенности скифской культуры. Можно также предположить, что такое влияние было взаимным. То, что савиры Стефана Византийского — «народ Понтийской области», а позднее это известные племена Северного Кавказа и Прикамья, говорит о многом. В языке аргипеев о которых пишет Геродот, имелось слово *асхи* (горький), которое и сегодня в тюркских языках имеет то же значение, привлекая внимание исследователей². Однако западному пратюркскому языку, который находит выражение, например, в языке одного из стилей надгробных камней Поволжья XIII—XIV вв., характерно как раз некоторое отличие от общетюркского языка. Особенностью его является наличие глухих и полувзвонких звуков и почти полное отсутствие звонких, что было связано влиянием угро-финских языков. Подобные особенности в языке восточных орхоно-енисейских рунических памятников малоизвестны. По-видимому, он сформировался в Восточной Европе еще в дотюркское время и впоследствии, с образованием Тюркского каганата в VI веке подвергся интенсивной идентификации с общетюркским, особенно у тех племен, которые на восточно-европейской арене играли активную политическую роль³. Поэтому зафиксированное Стефаном Византийским превращение «сапир» в «сабиры» является закономерным.

Сообщение Стефана Византийского о савирах как народе «Понтийской области», последующее упоминание савиров или сувар в Северном Кавказе и в Средней Поволжье, где в средневековье существовал одноименный город, показывают, что связи именьковцев с зарубинецкой культурой, видимо, являются не случайными.

Не может быть также случайным «исчезновение» именьковцев именно в конце VII — начале VIII века.

¹ Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе Ч. I—II. СПб, 1904—1906. С. 41.

² Хауссиг Г. В. К вопросу о происхождении гуннов. — Византийский временник. Т. 38. М., 1977. С. 62.

³ Мухаммадиев А. Г. Указ. соч. С. 134.

Это могло явиться результатом крупных политических потрясений, происходивших в этом районе. Событием подобного рода, приведшим к упадку именьковской культуры, мог служить хорошо подготовленный второй поход известного арабского полководца Мервана в 735 г. В этой войне важную услугу хазарскому кагану оказывали савиры, упоминанием которых пестрят многие хроники, описывающие данные события.

Продолжавшаяся почти сто лет арабо-хазарская война завершилась в результате активных действий Мервана победой последнего. Первым из арабских полководцев, воевавших с савиро-хазарами, Мерван не ограничился военными действиями на Северном Кавказе, а во главе 150-тысячной армии ворвался в Поволжье¹.

Застигнутый врасплох каган, оставив свою столицу Итиль, вынужден был по левому берегу Волги отойти на север, чтобы собраться с силами для отражения внезапного вторгшегося врага. Но Мерван не стал тратить время на осаду стольного города и стремительным маршем продвинулся на север — видимо, на сокровенные владения савир. Любопытно, что аналогичный случай произошел в конце XIV в., когда после внезапного вторжения Тамерлана со своими полчищами, Токтамыш, оставив свою столицу на произвол судьбы, отступил в густонаселенные районы Прикамья с его большими людскими ресурсами и дал сражение.

Арабо-хазарская война завершилась не только победой Мервана над савирами и хазарами, но и принятием хазарским каганом ислама в 737 г., что послужило толчком к официальному распространению мусульманства².

В отношении савир-христиан и основной массы язычников, не пожелавших принять новую религию, видимо, были приняты какие-то санкции и, возможно, они вместе с частью болгар, не пожелавшими жить в Хазарском каганате, отошли на запад. Во всяком случае, в болгарском Именнике встречаются слова с некоторыми особенностями, не характерными для болгарских источников из Поволжья³.

¹ Плетнева С. А. Хазары. М., 1976. С. 40.

² Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. — В кн.: Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. Т. 3. С. 60.

³ Стойнев А. А. О духовной культуре праболгар. — В кн.: Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984. С. 108.

В середине VIII века в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье появляются первые булгарские племена¹. Однако они пришли не на пустые земли: здесь, в частности обитали принявшие ислам савиры, центром которых в X в. являлся город, который источники называют Сивром или Суваром².

Как известно, хазарский каган не сразу принял ислам, — он пожелал при помощи толкователей ознакомиться с основными канонами новой религии. Возможно также, что он выступил с встречным требованием некоторых уступок, в частности, относительно языка богослужения. Видимо, желая быстрого распространения ислама среди местных народов, особенно среди враждебно настроенных кочевых племен, арабы вынуждены были признать таковым тюркский.

Доказательством исламского прозелетизма являются сообщения письменных источников о том, что у сувадаже в других городах имелись свои мечети и свое богослужение, а также надгробные памятники второго стиля из Поволжья с включением уникальной архаично-клерикальной лексики западно-тюркского характера.

Бронзовые слитки

Хазарский чекан возник не в готовом виде. Ему предшествовали в Поволжье и Приуралье первые отлитые деньги собственного производства — бронзовые слитки (табл. XI).

Бронзовые слитки как заготовки для изготовления бронзовых украшений и различных поделок имели более широкое распространение, чем сосуды из драгоценных металлов. Предприимчивые именьковцы, как было отмечено, располагали мастерскими, где отливались подобные слитки. Впрочем, их способны были изготавливать ремесленники любого достаточно большого родового городища, что и произошло, видимо, позднее. Но для ранних периодов решающими являлись уровень общественного развития и наличие достаточного и в какой-то мере постоянно пополняемого запаса сырья.

¹ Генинг В. Ф., Халитов А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964. С. 171.

² Смирнов А. П. Волжские болгары. М., 1951. С. 230.

³ Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати. М., 1971. С. 7.

Компоненты сырья для отливки бронзовых слитков поступали, видимо, с Урала, с племенами которого именьковцы имели прочные контакты. Отличительной особенностью было то, что они изготавливались ремесленниками не по заказу, как другие предметы, а на продажу тем, кто искал готовое сырье для отливки различных изделий. Так постепенно слитки становятся «товарами товаров», т. е. посредниками при обмене.

Если достаточно ценный сосуд из драгоценного металла родовой коллектив мог купить для жертвоприношений покровителю рода, то обнаружение бронзовых слитков среди личных вещей погребенного в могильниках, курганах или в культурных слоях городища свидетельствует, что они в виде личного имущества и эквивалента при обмене получали достаточно широкое распространение. При этом, если сосуды, как предметы из драгоценных металлов, нуждались в оценке, т. е. во взвешивании, то бронзовые слитки, с гарантированным качеством и постоянным весом, не нуждались в такой оценке, что также способствовало их более широкому распространению как посредников обмена.

Наиболее ранние известные бронзовые слитки обнаружены в богатых курганах у села Тураево Елабужского района Татарии, датируемых концом IV — началом V вв. н. э. Тураевский могильник содержит погребения, в которых захоронены военачальники с богатым набором вооружения и которые оставлены, по-видимому, гуннами¹. Слитки представляют собой металлические палочки квадратного сечения приблизительно 1×1 см и длиной до 20 см. Они отливались, видимо, для дальнейшего распространения, но законченную форму (трехгранное сечение, утончение на концах) приобретают позднее, и более широкое распространение слитков связано уже с именьковцами.

Именьковцы, видимо, не только отливали слитки, но и готовили из них различные поделки и украшения. Бронзовый слиток, например, обнаружен в богатом погребении у села Рождествено Лайшевского района Татарии, а в углу одного из погребений находился набор инструментов, среди которых имеются миниатюрная железная наковаленка, два молотка, две известняковые

¹ Генинг В. Ф. Тураевский могильник V в. н. э. — В кн.: Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 88, 107.

формы для отливки мелких фигурных украшений и отатки небольшого кожаного мешочка с металлической стружкой, очевидно, заготовкой¹.

У села Щербет Куйбышевского района Татарии, расположенного недалеко от Булгарского городища, обнаружен целый клад бронзовых слитков в количестве 73 (в них 4 половинки) экземпляра. Они найдены рядом с двумя древними меднолитейными мастерскими, расположенными друг от друга в 15 метрах. В культурном слое одной из мастерских была обнаружена В-образная пряжка, близкая по форме находкам из Северного Кавказа и Крыма и характерная для V—VII вв. Химический состав остатков металла в тиглях, а также литейного шлака полностью повторяют химический состав бронзовых слитков². Следовательно, они являются изделиями местного производства, изготовленными в своеобразном «денежном дворе», расположенном в центре большого селища.

Бронзовые слитки щербетского клада представлены трехгранными брусками длиной около 18,5 см и весом от 70 до 111 г. Химический состав слитков однороден и представляет собой четырехкомпонентный сплав сложной латуни. Медь в слитках является основой сплава (62—64%), а в каждом из проверенных слитков цинк постоянно присутствует в количестве 30%. Количество олова колеблется от 0,8 до 2%, свинец присутствует в количестве 4—5%. Сплавы с подобным составом латуни отличаются легкостью отливки, стойкой антикоррозийностью и хорошо обрабатываются. Незначительное количество серебра, висмута, никеля, сурьмы и железа, обнаруженные в составе слитков, являются примесью, перешедшей в сплав из руды.

Достоинна особого внимания весовая норма изготовления слитков. Слитки имели определенный вес. Из 69 целых слитков 45 экз. (т. е. более половины) весят от 98 до 106 г, с преобладанием веса 102—106 г (29 экз.).

¹ Старостин П. Н. Рождественский могильник. — Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972. С. 82. Старостин П. Н., Кузьминых С. В. Погребение литейщицы из пятого рождественского могильника. Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. 1978. С. 170.

² Сидоров В. Н., Старостин П. Н. Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетского поселения. — СА. 1978. № 4.

Любопытно сопоставление этих данных с весом появившихся в Поволжье и Приуралье серебряных монет и блюдов сасанидского производства. Сасанидские драхмы чеканились по двум весовым нормам: более ранние — 3,55—3,88 г и сравнительно поздние — 4,19—4,30 г. На поволжскую весовую систему могла повлиять сасанидская весовая система второго периода, поскольку ко времени появления собственных металлических денег относятся именно монеты этого времени.

Для установления теоретически возможной весовой нормы изготовления слитков следует уточнить величину весовой драхмы Ирана. Начнем с того, что серебряное блюдо с изображением царя, охотящегося на львов, найденное у села Мальцево Пермской области, датируется поздне-сасанидским периодом. На этом блюде имеется надпись такого содержания: «Собственность Фирузана. Вес 244»¹. Вес 244, по-видимому, указывает на весовую драхму. Вес сосуда 1039,2 г, следовательно, весовая драхма была $1039,2 : 244 = 4,26$.

Весовая драхма в 4,26 г, как и сасанидские монеты второго периода (весом 4,19—4,30 г), как нам представляется, имеет прямую связь с весом бронзовых слитков. Бронзовые слитки были рассчитаны в 25 весовых драхмах ($4,26 \times 25 = 106$ г), или как одна четвертая более крупного стандартного веса в 426 г (фунт).

Весовая норма изготовления слитков, выраженная в драхмах, и широкая их распространенность являются достаточно убедительными аргументами в пользу тезиса о том, что бронзовые слитки действительно служили металлическими деньгами.

Распространение бронзовых слитков охватывает довольно обширную территорию. Они не так уж редко встречаются в богатых погребениях и культурных слоях раннесредневековых городищ Поволжья и Приуралья. Мне удалось обнаружить такой слиток в Пермском краеведческом музее среди находок, относящихся к родановской культуре (IX—XV вв.).

Наиболее ярким свидетельством широкого распространения бронзовых слитков являются находки ижевских археологов. В Удмуртском НИИ хранятся два слитка более крупных размеров (один разрублен пополам),

¹ Лившиц В. А., Луконин В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на произведениях торевтики. — ВДИ. 1964. № 3.

такой же формы, но гораздо тяжелее по весу. Они трехгранные, с утолщенной средней частью. Длина целой слитки 42 см, ширина в средней части 2 см, вес 400 г. Видимо, слитки изготовлены весом в 1 фунт. Вес отрученной половинки 200 г. Любопытно, что эти совершенно одинаковые по форме слитки обнаружены в разных памятниках. Первый слиток обнаружен в городище Идна-Кар, а второй — в Гурья-Кала (раскопки М. Г. Ивановой). В богатом мужском погребении Покровского могильника в Малопургинском районе Удмуртской АССР (раскопки Т. И. Останиной) среди жертвенного комплекса обнаружен бронзовый слиток обычной формы. Длина слитка 16,1 см, толщина 0,8 см, вес 71,5 г. Такой же слиток (разломан на три части, фрагменты совпадают) имеется в собрании бронзовых вещей Удмуртского краеведческого музея. Слиток поступил в музей в 1927 г. из разведки могильника Мыдлань-Шай, проведенной А. П. Смирновым. Длина слитка 21 см, ширина 1 см, вес 100 г.

В хронологическом отношении обращение слитков охватывает большой временной отрезок. Для Среднего Поволжья он ограничивается III—VII вв. (Тураевские курганы, где обнаружены слитки, датируются III—V вв., а слитки из Рождественского могильника и из Щербетского клада — V—VII вв.) Началом обращения бронзовых слитков условно можно назвать III в. Он знаменует собой начало правления династии сасанидов и начало проникновения в Поволжье и Приуралье сасанидского металла, под воздействием которого здесь возникла собственная денежно-весовая система. Но фактически в обращении бронзовые слитки появляются, видимо, не ранее середины IV в., т. е. тогда, когда в среде угро-финских и гунских, в том числе именьковских (сувар) племен, более интенсивным становится внутренний и внешний обмен.

Обращение слитков в Среднем Поволжье, видимо, ограничивается VII в. — временем появления, может быть, еще не очень интенсивного, но уже монетного обращения. На территории севернее Камы обращение слитков, по видимому, сохранилось сравнительно дольше. Например, в городище Идна-Кар слиток обнаружен в слое X—XI вв. а в городище Гурья-Кала — в слое XI—XII вв.

Таким образом, как показывают клады и отдельные находки бронзовых слитков, в Поволжье и Приуралье

под влиянием интенсивно поступавшего драгоценного металла не позднее VII века сложилась собственная денежно-весовая система. Ее появление было связано с упрочением феодальных отношений у хазар, когда были созданы необходимые предпосылки для развития товарно-денежных отношений.

Хазарский чекан

В Поволжье и Приуралье на смену хорезмийским и сасанидским монетам приходят византийские и арабские монеты.

Византийские монеты в Восточной Европе встречаются почти повсеместно. Но распространение наиболее ранних византийских монет (V—VII вв.) приходится, в основном, на территорию Хазарского каганата и, видимо, связано с появлением городов и развитием феодальных отношений у хазар. Отдельные находки византийских золотых монет — солидов VI—VII вв. зафиксированы на Северном Кавказе, в Поволжье, Подонье, Среднем и Нижнем Приднепровье¹.

Поступление в Поволжье и Приуралье серебряных византийских гексаграммов связано с именем императора Ираклия (610 — 641 гг.). Ираклий наряду с чеканкой солидов начал с 615 г. выпуск нового номинала двойных миллиарисиев или гексаграммов. Кладов и отдельных гексаграмм в Закавказье обнаружено довольно много. Они известны также на Северном Кавказе. В Восточной Европе известны только два клада этих монет, обнаруженных в Поволжье и Приуралье (Бартым, Шестаково).

В 1950 году около деревни Бартым была найдена большая серебряная чаша, содержащая 264 монеты Ираклия. В Шестаковском кладе вместе с византийскими гексаграммами оказались и сасанидские драхмы V—VI вв.

Как было уже отмечено, монеты бартымского клада являются однотипными, т. е. они никогда не находились в обращении, а непосредственно взяты из императорского монетного двора. Известно, что в 611 году персы вторглись в Сирию, а в 614 г. захватили Иерусалим и Египет. Противостоять натиску персов Ираклию, как

¹ Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967. С. 47.

было отмечено, удалось при помощи хазар. Поэтому не вызывает удивления появление клада однотипных его монет. Однако, как мы убедились, спрос на монеты в Поволжье и Приуралье существовал еще задолго до появления византийских монет. Об этом свидетельствуют и шестаковский клад, в котором наряду с византийскими оказались и более ранние сасанидские драхмы.

То, что гексаграммы Ираклия встречаются, кроме Северного Кавказа, в Поволжье и Приуралье, по-видимому, связано с деятельностью хазар. Однако в VII в. ограниченное обращение монет как платежных средств несомненно происходило в Северном Кавказе, где располагались более ранние политические центры хазар. Поскольку именно города являлись основными центрами обращения монет, остановимся на них более подробно.

Одни из наиболее ранних стольных городов хазар Беленджер находился в Северном Кавказе (Верхне-чирюртовское городище Терско-Сулакского междуречья)¹. Город был довольно крупным (16 тыс. м²) и укреплен мощным, достигающими 10 м ширины стенами с регулярно расположенными башнями². Вторым крупным политическим центром хазар являлся город Семендер, расположенный, по уточнению М. Г. Могомедова, южнее древнего Беленджера.

Проникновение в эти районы многочисленных монет происходило не в результате военных мероприятий хазар, болгар или сувар, а вследствие тесных торговых и дружественных контактов с Византийской империей, которой хазары помогли противостоять как против военной экспансии персов, так и против вторжения арабов. О том, что многочисленные византийские монеты — золотые солиды и серебряные гексаграммы проникают в Хазарию в результате торговли и одаривания византийским императором предводителей хазар, сувар и т. д., свидетельствуют письменные источники и такой клад, как бартымский, с однотипными монетами Ираклия. Но впоследствии, с ростом городов и развитием товарно-денежных отношений, спрос на монеты как на средства обращения становится постоянным, и чтобы удовлетворить такой спрос, становится необходимым наладить собственную местную чеканку.

¹ Могомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983. С. 49.

² Там же. С. 50.

Такое явление, как собственная хазарская чеканка в подражание арабскому дирхему, изучено достаточно хорошо¹. Но не менее важным представляется начало возникновения чеканки — подражаний византийским монетам. Примечательно, что в исследованных М. Г. Могомедовым хазарских некрополях Беленджера обнаружены не только золотые монеты Маврикия Тиберия (582—602 гг.), Ираклия (613—616 гг.) и его сына Ираклия Константина (613—641 гг.), но и золотые местной чеканки — подражания солидам Ираклия и Ираклия Константина².

Как и в любом государстве средневековья, весьма значительной и постоянной статьей дохода хазарского кагана являлись налоги и дань с населения каганата, а также с некоторых зависимых племен. Племена Северного Кавказа, население Крыма, Восточной Европы, в том числе некоторые восточнославянские племена платили дань с «дыма». Известны сообщения древнерусского летописца относительно такой дани и ее размерах: «А козари имаху на полянех, и на северех, и на вятичех, имаху по беле и веверице от дыма»³. Собираем дани, в данном случае, по одной серебряной монете и по шкурке белки занимались специальные чиновники *тудуны*. Термин в форме «тиун» сохранился в древнерусском языке. (Переход «д» в «й» в древнетюркском языке является закономерным).

Думается, что поиски этимологии названий городов Беленджера и Семендера в персидском языке, хотя и отвечают установившимся традициям, ничем не оправданы⁴. Судя по окончаниям, они почти идентичны по форме названиям других более поздних болгарских и суварских городов, возникших в Поволжье — Булгара, Суvara, Биляра и т. д., в которых видеть персидское влияние трудно. Однако заметно и некоторое своеобразие. Например, в окончаниях названий этих хазарских городов на месте йотированного гласного мы видим соответственно «дж» и «д». Вместо общетюркского *йер* — «земля», «град» здесь выступает *джер* и *дер*, т. е.

¹ Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII—IX вв.— В кн.: Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы.— III. С. 26.

² Могомедов М. Г. Указ. соч. С. 86.

³ Рассказы начальной русской летописи. М., 1966. С. 33.

⁴ Могомедов М. Г. Указ. соч.— С. 52.

более консервативная форма. Аналогичное явление наблюдалось, например, еще в XVIII в. в говорах западного диалекта татарского языка. Например, *дюл* — «дорога», *дир* — «земля» (вместо *йул* и *йер*) и т. д.¹

Более широкое распространение, особенно с VIII в., в Хазарии получают арабские, так называемые куфические дирхемы (табл. XII). Этот период истории хазар связан уже с перенесением политического центра хазар с Северного Кавказа в Поволжье.

Несомненно, интенсивное проникновение куфических монет на территорию Хазарского каганата связано с принятием каганом в 737 г. мусульманской религии. Последнее содействовало прекращению продолжавшихся с 640 г., т. е. почти сто лет, кровопролитных войн с арабами, установлению мира, спокойствия и восстановлению традиционных торговых путей в страны древнего Востока, давно ставшие мусульманскими. Куфические дирхемы из Поволжья уходили далее на земли восточных славян — вплоть до стран Западной Европы.

В Поволжье наряду с серебряными проникали и арабские золотые монеты, хотя находки золотой куфической монеты на территории Восточной Европы — явление чрезвычайно редкое².

Во время раскопок В. П. Шиловым кургана около с. Соленое Займище Черноярского района Астраханской области обнаружена золотая монета, вложенная в левую руку погребенного хазарина. Монета, по определению А. А. Быкова, чеканена в 760—61 гг.³ На оборотной стороне над верхней строкой центральной легенды просматривается граффито, которое, по мнению исследователя, возможно, является знаком собственности покойного⁴. Однако легко заметить, что это не совсем обычная тамга, поскольку состоит из двух самостоятельных зна-

ков. Знаки можно расшифровать как руны тюркско-

го алфавита .

¹ Наджип Э. Н. Пятиязычный словарь Дамаскина.— Советская тюркология. 1980. С. 62.

² Быков А. А. Указ. соч. С. 59.

³ Там же.

⁴ Там же.

Знак (*лт*) в древнетюркских текстах обычно употребляется в тех словах, в которых имеются или подразумеваются твердые согласные. Второй знак имеет не-

которое отличие от знака (носовой *н*) тюркского алфавита. Он является общим и для хорезмийских монет VI в. На хорезмийской чаше с надписью «Кюнг Закасак», о которой мы уже говорили, этот же знак передан скорописью в форме , что сближает его со знаком на монете (табл. III).

Граффито на монете можно читать как ^а*лт^н*. Древнетюркское слово *ал* имеет несколько значений: «нижний», например, «*Алтын — таму йери*», т. е. «Внизу — страна ада» или «перед», т. е. то, что находится перед кем- или чем-либо и т. д.¹

В погребении, кроме золотого динара, были обнаружены череп и нижние кости ног коня, за головой погребенного глиняный кувшин с ножом, положенным в него. Рядом находились грудные кости барана, лук и костяной кистень.

Идея «живого покойника» была связана с представлением о продолжении жизни в ином, загробном мире. Надпись на монете, обнаруженной в руке покойного, буквально означает «*Твой ал*». Какое же значение передает само слово *ал* — монету или всю «экипировку» покойного — сказать трудно.

Аналогичное слово зафиксировано, кажется, на болгарских эпиграфических памятниках. Поскольку слово написано арабскими буквами и не имеет диакритических знаков, Юсупов Г. В. читал его в некоторых случаях как *алб* — «большой»². Другой исследователь надгробных камней Хакимзянов Ф. С. читает это незнакомое слово как *алти* — *алчи* и полагает, что оно является компонентом сложного имени со значением «госпожа»³. Но данная трактовка также недостаточно аргументирована.

¹ ДТС. С. 32, 40.

² Юсупов К. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М., 1960. Табл. 38.

³ Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978. С. 188—191.

Дело в том, что слово зафиксировано только на тех памятниках, на которых имеется архаичная клерикальная тюркская лексика. Следовательно, трудно допустить, что слово «госпожа» прибавлялось только к именам на надгробных камнях II стиля. Далее, судя по списку имен, приведенных автором, слово *ал* прибавляется к именам, которые вполне могут быть и мужскими (Афак, Хаджи и т. д.)¹. К тому же, в погребении гунно-сарматского времени из Подонья обнаружена интересная находка — гагатовый предмет, на котором имеется, как мы полагаем,

хорезмийская надпись: которая без натяжки читается также как *алц*, т. е. «твой ал»².

Как нам представляется, слово *ал* на болгарских памятниках (*алти* — *алчи* — его *ал*, «его прах?»), возможно, является архаичным тюркским термином, употреблявшимся в языческом обряде погребения и продолжавшим существовать некоторое время наряду с арабскими словами *зират*, *кабер* (место погребения) и после принятия ислама.

Таким образом, если в курганах Беленджера чаще встречаются византийские монеты и подражания византийским монетам, то, как видно из вышеописанного погребения из Поволжья, позднее постепенно их вытесняют арабские монеты. Но в ранних кладах сасанидские, византийские и арабские монеты часто встречаются вместе. Например, в Завалишинском кладе, описанном Р. Р. Фасмером, младшая монета чеканена в 194 г. х. (809—810), а среди старших имеются монеты шаха Хосрова II, императора Льва IV, полудрахмы арабских наместников Табаристана, омейядские и аббасидские дирхемы. Причем в подобных ранних кладах, как Завалишинский, преобладают монеты VIII в., т. е. периода развития феодальных отношений, расцвета градостроительства, денежного обращения у хазар³.

Проникновение отдельных кладов и монет раннего периода в Восточную Европу, их династийный состав,

¹ Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978.

² Медведев А. П. Погребение воина в I Чертовинском могильнике. — В кн.: История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 126.

³ Фасмер Р. Р. Завалишинский клад куфических монет VIII—IX вв. Л., 1931. С. 8.

весовая норма чеканки достаточно основательно освещены в монографии В. Л. Янина, и нет необходимости останавливаться на них более подробно¹.

Нумизматы XIX в. своими исследованиями внесли некоторый вклад в поиски хазарской чеканки. Еще Х. М. Френ попытался уточнить место чеканки монет по надписи на них арабским письмом, которая впоследствии была прочитана как «земля хазар». В. Г. Тизенгаузен в связи с описанием места чеканки (Каср ас-Салем) указывал, что у Соре упомянут еще Ал-Каср Ал-Кадр². Это название, прочитанное на редкой монете (если здесь нет случайного совпадения), для нас интересно тем, что впервые приводится правильное самоназвание хазар в форме *каср* (*касар*). Частично арабизированное *ал-каср ал-кадр* находит неожиданное подтверждение в тюркском руническом памятнике, относящемся к VIII в. и обнаруженном в Монголии³. В этом интересном памятнике наряду с болгарским племенем *барсил* упоминается *кадир касар* (*кдр кср*). Здесь речь идет, по-видимому, о волжских хазарах, что является, возможно, самоназванием последних. Возможно также, что в названии *кадир* (его можно читать и как *акадир*) находит своеобразное отражение весьма древнее название Волги Ра, или Ора античных авторов. По санскриту *ора* означает «течет». Такое же значение имеет древнетюркское *ака* с задним «к». Вторая половина слова *дир* (*йир*) означает «земля». О замене йотированного гласного у хазар в «д» мы уже говорили. Об этом свидетельствуют также «История албан» (конец VII в.) и грузинские источники, в которых зафиксировано хазарское слово «джебгу» вместо «йабгу»⁴.

Монетное дело в Хазарии прошло естественный путь от грубоватых подражаний к выработке собственных типов монет (табл. III). Однако в отличие, скажем, от раннебулгарских монет, появление хазарской чеканки про-

¹ Янин В. Л. Денежно-весовая система русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 83—95.

² Тизенгаузен В. Монеты Восточного халифата. СПб, 1873. С. XXIX.

³ Кляшторный С. Г. Терхинская надпись. — Советская тюркология. 1980. № 3. С. 91.

⁴ Гукасян В. Л. Тюркизмы в албанских источниках. — Советская тюркология. 1977. № 2. С. 38.

исходило в более сложной политической обстановке. Появившиеся в VII в. хазарские подражания византийским монетам, о которых было сказано, не привели к выпуску собственных хазарских монет. Этому помешали, по-видимому, как внутренние, так и внешние события, связанные с усилением позиций мусульманских купцов в хазарском каганате и арабско-хазарскими войнами, которые завершились в конечном итоге принятием каганом ислама. В такой обстановке целесообразной была не чеканка подражаний византийским монетам, а освоение чеканки куфических монет — дирхемов, тем более, что они все больше завоевывали пространство и авторитет во всей восточноевропейской торговле.

Такая переориентация имела далеко идущие последствия. Например, резиденция кагана и административный центр каганата были перенесены в Нижнее Поволжье, в городах которого было много мусульманского населения и торговцев, где скрещивались торговые пути из Китая и Средней Азии, из славянских земель, из стран Запада и Малой Азии.

Возможность отнесения многочисленных подражаний куфическим монетам более раннего периода к хазарам предложил и отстаивал Э. Цамбаур. Но он не располагал монетным материалом и не мог привести конкретных, убедительных примеров². Этой же концепции придерживается известный нумизмат В. В. Кропоткин³.

Новым этапом в изучении хазарской чеканки, как было отмечено, явилась статья А. А. Быкова, посвященная палеографическому анализу 86 монет (12 типов) — подражаний куфическим дирхемам из Девицкого клада, состоявшего из 323 целых и обрезанных монет⁴ (см. табл. 4).

А. А. Быков обратил внимание на то, что лицевые и обратные стороны монет несли совершенно невозможные сочетания обозначений мест чеканки и дат, а также на целый ряд погрешностей в легендах. Интересным и доказательным, особенно в хронологическом отношении, является определение даты и места чеканки. Например, на монете типа Ia ал-Мамуна год чеканки указан 103 г. х.

¹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 29.

² Быков А. А. Указ. соч. С. 26—29.

³ Кропоткин В. В. Указ. соч. С. 121.

Быков А. А. Указ. соч. С. 30 и далее.

ХАЗАРСКИЕ ПОДРАЖАНИЯ (ДЕВИЦКИЙ КЛАД).

Таблица 4

Типы монет	Даты на монетах	Датирующей признаком оборотной стороны	Годы правления (службы) правителей и бытования символов	К-во монет	Тамга	
Ia	103/721—22	ал-Ма'мун	196—215	811—12—830—31	1	—
Iб	104/722—23	ал-Ма'мун	196—215	811—12—830—31	1	—
II	108/726—27	ал-Махди, как наследник	145—158	762—63—775	8	—
III	119/737	Символ веры в круге	136—158	754—775	1	—
IV	119/737	Зур-р-рийасагайн (Фадл ибн Сахл)	196—205	811—12—820—21	30	—
V	125/742—43	Символ веры в двух кругах	136—158	754—775	1	—
VI	142/759—60	То же	136—158	754—775	1	—
VII	144/761—62	Символ веры в круге	136—158	754—775	1	—
VIII	150/767—68	Символ веры в двух кругах	136—158	754—775	1	—
IX	150/767—68	То же	136—158	754—775	1	—
X	150/767—68	ал-Махди, как наследник	145—158	762—63—775	1	—
XI	150/767—68	Зур-р-рийасагайн (Фадл ибн Сахл)	196—205	811—12—820—21	38	—
XII	162/778—79	Символ веры в двух кругах	136—158	754—775	1	—

(721—722), а место чеканки — Мадина́т ас-са́лам, т. е. Багдад. Однако Багдад как город был заложен позднее в 145 г. х. (762—763), а в 103 г. х. еще правил омейядский халиф Язид II (720—724). Естественно, данная монета может датироваться лишь временем не ранее правления халифа ал-Мамуна (810—833) ¹.

Описывая 86 монет Девицкого клада, А. А. Быков подчеркивает, что «для почерка описанных монет очень характерно также, что буквы часто не соединены между собой, иногда же настолько тесно поставлены, что отсутствует какой-либо намек на соединительную черту, и не всегда это вызвано недостатком места» ². Здесь можно было бы добавить, что мастера-монетчики, видимо, хорошо знали письменность хазар — тюркские руны, которые никогда не соединяются между собой. Дальнейшее изучение хазарской чеканки показывает, что подобный почерк является характерным только для ранних монет. Некоторые наблюдения А. А. Быкова над погрешностями легенды связаны, как нам кажется, характерными свойствами тюркского письма. Например, пропуск в имени «Махди» буквы «аш», вообще отсутствующей в тюркском алфавите. О том же говорит написание названия места чеканки — «Хаммадия» вместо «Мухаммадия», что является обычным для тюркского произношения ³. Все это еще раз подтверждает то, что А. А. Быков был прав, приписывая подражания Девицкого клада к хазарскому чекану.

Однако трудно согласиться с некоторыми положениями автора относительно деятельности хазарских монетчиков, фактически создавших совершенно новые типы монет, по внешнему виду мало чем отличающихся от обычных арабских дирхемов. По мнению А. А. Быкова, монетчики понимали и читали арабские надписи на монетах, «но составляли легенды для изготавливаемых ими штемпелей, видно, по памяти и соединяли штемпеля лицевых и оборотных сторон без учета каких-либо исторических обстоятельств» ⁴.

Думается, приводимая самим автором таблица, где имеются данные о чеканке монет Девицкого клада

¹ Быков А. А. Указ. соч. С. 31.

² Там же. С. 44.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 45.

(табл. 4), свидетельствует о том, что хазарские монетчики учитывали весьма любопытные исторические обстоятельства. Из 12 типов монет 9 (II, III, V—X, XII), т. е. все монеты, относящиеся к чеканке VIII в., выпущены без упоминания имени правящего халифа. Правда, на омейядских и ранних аббасидских монетах не указывалось имя халифа, поскольку только он имел право выпустить монету. Но со времени правления Махди (775—785 гг.) появляется имя халифа на монетах. Монеты же Девицкого клада, по всей видимости, появились в конце VIII в. или в начале IX в. ¹. В них встречается лишь имя наследника престола. А на монетах, датированных первой четвертью IX в., в количестве 68 экз. (типы IV—XI), т. е. на основной массе монет начеканено прозвище даже третьестепенного лица в халифате («обладатель двух правлений»), видимо, принадлежавшее визирю Фадлу ибн Сахлю ². Лишь на двух типах монет, в количестве 2 экз., относящихся, по всей видимости, уже к тридцатым годам IX в., встречается имя халифа ал-Мамуна.

Случайность ли это? Едва ли. Время появления хазарских подражаний совпадает с началом правления аббасидов. Первый аббасид Абул Аббас Сафрак («кровавый»), правивший в 750—754 гг., утвердившись в Куфе, занимался не только приведением в порядок халифата, но и уничтожением оставшихся в живых омейядов. После смерти Абул Аббаса новым халифом становится его брат Мансур (754—775) — крупный политический деятель, занимавшийся пересмотром исламской государственной политики. При нем началось строительство новой столицы на месте сасанидской деревни Багдада. Халифа окружала персидская знать, издревле враждебно настроенная к хазарам.

С началом правления Мансура произошли кое-какие изменения и в учении ислама. Видимо, не случайно не признали Мансура не только Испания, где правил омейяд, но и Северная Африка. Египет признал лишь номинально. Аббасидский переворот вызвал ряд опасных для ислама религиозных народных движений в Средней Азии ³. По-видимому, аббасидов не признали и хазары, тем более, что в окружении персидских сатрапов Мансур предпринял

¹ Быков А. А. Указ. соч. С. 67.

² Там же. С. 36.

³ Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972. С. 336.

поход на Кавказ, дошел до районов Баку и обложил там данью нефтяные источники¹. Усиление влияния персов при дворе аббасидов, захват Мансуром областей Кавказа, через которые проходили важные торговые пути и где издревле скрещивались интересы Ирана и Хазарии, привели, по-видимому, к разрыву отношений хазарского кагана с халифом Мансуром.

Если наши рассуждения верны, то можно предположить, что монеты Девицкого клада отражают как бы начало разлада взаимоотношений хазарского кагана с аббасидами, которые в конце концов привели где-то к началу IX в. к принятию иудаизма каганом хазар.

Монеты Девицкого клада по обозначениям дат, хотя и относящихся зачастую ко времени омейядов, указаниям мест чеканки — городов халифата, а также по качеству производства и пробы (960) напоминают скорее тайный чекан, чем подражания дирхемам, находящимся в обращении. Поэтому они так долго оставались, видимо, скрытыми от глаз нумизматов. Лишь на сравнительно поздних монетах появляется довольно четко выделяющийся знак хазарского кагана в виде ветки, о котором А. А. Быков пишет, что он «напоминал понимающим о происхождении монет»².

Позднее монеты чеканятся уже с указанием хазарского монетного двора. Однако таких монет в Девицком кладе нет. Это свидетельствует, видимо, о том, что между подражаниями и собственной чеканкой существовал какой-то хронологический разрыв. Как было отмечено выше, описание монет, позднее приписанных к хазарской чеканке, дали еще Х. М. Френ и В. Г. Тизенгаузен. Последний, как и Х. М. Френ, включил место чеканки таких монет (без диакритики) в число неизвестных³. В 1923 году Р. Р. Фасмер предложил читать это слово как *Арз ал-хазар*, т. е. «земля хазар». Однако как Х. М. Френ, так и В. Г. Тизенгаузен транскрибировали его в такой форме, что «зубец» в последнем слове не воспринимается как арабское «з». Следовательно, не подвергая сомнению чтение Р. Р. Фасмера, стремившегося слово «хазар» сблизить с современным произношением, следует сказать, что более правомерным является чтение

¹ Сетон Ллойд. Реки-близнецы. М., 1972. С. 166.

² Быков А. А. Указ. соч. С. 67.

³ Тизенгаузен В. Указ. соч. С. 341.

как *Арз ал-Хасар*, т. е. с междузубным «с». Слово «хазар» тюркскими рунами пишется именно через «с»¹.

Впоследствии А. А. Быков на основании типологического и палеографического анализа подтвердил чтение Р. Р. Фасмера. Главное, он установил, что погрешности в легендах и случайное сочетание штемпелей лицевой и оборотной стороны носят такой же характер, как и на монетах Девицкого клада².

А. А. Быков подчеркивает, что почерк надписей монет, чеканенных в Арз ал-Хазаре, является очень архаичным «в сравнении с халифскими монетами 220/832 г. и следующих годов»³. Он отмечает также «несомненное влияние рукописных почерков, сказавшееся в другообразных соединениях между некоторыми буквами в центральной легенде оборотной стороны, совсем не характерных для монетного куфи ни конца VIII, ни начала IX в.»⁴

Чем же была вызвана чеканка хазарских монет таким своеобразным почерком, отличающимся от почерка халифских монет того времени? Надо полагать, в оформлении монеты хазары следовали традициям омейядов. И в отличие от аббасидов, ограничивались обозначением на лицевой стороне монеты лишь одной круговой легенды.

Упорное стремление хазар выпускать монету с архаичным почерком религиозных рукописей времени омейядов, когда был официально принят ортодоксальный ислам в Поволжье, можно объяснить, видимо, дальнейшим усилением разногласий между Хазарским каганатом и Арабским халифатом.

Некоторые монеты Арз ал-Хазар датированы 223/837—838 г. А. А. Быков отмечает, что они «не могли появиться раньше, чем в действительности наступили 220-е/835-е и следующие годы»⁵. Не исключено, что имеются монеты хазар второй половины IX в., но, сопровождаемая бурными политическими и идеологическими столкновениями в каганате, хазарская чеканка шла к своему закату. Дальнейшая чеканка куфических монет была продолжена в другом городе Поволжья — Булгаре,

¹ Кляшторный С. Г. Указ. соч. С. 88.

² Быков А. А. Указ. соч. С. 56.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 67.

ранние известные датированные монеты которого относятся к самому началу X века (907—908 гг.)¹.

Собственно, на этом можно было бы поставить точку относительно хазарской чеканки, но имеется один невыясненный вопрос, который, несомненно, требует объяснения. Дело в том, что почти все клады ранних куфических монет Восточной Европы зарыты в землю в первой четверти IX в.

На это обратил внимание еще Р. Р. Фасмер, отметивший, что «кладов, зарытых в VIII в., до сих пор не найдено, а найдены только монеты VIII в. в кладах, зарытых в IX в.»². Чем же можно объяснить такое явление? Р. Р. Фасмер склонен был предположить, что монеты более ранних периодов попали в Восточную Европу не ранее 800 г.³ Однако исследования В. Л. Янина показали, что отдельные клады и обнаруженные многочисленные единичные монеты VIII в., датированные 700—799 гг., свидетельствуют о том, что они в VIII в. проникали в Восточную Европу в достаточном количестве⁴. Но это объяснение не снимает поставленного вопроса, тем более, что новые данные, приведенные В. В. Кропоткиным, дополнительно подтверждают массовое зарытие кладов в Восточной Европе именно в начале IX в. (Петровское, 804/805 г.; Правобережное Цимлянское городище, 809/810 г.; Новотроицкое городище, 818/819 г., Нижние Новоселки, 811/812 г.; Кремлевское, 812/813 г.; Хитровка, 810/811 г.)⁵.

Для позднего средневековья подобная закономерность явилась бы достаточным основанием для вывода о том, что в данное время была проведена денежная реформа с запрещением находившихся в обращении старых монет. Можно ли говорить о денежной реформе, необычной не только по времени, столь ранней, но и в отношении территории, совпадающей и со славянскими землями? Останемся на этих вопросах более подробно.

¹ Янин С. А. Новые данные о монетной чеканке Волжской Булгарии.— МИА.— № III. М., 1962. С. 179—205.

² Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии куфических монет в Восточной Европе.— Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1933.— № 627. С. 476.

³ Фасмер Р. Р. Завалишинский клад куфических монет VIII—IX в. Л., 1931. С. 13.

⁴ Янин В. Л. Указ. соч. С. 83.

⁵ Кропоткин В. В. Указ. соч. С. 119.

Выше было сказано об обострении взаимоотношений хазар с аббасидами в конце VIII — начале IX в. Похоже, что начало окончательного разрыва взаимоотношений приходится на период правления наиболее могущественного халифа Харуна ар-Рашида ибн Махди (786—809) и завершается в 20-х гг. в период правления халифа Абдуллаха ал-Мамуна ибн Харуна (810—833).

Можно предположить, что именно в этот период произошло пресечение торговых путей через Кавказ, был затруднен ввоз арабских монет и запрещено их обращение. Данное предположение подтверждается и составом обнаруженных кладов. Например, Р. Р. Фасмер обратил внимание на то, что в кладах начала IX в., монеты которых доходят до 820-х гг., африканские монеты составляют иногда до 50%¹. Следовательно, монеты подобных кладов проникали еще в те времена, когда действовали торговые пути через Кавказ, скажем, в Египет, также настроенный враждебно в отношении аббасидов. Но в кладах, монеты которых кончаются 20-ми годами IX в. (например, Угличский) африканские монеты составляют всего около 6%, в более поздних еще меньше². Это свидетельствует, видимо, о наступлении переломного момента в торговле и денежном обращении, когда монеты начинают проникать в Восточную Европу не через традиционные торговые пути — через Кавказ, а через Среднюю Азию, через государство саманидов.

Внутренние пружины этих событий нам пока малоизвестны. Но можно предположить, что препоны в торговле с Египтом и другими восточными странами были созданы аббасидами, а хазары со своей стороны могли вообще запретить обращение монет халифов и попытаться создать собственную чеканку, о которой говорилось выше.

Таким образом, денежное обращение Восточной Европы VIII и начала IX в. невозможно объяснить без учета активного вмешательства хазар.

Во второй половине VIII в., с усилением арабского натиска, центр Хазарского каганата окончательно перемещается в Поволжье. Следовательно, хазарские каганы были поставлены перед необходимостью установления каких-то новых взаимоотношений с другими племенами Восточной Европы. Это, видимо, привело к столкновению

¹ Фасмер Р. Р. Указ. соч. С. 12.

² Там же.

с некоторыми из них и расселению в регионе других дру- жественных племен. Покидают Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье именьковские племена, о которых мы уже говорили; видимо, среди них были часть сувар и угро-финнов, возможно, мадьяр. В этом районе появляются новые племена — болгары, другая часть их, враждеб- но настроенная к хазарам, покидает пределы каганата.

С уходом именьковцев из Прикамья на некоторое вре- мя нарушаются традиционные торговые связи с более се- верными племенами, обеспечивающими пушнину рынки Поволжья и Северного Кавказа, что в свою очередь от- рицательно отразилось на хазарской торговле с восточ- ными странами. Это хорошо заметно и по монетному материалу. Если районы Прикамья изобилуют хорезмий- скими, византийскими и сасанидскими монетами VI— VII вв., то сравнительно редкими являются клады монет VIII— начала IX вв.¹

Обилие ранних куфических монет между левобережь- ем Днепра и верховьями Дона и Волги можно объяс- нить тем, что во второй половине VIII в. рынки пушни- ны и важные торговые пути перемещаются именно в эти районы.

По-видимому, подобные изменения были связаны с политическими событиями, происходившими здесь в дан- ный период. Согласно археологическим данным, перво- начальными восточными славянами являлись племена, появившиеся в VI в. в междуречье Западного Буга и Днепра. По мнению известного археолога Д. А. Авдуси- на, они начали движение вверх по Днепру. Это произош- ло не ранее IX в.² Автор «Повести временных лет» сооб- щает, что до расселения славяне сидели на Дунае «и от тех славян разошлись славяне по земле и стали имено- ваться по тем местам, где селились»³.

В IX веке славянские племена со Среднего Днепра

¹ Здесь рассматриваются клады. Отдельные находки монет указанного времени известны и в этом районе. Например, в погребениях около г. Стерлитамака Башкирской АССР обнаружены золотой динар 705/706 года, серебряные дирхемы 770, 774, 779 гг. Судя по женским украшениям, этот могильник принадлежал одному из подразделений хазар. См. Ахмеров Р. Б. Стерлитамакский могильник и его изучение.— В кн.: Археологические памятники Ниж- него Прикамья.— Казань, 1984. С. 33.

² Авдусин Д. А. Ключ-город.— В кн.: Путешествия в древ- ность. М., 1983. С. 93.

³ Рассказы начальной русской летописи. М., 1966. С. 25.

хлынули в более северные районы, что привело к осла- вляиванию части местных племен. На вопрос, почему же они не продвинулись и на восток, можно ответить одно- значно: здесь их продвижению противостоял крупный политический союз, вожди которого, судя по упомяну- тымкладам, уже в начале IX в. были способны провести широкомасштабную операцию по запрещению находив- шихся в обращении старых монет. Не состоял ли этот союз частью из славян, проникших сюда в более раннее время?

Конечно, можно допустить, что клады монет зарыты в землю в момент погрома славянскими племенами, при- шедшими с северо-запада, балтских и угро-финских по- селений где-то в начале IX в. Но подобному суждению противоречат следующие весьма существенные факты. Клады начала IX в. распространяются в более северные районы постепенно, волнообразно. Если в основных зем- лях обитания хазар клады зарыты с младшими моне- тами 804—812 гг., то в северных районах они имеют младшие монеты 20-х и 30-х гг. IX в., следовательно, в этих районах они по инерции обращались еще в течение некоторого времени и после запрещения.

Хазарский каганат был в этническом отношении мно- гоплеменным государством. Хотя были построены много- километровые оборонительные валы с внешними сторо- нами на северо-запад, обитали на территории каганата и славяне. Однако в VIII в., когда каганат был в расцвете сил, в названные районы проникали не воинственные сла- вянские племена, длительное пребывание которых на се- веро-западных границах зафиксировано археологически- ми памятниками, а дружественные, проникшие, видимо, в одноактном порядке, не оставив следов длительного обитания в землях, через которые прошли.

Впрочем, появившиеся где-то в начале VIII в. в вер- ховьях Дона первые поселения славянских племен, рас- положенные рядом с хазарскими городищами, свидетель- ствуют о том, что это были именно дружественные пле- мена. С. А. Плетнева, изучившая погребения с трупосожжением в одном из таких поселений, выяснила, что это типичные захоронения пеньковской культуры¹. Основная же территория пеньковской культуры распо-

¹ Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья.— Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А. В. Арциховского, М., 1972. С. 114.

ложена в лесостепной зоне Украинской и отчасти Молдавской ССР¹. Мы можем лишь согласиться с выводами С. А. Плетневой, что «чрезвычайно важен сам факт теснейшего симбиоза алано-болгар с «пеньковцами» на новом месте»².

В данном исследовании нет нужды касаться вопроса освоения славянами вышеназванных территорий, поскольку это специальная проблема. Но нас не может не волновать то, что уже в конце VIII— начале IX вв. здесь образовался мощный политический союз, который с распадом во второй половине X в. Хазарского каганата полностью перешел под власть восточных славян.

Хазарский каган ежегодно, начиная с апреля месяца, ходил со своим двором и дружинниками, состоявшими в основном из арсов, в полюдье и к осени возвращался в свою столицу, расположенную в Нижнем Поволжье. Его власть над вассалами в этот раннефеодальный период была весьма эфемерной, номинальной. Верхушка болгар, сувар, арсов и других племен, входивших в состав каганата, терпела вассальные отношения, так как хазары сохранили всю правящую верхушку союзных племен³.

Страна простиралась на несколько месяцев пути, и полюдье, продолжавшееся с весны до осени, не могло охватить всех племен, населявших каганат. Некоторые из них, сильно отдаленные и крупные, становились просто союзниками. Китайские источники, как было отмечено, в отношении соседей гуннов, расположенных западнее от них, а именно, Усуней и Кангюя, употребляли термин «правая рука гуннов». Такую же «правую руку» (или союзное государство) составляли, видимо, земли алано-болгар и славян, о которых идет речь. Как видно из массы обнаруженных кладов начала IX в., это северные районы хазарских и северо-восточные районы славянских земель. Между Днепром и верховьем Дона в VIII веке расцветала общеизвестная в археологии романо-борщевская культура. Это наиболее ранний территориально-политический союз славянских племен, где сложились наиболее ранние классовые отношения. Поселения, как и алано-болгарские в лесостепной зоне, располагались на высоких речных мысах, укреплялись валом и рвом. Жи-

¹ Березовец Д. Т. Поселения угличей на р. Тясминь.— МИА — № 108. М., 1963. С. 191.

² Плетнева С. А. Указ. соч. С. 115.

³ Плетнева С. А. Хазары. М., 1976. С. 57.

тели наряду с сельским хозяйством занимались также кузнечным, ювелирным, гончарным ремеслом и т. д.

История союзов племен, населяющих в VIII— начале IX веков упомянутые районы, находившиеся далеко от византийского и арабского мира, освещена в письменных источниках весьма слабо, и это тема специального исследования.

Арабские источники сохранили нам названия некоторых государственных образований раннефеодального периода Восточной Европы — это Куйаба, Славия и Арсания¹. Слово «арсания» или «арсалия» (страна арсов), видимо, заимствовано арабами через хазар. Каган Иосиф в своем письме сразу же после таких крупных племен, как болгары и сувары, перечисляет арсов (арису)². Не связано ли появление этого термина у хазар с аорсами — одним из подразделений алан, вытесненных гуннами в верховья Дона, в более северные районы?³ В «Худуд ал-алам» — арабском сочинении — содержится сообщение о географическом расположении области славян: «Это — область, к востоку от которой находятся внутренние болгары и часть русы, к югу от нее — частью море К. р. з. и частью Румское море. К западу и северу от нее — безлюдные пустыни севера»⁴. Наличие большого количества кладов монет из Северо-Восточной Руси начала IX в. и обнаружение в области обитания кривичей формы для отливки подражаний саманидским дирхемам позволяют более внимательно рассмотреть данный вопрос⁵. В таком случае, вопреки мнению некоторых историков, считавших, что кроме Киевской не существовало иной Руси⁶, можно было бы предположить, что местное название «аорсы» (славянское «росы») не позднее конца VIII в. перешло к славянам и что «Внешняя Русь» Константина Багрянородного или «Арсания» арабских авторов не фикция, а вполне достоверный исторический факт⁷.

¹ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II. С. 102.

² Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 81.

³ Шилов В. П. Аорсы (историко-археологический очерк). — В кн.: История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 34.

⁴ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II. С. 126.

⁵ Фасмер Р. Р. О монетах Волжских Болгар X в. — ИОАИЭ. Т. XXXIII. — Вып. 1. С. 53.

⁶ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 426.

⁷ Шангин М. А., Вишнякова А. Ф. Существовала ли «Внешняя Русь». — Византийский временник. Т. XIV. 1958. С. 97.

Глава III

ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ В БУЛГАРСКИЙ ПЕРИОД

Наследие хазар

Как известно, в начале X в. появляются монеты собственной чеканки у волжских болгар. Между последним известным хазарским выпуском и началом болгарской чеканки лежит приблизительно 60 лет перерыва. Естественно, встает вопрос о сохранении преемственности и развитии традиций монетной чеканки.

Для того, чтобы ответить на этот, казалось бы, несложный вопрос, требуется рассмотреть целый ряд проблем, связанных с историей Хазарского государства и возникших на его территории новых государственных образований. Необходимо выяснить экономические взаимоотношения, этническую, языковую и культурную общность хазар и болгар, употребление денег и денежно-весовых терминов булгарами и т. д.

В исторической литературе относительно хазаро-болгарской этнической общности нет единого мнения. Ряд историков склонны видеть в степях Восточной Европы постоянно враждующие между собой и сменяющие друг друга кочевые племена. Такое представление характерно в целом работам, основанным на игнорировании фактических материалов, не укладывающихся в рамки данной концепции¹.

Между тем базовый фактический материал как для исследований отдельно взятых явлений и периодов, та

¹Клейн Л. С. Генераторы народов.— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири.— Новосибирск, 1974. С. 126.

и для общего взгляда на историю данного региона все время пополняется.

Языковедами за последние годы обнаружены и введены в научный оборот многочисленные письменные памятники, относящиеся к гунно-хазаро-булгарскому периоду (IV—XIV вв.).

Изучение экономических связей ранней истории Восточной Европы позволяет видеть здесь также не «дикое поле», а государственные образования, такие как государство гуннов, Тюркский каганат, Хазарский каганат, Волжская Булгария и т. д., с поступательно развивающимися товарно-денежными отношениями и преемственностью не только в экономическом, но и политическом и этническом плане, хотя эти государства и не отличались этнической однородностью. Что же касается таких явлений, как аварское, печенегское вторжение или же монгольское нашествие, то они затрагивали ход исторического развития многих народов.

Следует сказать, что сравнительно быстрое распространение среди гуннских племен получил этноним «тюрк». Уже в источниках раннего средневековья, например, в «Истории Алван» (VII в.), этнонимы «тюрк», «гунн» или «хазар» употребляются как синонимы, а Хазарское государство называется «Туркестаном», «Страной тюрков»¹. Аналогичное же употребление топонима «Туркестан» имеется в «Армянской географии» VII в.²

Относительно происхождения термина «тюрк» имеется обширная литература³. Не вдаваясь в подробное ее рассмотрение, отметим лишь, что такое быстрое и широкое распространение термина среди хазар, сувар и болгар, видимо, связано с самим значением термина, который первоначально имел больше политическое, престижное, нежели этническое, значение. Относительно термина *тору* («государство») в предыдущих главах мы уже говорили. Слово же *түрк* с аффиксом принадлежности — *а*к— первоначально обозначал, надо полагать, просто принадлежность к более крупному союзу — государственному организму, что могло служить гарантом спокойствия,

¹Гукасян В. Л. Тюркизмы в албанских источниках.— Советская тюркология. 1977. № 2. С. 40.

²Гукасян В. Л. Закавказские источники и изучение истории азербайджанского языка.— Советская тюркология. 1978. № 2.

³Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964. С. 18.

мира для сравнительно мелких племен. Об этом свидетельствуют и орхоно-енисейские рунические памятники. Даже среди самих тюрков (в узком смысле) сохранились родовые названия: сиры, токуз-огузы и т. д.

Характер общности языка хазар и появление письменности на основе тюркского алфавита привлекает внимание многих исследователей. Следует добавить, что изучение данных проблем имеет самое непосредственное отношение к исследованию товарно-денежных отношений Восточной Европы. Например, чтение вторичных тюркских надписей на монетах, а также надписей на многочисленных сосудах из драгоценных металлов, служивших предметами обмена (например, таких, как сосуды из кладов Сент-Миклош), до сих пор нельзя признать удовлетворительными, поскольку особенности рунического алфавита хазарского периода в достаточной мере не исследованы и не уточнены, т. к. неизвестен сам характер общетюркского языка этого периода¹.

Собранный в последние годы значительный языковой материал позволяет делать некоторые выводы относительно характера единого языка Хазарского государства, который наследовали после его распада населявшие его территорию болгары, сувары и другие тюркские народы и племена Восточной Европы и Кавказа.

Известно, что первоначальными его носителями были сами хазары — одно из подразделений уйгур; следовательно, можно сделать вывод, что с самого начала это был язык общетюркского характера, испытавший некоторое влияние диалектных особенностей языка сувар, болгар, барсиллов и т. д.

Отдельные фрагменты этого языка, как нам кажется, достаточно хорошо представлены в письменных источниках, в надписях торевтики и эпитафических памятников. Начиная с IV века они встречаются в албанских, армянских, грузинских, сирийских и византийских источниках². Особенно много их в армянских исторических сочинениях. Уже по этим отдельным фрагментам гунно-тюркского языка можно проследить некоторые его особенности, ко-

¹ Мелиоранский П. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. — Записки Вост. отд. — Т. XIV. СПб., 1901. Т. Altheim. Hunnische Runnen. Halle, 1948.

² Сейидов М. А. Заметки о гуннской мифологии. — Советская тюркология. 1970. № 2. С. 107; Гукасян В. Л. Указ. сочинения.

торые выражаются в чередовании согласных звуков: *к/х*, *б/в/п*, *ф/п* и т. д.

Эти особенности хорошо видны также в отрывке, приводимом в сочинении Ованнеса, автора XIII в., который является, видимо, фрагментом более древнего сочинения христианского толка и представляет собой пример классического древнетюркского стихосложения.

Алтынган тирек улти,
Христос йемишин верти,
Пизи йектен куртарту
Тангрим анасы Мариам.

Подстрочный перевод:

Из золота возникло дерево,
Христос дал (нам) плодов,
Избавил нас от (веры в) дьявола
Матерь господина Мария.

Отрывок состоит из двадцати строк и некоторыми авторами приводится как пример азербайджанского языка¹. Но с таким же успехом можно отнести его к древнетатарскому или, судя по характерному оглушению согласных, к чувашскому языку. Видимо, перед нами пример хазаро-тюркского языка, что, судя по особенностям, подтверждается и некоторыми другими примерами надписей торевтики и эпитафики. По мнению отдельных исследователей, подобное оглушение согласных в некоторых тюркских языках независимо друг от друга появилось вследствие влияния угро-финских языков². Такие особенности, впрочем, были характерны еще гуннскому языку и возникли в весьма ранние периоды его истории. Например, в период владычества гуннов на хорезмийских монетах прослеживается оглушение согласного в начале слова: *Покара* вместо *Бухара*. Видимо, Бируни (973 — ок. 1050 г.), сообщая, что аланы в стольном городе Итиле, т. е. на Волге, говорят на смешанном хорезмийско-печенежском наречии, имел в виду именно хазаро-тюркский язык с характерным оглушением согласных, как в Хорезме, и наличием огузских элементов³.

Такие же особенности прослеживаются в надписях на надгробных камнях второго стиля из Поволжья. Напри-

¹ Гукасян В. Л. Указ. соч. С. 29.

² Гаджиева Н. З. Задачи и методы тюркской ареальной лингвистики. — Вопросы языкознания. М., 1975. № 1. С. 20.

³ Плетнева С. А. Хазары. М., 1976. С. 46.

мер: *v̇ ċarimṡān ṡywna varsa ölti* («в Черемсан поехав, умер («утонул»); *wafat boltyi* («преставился»); *allahu ṫägali ṙäxṁāti boltyn* («пусть смилостивится бог»), *ṡäfär aixu äti* («был месяц сафар») и т. д.¹

Нами уже были высказаны предположения относительно языка надписей второго стиля болгарских памятников о том, что, возможно, эти фрагменты клерикальной, ритуальной лексики являются сохранившимися крупинками хазарского языка².

Когда в 1863 г. татарский ученый Х. Фаизханов в своей работе о болгарских надгробиях впервые дал правильное чтение числительных *Ziäti Żür*, т. е. «семьсот», используя татарский и чувашский языки, он шел, хотя и несколько упрощенным, но совершенно верным путем. Хотя с тех пор по данной проблеме было написано большое количество трудов, она не перестала быть дискуссионной. Даже возникла целая теория, согласно которой те особенности, о которых частично было отмечено выше, будто бы свидетельствуют о существовании какого-то отличного от общетюркского языка у болгар. Эта концепция получила такую инерцию, что даже ученые, занимающиеся болгарской проблематикой, поражаются, узнав, что в археологических раскопках многих десятков болгарских городов и поселений, ведущихся вот уже более чем сто лет, не обнаружено среди находок каких-либо признаков, подтверждающих данную версию. Наоборот, обнаружены многочисленные материалы, свидетельствующие о том, что болгары говорили на общетюркском, с некоторыми вполне объяснимыми специфическими особенностями, языке. Найдены, например, десятки тысяч болгарских медных монет с многочисленными надписями общетюркского характера.

Это, как нам кажется, является очень любопытным языковым материалом, который еще не стал предметом специального исследования историков и лингвистов. Дело в том, что медные монеты имели только местное значение, обращались только там, где чеканились. Следовательно, надписи на медных болгарских монетах, такие, как: «*Котлуг булсун яны пул!*» (На счастье новый пул!)

¹ Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978. С. 104.

² Мухамадиев А. Г. Монеты как источник по изучению болгарского языка. См.: Исследования по источниковедению истории Татарии. Казань, 1980. С. 124.

и т. д., были адресованы населению города Булгара и прилегающих к нему районов на живом нормативном болгарском языке¹. Наиболее ранние надписи такого характера относятся к XIII в.²

Известные ранние эпиграфические памятники II стиля также относятся к XIII в. Но их язык и архаичный кувфический почерк свидетельствуют о том, что подобные особенности языка, видимо, как и языка вышеприведенного отрывка из армянского источника, относятся к более раннему хазарскому периоду и сохранились как фрагменты клерикального (христианского и мусульманского) письменного языка. То, что к XIII в. эти особенности в развитии болгарского языка были давно пройденным этапом, свидетельствует, кроме монет, надпись на великолепном золотом ковше:

يسنه حضرت مکه دین مدينه کا بارعالی التي یور اون بتی
(«В году: с тех пор как хазрат ушел из Мекки в Медину шестьсот семнадцать (лет)»³).

В свете новых данных, последнее слово текста мы предлагаем перевести не как «семь», а как «было» (*iti*). Тогда предложение получает естественное смысловое завершение. Естественно, это диктуется не только смыслом. Слово *وات* в источниках XII—XIII вв. соответствует

ایردی или ایردی. Но в эпиграфических памятниках

II стиля оно имеет более древнюю форму ⁴. То, что в начале слова отсутствует «алиф», объясняется, по-видимому, наличием пережиточного дифтонга, как в слове

یونی (*yun*) из надписи эпитафий II стиля, где в передней позиции также нет «алифа»⁵. Следовательно, дату

¹ Мухамадиев А. Г. Указ. соч. С. 127.

² Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М., 1983.— Табл. VIII.

³ Fräeh n Ch. M. „Ueber alte Sued-Sibirische graeberfunde mit Inschriften von gewissem Datum“. Memoires de l'Academie imperiale des sciences de St. Peterstougr. VI Serie.—Т. IV. 1840 S. 229—25b.

⁴ Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику.— М.— Л.—1960. С. 83.

⁵ Мухамадиев А. Г. Указ. соч. С. 133.

в надписи следует читать как 610 г. х., т. е. 1210—1211 гг. (табл. VII).

Своеобразным словом в данной надписи, сближающим ее с надписями II стиля эпиграфических памятников, является также довольно четко написанное слово *iŷ* вместо *iŷz*. Датирующая форма надписи (уход пророка) является характерным и для некоторых литературных произведений поволжского характера¹.

Пожалуй, не менее примечательным в этой надписи представляется то, что надпись выполнена зеркально. Один из последних исследователей данного сосуда выдвигает фантастическую версию, что золотых дел мастер из Поволжья XIII в. не имел представления об арабской графике и что он механически, зеркально (!) перенес надпись с другого сосуда². Однако, как показывают надписи штемпелей монет, для зеркального исполнения надписей требовалось особое мастерство. Надпись на чаше свидетельствует, что она выполнена четким, близким к насталику почерком.

В данном случае мы сталкиваемся, видимо, с примечательным явлением — тайнописью, характерной и для некоторых других тюркоязычных памятников. Употребление тайнописи, возможно, связано с существованием у тюркских народов табу или эвфемизмов, относящихся к отдельным выражениям или словам, таким, как «рождение» или «смерть» и т. д.³. Табу выражалось в замене какого-либо выражения, которого нельзя было произносить, другим словом или выражением. В надписи на золотом сосуде приводится, видимо, дата рождения или какого-либо другого важного события таким своеобразным способом, оберегая от «порчи». Приблизительно такой же характер носят, видимо, тюркские надписи из аланских катакомб Кавказа, где до неузнаваемости увеличены или смещены с места отдельные рунические знаки⁴.

¹ Абылов Ш. Ш. О новонайденных списках памятника XIV века «Надж ал-Фарadis» — Советская тюркология. 1977. № 2. С. 70.

² Крамаровский М. Г. К атрибуции золотоордынского ковша с тюркской надписью. — В кн.: Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока.

³ Лауде-Циртаутас И. О табу и эвфемизмах в казахском, киргизском и узбекском языках. — Советская тюркология 1976. № 4. С. 75.

⁴ Хабичев М. А. О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах. — Советская тюркология. 1970. № 2. С. 67.

Подобный же оберег можно усмотреть в надписи, обнаруженной в погребении сармато-аланского периода, о которой выше было сказано. Надпись хорезмийскими буквами *иŷ* на том же предмете повторяется «наоборот»,

в форме *↔*. В данном случае более ранним являлась,

видимо, «испорченная» надпись, которая была не только табу в отношении слова, связанного со смертью, но сам предмет служил талисманом.

После распада Хазарского государства на Кавказе, в Крыму, в степях и на Волге были основаны несколько государственных образований. Они наследовали многие из прежних культурных достижений, в том числе единый тюркский язык этого государства со всеми его атрибутами. Иногда на основе вышеназванной неподтвердившейся теории проводится по инерции мысль, что кипчакский (язык населения Дешт-и Кипчак) и болгарский языки были разными по характеру.

Все известные исторические факты свидетельствуют, что кипчакский язык, как и болгарский, относится к более позднему периоду и является следующим закономерным этапом в локальном развитии хазаро-тюркского языка. Представление, что в Восточной Европе кипчаки появляются проздно, не подтверждается источниками. Мнение, будто бы слово «кипчак» упоминается у Сыма Цяня (145—187 гг. до н. э.), основано лишь на частичном сходстве этих слов. Неубедительно оно и с хронологической точки зрения, т. к. предполагаемое первое упоминание этого названия оторвано от последующего более чем тысячелетним промежутком времени¹.

Новейшие данные и исторический подход, а также объяснение этого и других этнонимов на базе самих тюркских языковых данных, как нам представляется, могут дать более достоверные сведения. Во-первых, не следует путать, как это часто делают, такие совершенно разные этнонимы, какими являются «половец» и «кипчак». В современном понятии «кипчак» — это понятие общее, близкое к понятию, скажем, «восточные славяне», а «половец» — узкое, племенное, типа «вятичи», «уличи» и т. д.

¹ Добродомов И. Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе. — Тюркологический сборник. М., 1978. С. 111.

Исследователи обратили внимание на то, что не только в древнерусском языке, но во многих языках имя половцев отождествляется с понятием «светлый». Имеется несколько гипотез по данному вопросу¹. Однако, как нам кажется, исследователи не всегда обращают внимание на один весьма существенный момент. Дело в том, что слово «половец», появившееся на древнерусской почве, является одним из немногих этнонимов (в отличие от таких этнонимов, как *обры*, *козары*, *болгары*, *печенеги* и т. д.), употребляемым в калькированной форме. Это свидетельствует об очень близком, возможно, до образования Киевской Руси, знакомстве восточных славян с половцами и с их самоназванием, важным с точки зрения значимости (отсюда перевод).

Известно, что у половцев племенным самоназванием являлось слово «сорочин»². Слово сары, т. е. «желтый», соответствовало сложной системе обозначений стран света³. По данной системе слово *сары* еще в гуннский период (отсюда *сарыгурь*) обозначал «центр»⁴. У восточных тюрков для обозначения данного понятия употреблялось зафиксированное с VI в. слово *ак*, т. е. «белый». Однако в обоих случаях эти слова содержат совершенно неожиданный смысл, а именно «высокий», связанный с тем, что в центре находились владения «высокого» правящего вождя. В конечном итоге более живучим и получившим более широкое распространение оказалось слово *ак* со значениями: «высокий», «благородный», «белый» и т. д. Таким образом, народная этимология сорочинцев вполне естественно свое происхождение связывала с словом «белый» («высокий»), вошедшим и в другие языки.

Представляется, что отождествление слов *коман* «коба», т. е. «желтый», и стремление сблизить его со словом «половец» является неправомерным⁵. Похоже, что *кипчак* и *коман* — слова одного корня. Слово *кипчак* я

¹ Баскаков Н. А. Тюркизмы-этнонимы в «Слове о полку Игореве». — Советская тюркология. 1982. № 4; Добродомов И. Указ. соч. С. 109—110.

² Добродомов И. Г. Указ. соч. С. 105.

³ Кононов А. Н. Семантика цветообразования в тюркских языках. — Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 59.

⁴ Баскаков Н. А. К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз». — СЭ. 1964. № 1.

⁵ Баскаков Н. А. Тюркизмы-этнонимы... С. 16, 17.

вляется общим самоназванием некоторых кочевых племен, в том числе сорочинцев или половцев, говорящих на кипчакском диалекте тюркского языка, а слово *коман*, как общий этноним разных племен, использовали соседние народы или источники Запада. Например, В. Рубрук *кипчак* и *канглы* относил к «команам»¹. Более раннее упоминание данного слова в форме «хунан» в армянских источниках относится к V—VI вв.²

Переход букв *н>м>б* в данной ситуации для тюркских языков является общеизвестным. Не менее известным является и переход *х>к* (задний), т. е. *хунан* в *кунман*. Таким образом, переход обозначенных букв зафиксирован исторически и можно сделать вывод о том, что, видимо, в появлении этнонима «кипчак» и в формировании кипчаков определенную роль играли гунны и их самоназвание. Слово же *коман* в кипчакском языке обозначало не самоназвание, а страну. Суффикс *-ан* передает значение гуннского «дом», «страна». Известно, что часть гуннов еще в раннем средневековье оседала на Северном Кавказе и на Кубани. В источниках середины XI в. отмечается, что эта область по их имени называется «землей гуннов»³.

Сопоставление кипчаков (по-венгерски *qun*) с гуннами не ново⁴. Однако оно в целом направлено на уточнение обозначения цвета («желтый», «бледный» и т. д.), для чего приводятся примеры из других языков⁵. Видимо, необходимо учесть развитие термина «кипчак» в историческом плане, его трансформацию в течение многих веков в живой языковой среде и не искать формировавшийся к VIII—XI вв. термин в китайских хрониках античного времени.

По нашему глубокому убеждению, слово «кипчак», как и слово «коман», состоит из двух частей: *кун* и *чак*. Как было отмечено, переходы *н>м>б>п* (*кунчак*, *комчак*, *кычак* и т. д.) являются общеизвестными, а что касается второй части слова, то оно, видимо, означает по-

¹ Джованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. М., 1957. — Гл. XVI, XX.

² Лукасян В. Л. Указ. соч. С. 23.

³ Хауссиг Г. В. К вопросу о происхождении гуннов. — Византийский временник. Т. 38. М., 1977. С. 71.

⁴ Добродомов И. Г. Указ. соч. С. 116.

⁵ Баскаков Н. А. Указ. соч. С. 16—17.

кипчаки просто «человек». В «Слове о полку Игореве», например, *чага* — это половецкая пленница¹.

Подытоживая данный раздел, можно сделать вывод, что булгары и кипчаки, как и некоторые другие тюркские народы Кавказа и Восточной Европы, наследовали единый язык, формировавшийся в период существования Хазарского каганата. Следовательно, все хазарские термины денежно-весового характера вошли в язык булгар, которым впоследствии досталось в бассейне Волги наследие хазар. Несмотря на имеющийся перерыв между последней известной хазарской чеканкой и первыми булгарскими монетами, чеканка монет-подражаний, видимо, не прекращалась, как не прекращались в Поволжье товарно-денежные отношения.

Булгарский чекан X в.

В VII—X вв., как было отмечено, существовали обменно-торговые взаимоотношения Хазарского государства с районами Северного Прикамья, Приобья и Прикамья, богатых пушниной. Однако закономерный распад этого раннефеодального государства Восточной Европы, обособление и усиление Булгара вызвали изменения в направлении обменных контактов. В X—XII вв. более интенсивными становятся пути в Восточную Европу, на Северный Урал и Нижнее Приобье².

Существование северо-восточного направления обмена подтверждается многочисленными кладами художественных изделий X—XII вв.³ Это были в основном примитивные металлические деньги: чаши, блюда, кувшины и т. д. среднеазиатского, хазарского, византийского, русского и булгарского происхождения.

В Поволжье предметы обмена из южных стран проникали, видимо, по дорогам, существовавшим еще в раннее средневековье. Одна из таких дорог описана Ибн Хаукалем (около 978 г.): «От Абаскуна по левому берегу моря тянутся до земель хазар смежные населенные местности... а затем войдешь в пределы Аррана и когда пройдешь Мукан до пределов Баб-уль-Абвава (Дербен

¹ Слово о полку Игореве. СПб., 1898. С. 10.

² Сыркина И. А. Клад с городища Лорвож (XII). — С. М., 1983. № 4. С. 194.

³ Даркевич В. П. Художественный металл Востока VII—XIII вв. М., 1976. С. 163.

та)... то будешь идти до области Семендер 4 дня.., а от Семендера до Итиля 7 дней по степи»¹.

Однако где-то с конца IX в. более интенсивной становится караванная торговля, связывающая Поволжье с Хорезмом. Этот путь описан Ибн Фадланом, прибывшим в 922 г. из Багдада в Булгар². Оживлению торговли со Средней Азией способствовало, как было упомянуто, и обострение взаимоотношений хазар с арабским халифатом, приведшее к затуханию торговых путей, проходивших через Железные ворота.

Обращение примитивных денег в виде сосудов или бронзовых слитков для Поволжья было пройденным этапом. Они в роли денег продолжали употребляться, в основном, среди лесных племен. В Восточной Европе в данный период повсеместно большим и постоянным спросом пользовались монеты.

Довольно интенсивное обращение в Поволжье куфических дирхемов было связано не только с развитыми торговыми взаимоотношениями хазар и булгар со Средней Азией, но и с обильной чеканкой монет-подражаний.

Принято считать, что в Восточную Европу куфические дирхемы проникали через Поволжье, а в Поволжье, в свою очередь, через Среднюю Азию и Кавказ. Кавказский путь, судя по кладам монет, начиная с IX в. отходит на второй план. Но, пожалуй, не менее примечательным является тот факт, что восточнее Волги также редчайшими являются клады с куфическими дирхемами. Таким образом, получается, что путь в Хорезм в целом носил довольно-таки случайный характер. Правда, некоторые исследователи допускают возможность существования и Каспийской водной магистрали³. Не исключая такой возможности, следует все же сказать, что последнее также остается ничем не подтвержденным предположением.

Таким образом, создается впечатление, что основными центрами не только денежного обращения, но и интенсивной чеканки «восточных» монет являлись города Поволжья.

¹ Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX в. и X в. о Кавказе, Армении и Азербайджане. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. С. 108.

² Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II. С. 36.

³ Заходер Б. Н. Указ. соч. С. 157.

В кладках Среднего Поволжья основная масса относящихся к X в. монет состоит из подражаний саманидским, появившимся еще до собственной чеканки монет болгарскими. Их продолжали выпускать в большом количестве и в период чеканки собственных монет, т. е. в течение всего X века (табл. XIX—XXXI).

По нашим наблюдениям, подражания по своему количеству составляют основную массу монет, обнаруженных в кладках X в. в Поволжье. В кладках Восточной Европы по самым скромным подсчетам, они составляют половину или стоят на втором месте после саманидских монет, а третье место занимают аббасидские монеты. Омейядские монеты исчезают из обращения в начале X в.¹ Следовательно, в Поволжье обращались, в основном, хазаро-болгарские монеты-подражания, среди которых находились и восточные — сасанидские, омейядские, аббасидские и т. д., составляющие определенный процент состава кладок. Причем для отдельных периодов такое соотношение может быть разным.

Проблемы проникновения куфических монет в Восточную Европу, в частности, на территорию Киевской Руси, изучены достаточно хорошо². Поэтому остановимся более подробно на денежном обращении Поволжья IX—X вв. и болгарском чекане (табл. XV—XVIII).

В торговле с Востоком в IX в. еще немаловажную роль играли, видимо, хазары. Об этом свидетельствует, например, то, что вывозимые в страны Востока из Хорезма меха назывались термином «хазари»³.

Как известно, халиф Абул Фадл Джафар ибн Мутасым, правивший в период распада халифата (847—861), распределил между сыновьями владения халифата, и постепенно стали появляться многочисленные династии, в том числе династия и государство саманидов в Средней Азии со столицей в Бухаре, выпускавших собственные монеты (табл. XIV).

Наиболее ранние подражания саманидским монетам чеканились, видимо, хазарами. Но, начатая еще в VIII в. эта чеканка не привела к появлению самостоятельной

¹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 116—122.

² Янин В. Л. Указ. соч.; Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. М., 1967.

³ Заходер Б. Н. Указ. соч. С. 161.

т. е. собственной, чеканки. Это может быть объяснено только тем, что принятие каганом иудаизма привело к его изоляции не только в политическом, но и в экономическом отношении. Даже в тот период, когда номинальные подданные кагана, такие, как илтебер Волжской Булгарии Алмуш, сын которого находился при дворе кагана в положении заложника, выпускал собственные монеты; каган из-за религиозных воззрений в лучшем случае вынужден был ограничиться чеканкой монет-подражаний, хотя в хазарских городах, по словам А. А. Быкова, много было сторонников ислама, которые являлись «...носителями одной из наиболее передовых культур, с которыми пришлось сталкиваться хазарам»¹.

Подражаний монетам первого саманида Наср ибн Ахмеда (874—892 гг.) мало, и их часто трудно отличить от монет другого саманида, тоже Наср ибн Ахмеда, правившего позднее — в 914—943 гг.

Трудность определения подражаний обычно состоит в том, что их нелегко отличить от оригиналов. В этом, как мы видели по хазарским монетам VIII—IX вв., и состояла, видимо, задача монетчиков. Для них наиболее важным было то, чтобы новочеканенные монеты не выделялись среди массы куфических дирхемов, чтобы население и торговые люди охотно бы их принимали. Об этом красноречиво свидетельствует, например, латунный штемпель из Эрмитажа, найденный в Казанской губернии, служивший для чеканки подражаний монетам Мансура бен Нуха². Судя по надписи, он мало чем отличается от надписей монет, обычно приписываемых нумизматами саманиду Мансуру бен Нуху (961—976 гг.).

Булгарские поселения или города IX в. пока неизвестны. Булгары в это время входили в состав Хазарского государства и платили дань кагану, следовательно, в Среднем Поволжье, как и по Каме, имелись хазарские торговые фактории, существовавшие и ранее. Но постепенно в торговле пушниной на первое место выходят города Среднего Поволжья, расположенные на наиболее удобных и выгодных местах. Об этом пишет, например,

¹ Быков А. А. Из истории денежного обращения в VIII и IX вв. — В кн.: Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. Т. III. С. 63.

² Фасмер Р. Р. О монетах Волжских Болгар X века. — ИОАИЭ. Казань, 1925. Т. 33. С. 45.

путешественник ал-Мукаддаси (вторая пол. X в.): «Ме-ха собольи, беличыи, горностаеви, куньи и лесных куниц, лисьи, бобровые, заячьи, козьи шкуры, воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбы кости, бобровая струя, юфть, мед, орехи, барсы (или гончие собаки), мечи, кольчуги, березовый лес... Все эти товары из Болгарии»¹.

Поэтому естественно предположить, что массовые подражания монетам саманидов конца IX в. или начала X в. чеканены булгарами. Например, довольно много монет, чеканенных от имени Насира бен Ахмеда (301—331 гг. х.). Р. Р. Фасмер даже отмечал, что на большинстве подражаний можно прочесть имя Насира бен Ахмеда и что известно лишь немного монет с именами его преемников². Это положение Р. Р. Фасмера верно лишь относительно кладов с ранними монетами-подражаниями. На Семеновском селище обнаружен, например, клад второй половины X в., в котором основную массу монет составляют монеты Мансура бен Нуха (350—365 гг. х.)³. (Табл. XIX—XXXI).

В формировании населения раннебулгарских городов приняли участие различные родственные этнокультурные группы: болгары, хазары, сувары и т. д., которые говорили на едином хазаро-тюркском языке. Не случайно черты погребального обряда Танкеевского могильника (ранних болгар), например, обнаруживают аналоги в Поломско-Ломатовских памятниках Прикамья, некоторых памятниках Башкирии, памятниках салтовского (хазарского) круга, Больше-Тарханского могильника (более ранних болгар) и т. д.⁴

Проследим болгарские и суварские монеты X в. непосредственно по именам правителей, от имени которых они были выпущены.

1. Абдуллах бен Тегин. Монеты этого прави-

¹ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн-Даст. СПб., 1869. С. 181.

² Фасмер Р. Р. Указ. соч. С. 47.

³ Федоров-Давыдов Г. А. Новые находки восточных монет VIII—XIII вв. на территории Восточной Европы.— ЭВ. Л., 1985. Т. 23. С. 46. (Описана небольшая часть клада).

⁴ Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника (к вопросу об истоках населения Волжской Болгарии IX—X вв.).— В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 91.

теля, судя по неточностям и ошибкам, мало чем отличаются от обычных подражаний. Место чеканки обозначено нечетко: не то Нисабур, не то Сувар¹. В Ботельском кладе найдены пять монет с именем Абдуллаха бен Тегина².

Принадлежность монет с именем Абдуллаха к чекану Волжской Болгарии некоторые исследователи считают сомнительной³.

Однакостораживает не только наличие тюркского имени-отчества в надписи на монетах, но и некоторые особенности в их оформлении. Например, на лицевой стороне в поле вместо обязательного символа «Мухаммед посол аллаха» читаем начало символа «Мухаммед», а далее имя и отчество правителя, т. е. Абдуллах бен Тегин.

В предыдущей главе мы уже говорили о религиозных противоречиях, выразившихся в столкновении хазар с аббасидами. Хазарские монеты аббасидского времени, как было отмечено, копируют надписи старых омейядских монет. Интересно, что символ обратной стороны монет омейядов встречается и на сравнительно поздних подражаниях болгар. Например, на одной монете с именем Мансура бен Нуха, чеканенной в «Самарканде» в 365 г. х. и обнаруженной в Семеновском селище, вместо обычного символа имеется омейядский символ из 112 главы

корана: *الله احد الله الصمد لم يلد ولم يولد ولم يكن له كفوا احد*

т. е. «Аллах един, аллах вечен, не рождает, не рожден и нет ему равного никого». Учитывая все это, можно предположить, что ислам более раннего хазарского толка продолжал еще существовать на Волге и в X веке.

В этой связи возникает вопрос о времени принятия ислама булгарами, не раз являвшийся предметом дискуссии. Официальным временем принятия ислама на Волге, безусловно, является 737 год — год принятия хазарским каганом ислама, послуживший толчком к распространению мусульманства⁴.

Судя по обряду Танкеевского могильника, болгары

¹ Фасмер Р. Р. Указ. соч. С. 38.

² Там же. С. 39.

³ Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в.—ТКАЭ. М., 1962. Т. 4. С. 190.

⁴ Быков А. А. Указ. соч. С. 60.

принимают новую религию и новые обряды погребения лишь в нач. X в. Однако следует добавить, что обряды погребения, особенно у кочевников, как правило, менялись очень медленно, даже после принятия религии. Не случайно автор начала X в. Ибн Руста в «Книге драгоценных сокровищ», написанной в 903—912 гг., сообщает, что ислам получил распространение у болгар именно в селениях. «Большая часть их исповедует ислам, и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами»¹. Следовательно, речь идет об определенном распространении ислама уже к началу X в. По всей вероятности, это был ислам старого хазарского толка, в богослужении которого большое место занимала клерикальная тюркская лексика, существование которой зафиксировано в надписях на надгробных памятниках XIII—XIV вв. Поэтому упоминание тюркского имени правителя болгар в хутбе, которая читалась до прибытия Ибн Фадлана и которая вызвала его удивление, может быть объяснено только традицией, существовавшей в Поволжье с VIII в.

Распространению ошибочного мнения, что успехи мусульманства связаны с именем Ибн Фадлана, по мнению С. А. Яниной, содействовала «... не столько тенденциозность подлинного рассказа, сколько тенденциозность перевода и толкования...»².

С. А. Янина приводит отрывок из рассказа Ибн Фадлана и перевод А. П. Ковалевского: «Однако, как имя моего господина, повелителя правоверных?» Я сказал: «Джафар». Он сказал: «Подобает ли, чтобы я назвал его именем?». Я сказал: «Да». Он сказал: «(Итак), я уже дал себе имя — Джафар, а имя своему отцу — Абдаллах, так что дай распоряжение об этом хатибу»³. С. А. Янина совершенно справедливо отмечает, что вставленное А. П. Ковалевским слово «итак», которого нет в тексте, позволяет думать, что мусульманские имена были даны в ходе беседы и предлагает свой перевод: «Я уже дал себе имя — Джафар, а имя своему отцу — Абдаллах»⁴. Однако нас в данном случае интересует вторая часть приведенного предложения, которую слово в слово можно перевести: «...а имя отца — Абдаллах». Таким

¹ Хвольсон Д. Указ. соч. С. 23.

² Янина С. А. Указ. соч. С. 184.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 184.

образом, вполне допустимо, что и Алмуш и его отец Силки¹ уже имели мусульманские имена, но в хутбе упоминалось лишь тюркское имя правителя, что было необычным и обратило внимание Ибн Фадлана.

До приезда Ибн Фадлана молитва за правителя звучала следующим образом:

اللهم واصلح الملك بطوروار ملك بلغار

(«Боже, благослови царя Балтавара (?), царя болгар»). Относительно имени правителя мнения исследователей расходятся. Одни видят в нем имя правителя, другие — название одного из племен болгар — берсула². Третьи — титул правителя болгар *илтебер*³. В новейшей литературе допускается, что это — титул правителя⁴.

Разговор Алмуша с Ибн Фадланом показывает, что правитель болгар был обеспокоен только тем, не противоречит ли канонам ислама совпадение его имени с именем халифа⁵. Собственно, «Джафар» — это лакаб ал-Муктадира (908—932 гг.). Поэтому можно допустить, что Абдуллах получил свое имя при правлении халифа ал-Муктади (869—870 гг.) или при его предшественнике ал-Мутаз (866—869 гг.), лакабы которых тоже Абдуллах, т. е. «раб божий». Изучение погребального обряда древних болгар показывает, что ислам уже прочно вошел в их среду задолго до прихода Ибн Фадлана в Поволжье⁶.

Из-за трудноопределяемости его монет Р. Р. Фасмер упоминает Абдуллаха бен Тегина в последнюю очередь среди правителей Булгара. Но это и понятно, трудноопределяемыми обычно являются монеты более ранних правителей. Монеты последующих правителей отличаются сравнительной четкостью надписей и более совершенным приемом чеканки.

Являлся ли Абдуллах бен Тегин действительно пра-

¹ Это имя исследователи приводят и в форме «Силки» и в форме «Шилки». В основе имени, видимо, лежит древнетюркское слово *силлик* — «благородный», «изящный». Но и болгары могли произносить его двояко (ср. *су* — *шу*).

² Фасмер Р. Р. Указ. соч. С. 58; Янина С. А. Указ. соч. С. 187.

³ Фасмер Р. Р. Указ. соч. С. 57.

⁴ Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 23.

⁵ Янина С. А. Указ. соч. С. 184.

⁶ Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII вв. Казань, 1986. С. 140.

вителем волжских булгар и чеканил ли от своего имени монеты, пока достоверно сказать трудно. Возможно, новые находки монет, если таковые будут сделаны, позволят окончательно решить данный вопрос.

2. Джафар бен Абдуллах. Монеты этого правителя сравнительно недавно были неизвестны. Впервые обломок монеты с именем «Джафара бен Абдуллаха», т. е. с мусульманским именем правителя булгар Алмуша, был обнаружен во втором Неревском кладе, найденном во время раскопок Новгорода¹. Хотя монета представляет собой лишь обломок, но С. А. Яниной удалось блестяще доказать принадлежность этой монеты именно Джафару бен Абдуллаху².

На монете имеются имена халифа ал-Муктафи (902—908 гг.), эмира саманида Исмаила бен Ахмеда (892—907 гг.) и Джафара бен Абдуллаха, время правления которых позволяет датировать выпуск монеты началом X в.

Здесь необходимо несколько слов сказать о т. н. «меховых» деньгах. Сообщение Ибн Русте о том, что «основное имущество у булгар — меха куницы; у булгар нет золотой или серебряной монеты...»³, видимо, не следует понимать в буквальном смысле. О «меховых» деньгах, обращавшихся в Восточной Европе, имеются сообщения и относительно последующих веков⁴.

Многочисленные монеты свидетельствуют о том, что с конца VIII в. началась, может быть, не всегда регулярная, но собственная чеканка монет в Поволжье. Поэтому сообщение восточных авторов о «меховых» деньгах нужно понимать в том смысле, что в некоторых районах или даже среди основной массы сельского населения бытовал натуральный обмен.

Как будет видно далее, имеются монеты прямых наследников Джафара бен Абдуллаха. В то же время на некоторых монетах местного поволжского чекана встречаются имена, которые трудно отнести к определенному периоду, но, судя по датам, помещенным на них, или по другим признакам, они относятся к раннему периоду чеканки. Поскольку политическая история периода обра-

¹ Янина С. А. Указ. соч. С. 181.

² Там же. С. 182—183.

³ Заходер Б. Н. Указ. соч. С. 34.

⁴ Там же. С. 35.

зования государства волжских булгар нам малоизвестна, не исключено, что эти имена на монетах и чеканившие их города имели какое-то отношение к столкновениям феодальных группировок за власть в период становления государства. Поэтому остановимся на них более подробно.

3. Насир бен Ахмед. Монеты Насира бен Ахмеда и халифа ал-Муктадира 301 г. х. (913—914 гг.) Р. Р. Фасмер считал наиболее удачными подражаниями саманидским дирхемам, чеканенным булгарами¹. Он полагал, что Насир бен Ахмед — это имя эмира династии саманидов. Возможно, это действительно так. В таком случае, подобные монеты пока остаются единственными, на которых помещено название местного монетного двора.

Надпись о месте чеканки таких монет в некоторых своих работах Х. М. Френ транскрибировал как «Сагар», но читал как Сувар². Р. Р. Фасмер место чеканки на монетах Мумина бен Ахмеда (366 г. х.) считал возможным с одинаковой степенью вероятности читать и как Сувар, и как Булгар³, а С. А. Янина склоняется в пользу чтения — Сувар. Действительно, для того, чтобы читать надпись как Булгар, мало оснований. Но, с другой стороны, место чеканки на суварских монетах Талиба бен Ахмеда начеканено четко в форме Сувар и каких-либо иных толкований не допускает⁴.

Нам представляется возможным вышеприведенную надпись о месте чеканки читать так, как она начеканена на монетах, т. е. *Сагар* и отождествить его с хазарским городом *Савгар*, о котором известно из сочинения Ибн Хордадбега (820—912 гг.) «Книга путей и государств»⁵.

4. Эмир Биляр. На монетах имя начеканено в форме *الامير بلير*. По поводу чтения данного имени имеются совершенно разные, иногда противоположные точки зрения⁶. Мы полагаем, что имя эмира читается

¹ Фасмер Р. Р. Указ. соч. С. 40.

² Fraehnii Ch. M. Recensio numorum mohammedanorum. Regoroli. 1832.

³ Фасмер Р. Р. Указ. соч. С. 35; Янина С. А. Указ. соч. С. 192.

⁴ Фасмер Р. Р. Указ. соч. С. 34.

⁵ Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. — Избранные сочинения. М.—Л., 1957. Т. IV. С. 140.

⁶ Фасмер Р. Р. Указ. соч. С. 54—59; Янина С. А. Указ. соч. С. 186—188.

«Биляр» на том основании, что аналогичное имя встречается на болгарских надгробных памятниках II стиля¹. Третье слово — *мал*, т. е. деньга.

В собрании Государственного исторического музея имеются два экземпляра таких сравнительно хорошо сохранившихся монет. На одном из экземпляров можно читать дату: 308 г. х.² Дата совпадает со временем правления Джафара. Однако в этом нет ничего необычного. Джафар правил в сложное время распада Хазарского государства и обособления Булгар. Отец его носил хазарский титул *илтебер*, что равнозначно арабскому эмиру. Однако, судя по хутбе, у Алмуша появился совершенно новый титул — *малик* булгар, т. е. «царь булгар»³. Титул *илтебер* носили и правители сувар и, видимо, других племен. Поэтому кажется естественным появление монет другого, какого-то нового эмира.

Относительно обозначения места чеканки что-либо конкретное сказать трудно. Слово начертано грубо, без диакритики⁴. Возможно, это испорченный *ал-Шаш* — место чеканки саманидских монет, а возможно, название какого-нибудь племенного центра из Поволжья. Важным является то, что все эти монеты по стилю следуют чекану Джафара⁵. Следовательно, монеты относятся к раннему периоду чеканки, т. е. к периоду обособления и становления Булгарского государства. Впрочем, сходство с монетами Джафара бен Абдуллаха и совпадение даты чеканки монеты со временем его правления позволяют и иную трактовку надписи. Принимаемое за имя эмира слово можно понимать и таким образом: *ал-амир Биляр мали*, т. е. «Деньга эмира Биляра», тем более что на некоторых болгарских монетах встречаются надписи близкого по смыслу содержания: «Из того, что приказал ал-амир»⁶.

5. Мемектай бен Джафар. Краннему периоду

¹ Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар. М. 1978. С. 189.

² Янина С. А. Указ. соч. С. 188.

³ А. П. Ковалевский, переведя словосочетание «малик саклаб» как «царь славян», ввел путаницу. Якуб в своем словаре слов саклаб объясняет как «население Булгара». См.: Фасмер Р. Р. Указ. соч. С. 44.

⁴ Фасмер Р. Р. Указ. соч. С. 56; Янина С. А. Указ. соч. С. 188.

⁵ Янина С. А. Указ. соч. С. 187.

⁶ Там же, С. 188.

чеканки относится впервые описанная С. А. Яниной монета, на лицевой стороне которой читается «Джафар», а на обратной имеется неразборчивая надпись¹. С. А. Янина полагает, что на лицевой стороне имя эмира, а на обратной стороне имя его сына, которое она не читает, но отмечает, что это не имя правившего позднее Микаила. По нашему мнению, имя можно прочитать как Мемектай. Мемек, судя по надписям на надгробных камнях II стиля, распространенное имя у булгар, а своеобразное окончание имени также характерно было для булгар².

На монете имеется дата — 309 г. х., но, как отмечает С. А. Янина, скорее всего, она была выбита преемником Джафара бен Абдуллаха, т. е. Мемектаем бен Джафаром³.

6. Микаил бен Джафар. На монетах с именем Микаила бен Джафара указаны, в основном, совершенно разные города саманидского государства, и поэтому большинство нумизматов приписывали их саманидскому чекану. Однако принадлежность монет Микаила бен Джафара булгарскому чекану была убедительно доказана Р. Р. Фасмером⁴. Им же описаны почти все известные монеты этого правителя. Но С. А. Яниной описана еще одна монета Микаила бен Джафара из собрания Государственного исторического музея. Имя правителя на ней начеканено в не очень разборчивой форме «Микаил»⁵. В круговой легенде уверенно читается название места чеканки: Булгар.

Самыми многочисленными среди болгарских монет являются монеты Микаила бен Джафара, поэтому можно предположить, что он правил длительное время и был более суверенным правителем, чем его отец, продолжавший платить дань кагану.

Среди монет второго Неревского клада из Новгорода обнаружена монета, на которой имя правителя начеканено несколько в иной форме с «калифом» в конце. По облику монета чеканена примерно в одно время с монетами Микаила бен Джафара⁶. С. А. Янина допускает

¹ Янина С. А. Указ. соч. С. 188.

² Хакимзянов Ф. С. Указ. соч. С. 189—190.

³ Янина С. А. Указ. соч. С. 189—190.

⁴ Фасмер Р. Р. Указ. соч. С. 29—33, 40—44.

⁵ Янина С. А. Указ. соч. С. 188.

⁶ Там же, С. 189.

возможность чеканки подобных монет третьим сыном Джафара. Но, как нам представляется, для такого вывода фактических данных пока недостаточно. Возможно, это результат тюркизирования библейского имени Микаил в «Микайла», тем более что на монетах часто встречается написание этого имени в разных формах: Микал, Микаил и т. д.¹

7. Абдуллах бен Микаил. В собрании Государственного исторического музея имеется два экземпляра монет, выпущенных от имени Абдуллаха бен Микаила. С. А. Янина доказала, что Абдуллах — сын Микаила бен Джафара².

Любопытно, что монеты чеканены с именем халифа ал-Мустакфи (944—946), правившего весьма короткое время, что было связано с кровавыми дворцовыми переворотами. Ал-Мустакфи, взошедший на престол путем свержения и ослепления своего предшественника, сам в свою очередь был свергнут и ослеплен³.

Возможно, правители болгар силикиды, как и саманиды, не признали нового халифа ал-Мути и позднее на монетах помещали имя ал-Мустакфи.

8. Талиб бен Ахмед. Монеты этого правителя чеканены в Суваре в 337, 338, 341, 347 гг. х. и хорошо были известны еще нумизматам прошлых лет⁴. Монеты Талиба бен Ахмеда также чеканены с именем халифа ал-Мустакфи (944—946). Следовательно, монеты 347 г. х. чеканки выпускались с именем этого халифа и после его свержения (345 г. х.).

9. Мумин бен Ахмед. Р. Р. Фасмер, описавший монеты Мумина бен Ахмеда, полагает, что имя типа Ахмед на таких монетах, возможно, является другой формой написания имени Хасан⁵. Но С. А. Яниной удалось доказать, что существуют монеты двух Муминов: Мумина бен Ахмеда и Мумина бен ал-Хасана⁶.

Монеты Мумина бен Ахмеда выпущены в том же Монетном дворе, что и монеты Насира бен Ахмеда — в Сагаре. Кроме того, С. А. Янина обратила внимание на то, что на монетах Мумина бен Ахмеда имеется совершен-

¹ Янина С. А. Указ. соч. С. 189.

² Там же.

³ Мец Адам. Мусульманский ренессанс. М., 1966. С. 19.

⁴ Фасмер Р. Р. Указ. соч. С. 33.

⁵ Там же. С. 35—36.

⁶ Янина С. А. Указ. соч. С. 192.

но своеобразная тамга, отличающаяся от тамги, например, монет Мумина бен ал-Хасана¹.

Монеты Мумина бен Ахмеда выпущены с именем халифа ат-Таи (974—992 гг.).

10. Мумин бен ал-Хасан. Монеты Мумина бен ал-Хасана чеканены в Булгаре в 366 г. х. от имени халифа ал-Мути. Среди нумизматов, как было отмечено, были некоторые разночтения относительно отчества Мумина. Р. Р. Фасмеру удалось обнаружить монеты, на которых ясно читается имя отца Мумина — ал-Хасан².

На большинстве монет Мумина бен ал-Хасана имеется тамга, она напоминает букву «б» рунического алфавита. Отдельные рунические знаки и надписи хорошо представлены археологическими материалами X—XI вв.³ Аналогичная тамга часто встречается на керамике Биляра и Булгара. Во время раскопок Урматского селища болгарского времени автором этих строк были открыты горны. Во всех обнаруженных там донюшках сосудов были прослежены аналогичные тамги.

Имеются монеты Мумина бен ал-Хасана, чеканенные в 370-х гг. х. с именем халифа ат-Таи⁴.

Монеты предмонгольского периода

Собственная чеканка, начатая в Итиле и продолженная в Булгаре и Суваре, а также чеканка подражаний, в конце X в. неожиданно прекратилась. Со второй четверти XI в. исчезаю и ввозимые из восточных стран купфические дирхемы. Дело в том, что в странах-поставщиках доступные запасы серебра были исчерпаны, а новые еще не были освоены. Это положило начало так называемому безмонетному периоду, продолжавшемуся в Поволжье до конца XII в.⁵ В конце XII или в начале XIII вв. взамен обращавшимся заменителям на рынке денег появляются чеканенные от имени халифа Насир лид-Дина медные и серебряные монеты.

Само существование чеканки в Поволжье в конце

¹ Янина С. А. Указ. соч. С. 192.

² Фасмер Р. Р. Указ. соч. С. 41.

³ Кочкина А. Ф. Рунические знаки на керамике Биляра. — Советская тюркология. 1985. № 4.

⁴ Янина С. А. Указ. соч. С. 196.

⁵ Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М., 1983. С. 24.

XII— начале XIII в., т. е. до нашествия монголов, в нумизматической литературе не раз становилось предметом различных дискуссий. Поэтому, прежде чем говорить о начале монетного чекана в предмонгольский период, следует остановиться на истории этой проблемы. Тем более что в последние годы появились новые версии.

Как мы уже отметили, среди серебряных и медных монет, чеканенных в городе Булгаре, встречаются экземпляры, выпущенные от имени багдадского халифа Насир лид-Дина. Хотя они не датированы, но Х. М. Френ саму чеканку от имени Насир лид-Дина счел основанием для того, чтобы признать их чеканенными в Булгаре в 1180—1225 годах, т. е. в период правления самого халифа¹. Но впоследствии в Средней Азии и Булгаре были обнаружены монеты, чеканенные от имени какого-то Насир лид-Дина, которые по датам чеканки были явно позднего происхождения. Х. М. Френ не мог не заметить, что болгарские монеты халифа Насир лид-Дина, от имени которого в начале XIII в., до завоевания монголов, велась чеканка и в Средней Азии, и в Азербайджане, не несут на себе каких-либо признаков позднего происхождения. Это обстоятельство очень важно, если учесть, что на всех известных монетах, чеканенных в Булгаре в XIII в. при Чингизидах, помещена тамга Кыпчакского улуса или тамга великого каана. Однако Х. М. Френ впоследствии включил такие монеты в число безымянных².

Известный ориенталист XIX в. П. С. Савельев подерживал эту точку зрения Х. М. Френа и считал, что болгарские монеты с именем Насир лид-Дина чеканены в предмонгольский период. Но он, кроме общих, хотя интересных и верных, наблюдений, не располагал какими-либо убедительными фактами. Вопрос о начале чеканки монет в Булгаре после безмонетного периода оставался неразрешенным.

Таким образом, перед нумизматами прошлого века встал вопрос, который нельзя было решить, опираясь лишь на изучение надписей на монетах. Для этого были необходимы сравнительные языковые и метрологические

¹ Fraehn Ch. M. De numorum Bulgaricorum forte antiquissimo libri duo. etc.-Casani, 1816.

² Френ Х. М. Монеты ханов улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в при-
бавлении. СПб., 1832. С. 4.

исследования, которые позволили бы не только выявить значимость монет, но и определить, к какому периоду денежного обращения относятся те или иные группы недатированных монет.

Основательно поколебал хронологическую неопределенность болгарских монет, чеканенных с именем халифа Насир лид-Дина, А. Ф. Лихачев. Он установил, что нормативный вес монет, чеканенных от имени Насир лид-Дина, следует искать между 2,04 и 2,488 г, в то время как вес монет, выпускавшихся Чингизидами, значительно ниже. «Впоследствии при Менгу-Тимуре встречаются иногда монеты большого диаметра, не уступающего здесь описанным, но вес этих монет, однако же, не восходит далее 35 долей, т. е. веса, которые можно принять за высшую норму для полновесных монет джучидского чекана»,— писал А. Ф. Лихачев¹. Действительно, как показывают метрологические исследования кладов, в Булгаре после монгольских походов монеты весом выше указанного А. Ф. Лихачевым предела (теоретический вес 1,56 г) не чеканились, и весовая норма монет, чеканенных от имени халифа Насир лид-Дина, не имеет какого-либо весового сходства с монетами, выпущенными при Чингизидах. А. Ф. Лихачев установил вес монет, чеканенных в Булгаре в XIII в. и при Чингизидах. Для монет, чеканенных от имени каана Мунке, это 1,066—1,333 г, а для монет, чеканенных от имени каана Ариг-Буги,— 0,533—0,800 г. Эти три вывода А. Ф. Лихачева относительно веса монет, чеканенных от имени Насир лид-Дина, Мунке и Ариг-Буги, очень важны, так как они установлены по найденнымкладам. Такие монеты исключительно редки и дают наиболее точную информацию о весе монет по сравнению с наборами полуистертых, подверженных коррозии, случайно обнаруженных монет. Но все же его сообщения неполны. Например, для монет каана Мунке из 23 дирхемов и для монет каана Ариг-Буги из 98 экземпляров А. Ф. Лихачев дает только крайние весовые данные, т. е. вес самой легкой и самой тяжелой монеты. Это, по-видимому, объясняется прежде всего несовершенством методов метрологических исследований в нумизматике того времени. При таких неточных и скудных данных трудно было сказать что-либо определенное

¹ Лихачев А. Ф. Новый болгарский клад 1887 г.—ЗВОРАО, 1888. III. С. 16.

относительно различия весовых норм чеканки указанных монет. Догадка о весовом различии монет Насир лид-Дина была верной, но А. Ф. Лихачев не развил эту мысль до конца. Почему-то смутило его и одно из мусульманских имен хана Токты (Насир лид-Дина) на монетах 90-х годов XIII в., хотя сам он отмечал, что на них отсутствуют слова «эмир ал-муминин» (эмир правоверных) — отличительный титул халифа. Все же А. Ф. Лихачев по многим признакам относил монеты халифа Насир лид-Дина к XII в.

С. А. Янина, обратившая внимание на болгарские монеты с именем халифа Насир лид-Дина, объясняет их появление политическими событиями, происходившими в Золотой Орде в середине XIII в., и считает, что они выпущены ханом Берке, пожелавшим подчеркнуть, помещая на своих монетах имя умершего 30 лет назад халифа, что ислам в его стране становится государственной религией¹. Однако А. З. Сингатуллина в своем исследовании, хотя она причисляет себя к сторонникам С. А. Яниной, приводит совершенно другую дату. Она полагает, что монеты с именем халифа Насир лид-Дина чеканились с середины 40-х гг. до начала правления каана Мунке в 1251 году, т. е. в начальный период образования Золотой Орды².

Надписи на монетах халифа Насир лид-Дина изучены достаточно хорошо. На них нет каких-либо признаков ордынского влияния. Поэтому остается только гадать относительно причин эквилибристики вокруг монет с именем халифа Насир лид-Дина. Версия С. А. Яниной понятна. Она пыталась связать не совсем ясное в то время происхождение болгарских монет с именем принявшего ислам хана Золотой Орды Берке. Версия же А. З. Сингатуллиной не убедительна. Если монеты чеканились в период образования Золотой Орды, то непонятно, почему на них нет имени правившего в Каракоруме каана, которому подчинялись все ханы, в том числе Батый. Если же выпуск монет производился феодальной верхушкой Булгара, осмелившейся игнорировать каана (что само по себе невероятно), то не ясно, почему на

¹ Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов... 1953—1954 гг. С. 398.

² Сингатуллина А. З. Денежное дело и денежное обращение Золотой Орды XIII века (Поволжские города). Автореферат дисс... кандидата исторических наук. М., 1985. С. 9.

монетах поместили имя не здравствующего, а давно умершего халифа.

Таким образом, возникает ряд вопросов, в том числе вопрос о монетной регалии — о праве чеканки монет, что является не менее существенным. Монгольские правители прекрасно разбирались в вассальных взаимоотношениях в вопросе чеканки монет. Это хорошо видно из монет, чеканенных в городах Средней Азии от имени каана Мунке еще в период завоевательных походов. Например, Хулагу, судя по сообщению Рашид ад-дина, еще до захвата Багдада требовал от халифа Мустасима (1242—1258 гг.) с именем рода Чингиз хана произносить хутбу и чеканить монеты. В том же 655 г. х. (1257 гг.) на вопрос халифа: «Что по твоему мнению надобно для отражения этого злого и могущественного врага?» везир ответил: «...принести извинение и согласиться читать хутбу и чеканить монету».

Рашид ад-дин далее сообщает: «Халиф одобрил мнение везира и повелел его исполнить»¹. В какой степени было выполнено повеление халифа, считавшегося повелителем всего мусульманского мира, трудно сказать. Во всяком случае, чеканившиеся в эти годы в Отраре, Ходженте и в некоторых других городах Средней Азии монеты, возможно, следует объяснить деятельностью халифа. Халиф решил бороться против монголов, но лавировал, повелел читать хутбу и чеканить монеты от имени каана в тех мусульманских городах, которые уже были захвачены монголами. Этому мог содействовать и принявший ислам хан Золотой Орды Берке (1257—1266), с которым халиф переписывался.

На таких монетах вместо чеканившейся в некоторых городах Средней Азии надписи «Мункка каан»² появляется: «Каан имам высочайший Ан-Насир лид-Дин-аллах»³.

Этот пример показывает не только категоричность монгольских правителей в отношении права чеканки монет, но и то, что титулы правителя на них не сравнимы с таковыми болгарских монет домонгольского периода. Дело в том, что на указанных монетах Средней Азии

¹ Рашид ад-дин. Сборник летописей, III. Баку, 1957. С. 36.

² Федоров-Давыдов Г. А. Клад золотых монет XIII в. из Средней Азии. — НЭ. Т. 2. С. 118.

³ Там же. С. 129

имеется титул «каан» и, главное, отсутствует титул халифа «Эмир ал-муминин» («повелитель правоверных»). Следовательно, мы имеем дело не с именем давно умершего халифа, а скорее всего, это лакаб, т. е. мусульманское имя, данное халифом Мустасимом каану-язычнику¹. Появление позднее наряду с титулом «каан» титула «повелителя правоверных» на монетах можно объяснить или пережиточными явлениями, или тем, что они появились уже после казни халифа Мустасима².

На монетах, выпущенных в Булгаре, нет каких-либо титулов типа «каан» или «хани» (т. е. «ханская»), и на них с самого начала помещается титул халифа «повелитель правоверных». Представляется, что нет каких-либо причин, чтобы сомневаться в их датировке. Наоборот, имеется достаточно много других признаков, убеждающих в домонгольском происхождении этих монет.

На монетах Насир лид-Дина, как и на других средневековых монетах, не указывалась номинальная стоимость. Поскольку монеты чеканились из драгоценного металла, в данном случае из серебра, то стоимость монеты определялась ее весом.

Вес — важный признак монеты, и он не может быть случайным. Поэтому установление веса, вернее, определение весовой нормы чеканки, имеет решающее значение: оно позволяет сравнить норму чеканки монет Насир лид-Дина с другими хорошо датированными группами монет и внести хронологическую ясность в историю их чеканки.

Метрологические исследования показывают, что дирхемы, чеканенные от имени халифа Насир лид-Дина, отличаются по техническому приему чеканки от всех известных выпусков серебряных болгаро-татарских монет. Они по весу настолько разнообразны, что обычным графическим методом трудно восстановить весовую норму их чеканки. Монеты по весу не выдержаны. Они чеканены по определенной стопе, т. е. на определенный вес серебра выпускалось определенное количество монет, но отдельно взятые монеты не выверялись. Такой архаический способ чеканки серебряных монет в Поволжье ни в XIII, ни тем более в XIV в. не применялся. Следовательно, они не могли чеканиться в период

¹ Надпись целиком переводится следующим образом: «Каан — вождь высочайший, Защитник веры аллаха».

² Там же. С. 125.

правления Батыея не только по политическим мотивам, но и по весовым нормам. С установлением ордынской власти был налажен строгий учет. Например, монеты Батыея, выпущенные в Булгаре от имени каана Мунке, хотя и имеют некоторый диапазон колебаний веса, но в целом четко выдержаны и не имеют ничего общего с весом болгарских монет, чеканенных от имени халифа Насир лид-Дин-аллаха¹.

А что касается небрежности в чеканке серебряных монет с именем халифа Насир лид-Дина, то она объясняется тем, что чеканилась впервые после продолжительного перерыва.

Хотя своеобразие чеканки достаточно убедительно доказывает домонгольский возраст дирхемов с именем халифа Насир лид-Дина, примем во внимание и некоторые другие данные, подтверждающие эту концепцию. Так, медные монеты Насир лид-Дина обнаружены в слое XII в. в Биляре. Две из них были переданы на определение автору данных строк².

Часть медных монет с именем Насир лид-Дина перечеканена штемпелем, несущим имя и титулы каана Мунке, что является свидетельством того, что они выпущены до него (табл. XXXIII).

Чеканку от имени халифа Насир лид-Дина нельзя связывать со случайными историческими событиями. Монет, особенно медных, чеканилось много: Поволжье XIII века не знает других выпусков медных денег, которые могли бы количественно сравниться с монетами, чеканенными от имени халифа Насир лид-Дина. Их обилие позволяет предположить, что они чеканились длительное время, удовлетворяя потребности рынков домонгольских городов Поволжья и Прикамья. Их выпуск был прерван монгольским нашествием. Если бы их стали чеканить позднее, при монголах, то возникновение такой потребности в медном эквиваленте диктовало бы новые выпуски, фактически же обильный выпуск меди в Поволжье при Чингизидах и хорошо налаженное соотношение медных и серебряных монет в

¹ Мухаммадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М., 1983. С. 32, 45.

² То, что их мало в Биляре (кстати, там нет и дирхемов X в.) свидетельствует о том, что тезис о Биляре как о столице Волжской Булгарии домонгольского периода не находит подтверждения в нумизматическом материале.

денежном обращении прослеживается почти сто лет спустя, только в начале XIV в., т. е. после денежной реформы 1310 — 1311 гг.

Далее, на всех известных серебряных монетах, чеканенных в Булгаре в XIII в. при Чингизидах, помещены тамги каганов и ханов. Только монеты, чеканенные от имени Насир лид-Дина, такой тамги не имеют. Таким образом, и серебряные, и медные монеты с именем халифа Насир лид-Дина могли быть выпущены именно в домонгольский период. Перечеканка монет, выпущенных от имени халифа Насир лид-Дина, именем каана Мунке могла начаться только после восшествия последнего на престол, т. е. после 1251 г. До этого могли обращаться старые монеты, чеканенные от имени халифа Насир лид-Дина. Перечеканка меди должна была происходить одновременно с чеканкой серебряных монет от имени каана Мунке, поскольку медным монетам отводилась роль разменных денег. Перечеканка означала, что медные монеты ходили уже по другому курсу, независимо от предыдущего соотношения серебряных и медных монет, чеканенных от имени халифа Насир лид-Дина. Дирхемы, чеканенные от имени последнего, по-видимому, не имели хождения, так как не встречаются вкладах ни среди монет каана Мунке, ни среди монет хана Берке. А в известных двухкладах с монетами Насир лид-Дина (в одном из них обнаружены 104 монеты) также не было ни одной поздней монеты¹.

Надписи на обратной стороне монет Насир лид-Дина также свидетельствуют о домонгольском их происхождении. Например, на одной из типов монет имеется следующая надпись: «Динар. Деньга (мал) болгарской чеканки». Ни динар, ни слово *мал* на монетах ордынского периода не встречаются, хотя сами по себе известны и позднее. Динар, собственно, это золотая монета. Здесь же это название начертано на серебряной монете. Поскольку серебряный дирхем не может быть динаром, остается единственным предположение, что динар в данном случае — счетная единица для оценки определенного количества обращавшихся медных монет. Таким образом, налицо поштучное, характерное для безмонетного периода, полноценное обращение медных монет. Над-

¹ Лихачев А. Д. Новый болгарский клад... С. 7.

пись на дирхеме означает также, что эти серебряные монеты являются вторичными по отношению к медным монетам, что их чеканили уже позднее, почему и декларируется их значимость.

В ордынский же период медные монеты не пользовались самостоятельностью в денежном обращении. Они условно представляли собой часть серебряной монеты. Неудобно было, скажем, при мелкой торговле делить серебряную монету на кусочки, вот и предлагали медную монету. Например, на пулах хана Узбека помещалась такая надпись: «16 пулов — даник». Следовательно, цена медного пула, согласно данной регламентации, соответствовала $\frac{1}{16}$ даника (0,76 г) серебра¹.

Смысловая нагрузка динара в ордынский период совершенно другая. Термин динар в денежно-весовой системе (кроме золота или золотой монеты) — это вес определенного количества серебряных монет². Термины «динар» и «мал» на монетах XIII — XIV вв. не встречаются.

Возобновление чеканки серебряных монет свидетельствовало о преодолении серебряного кризиса. Обильное появление в обращении серебряных монет, несомненно, должно было оживить товарно-денежные отношения и содействовать экономическому развитию Поволжья.

Каким же образом болгарскому монетному двору удалось в начале XIII в. организовать регулярную чеканку серебряных монет?

Волжско-Камская Булгария к концу XII века достигает своего расцвета и, судя по количеству и размерам городов, превращается в крупное, развитое государство Восточной Европы. Еще В. В. Бартольд отмечал, что «к булгарам перешло, если не во всей европейской равнине, то в бассейне Волги, наследие хазар»³. Из многочисленных городов — средоточий не только внутренней, но и внешней торговли — в казну поступали в виде налогов и пошлин серебряные слитки-балыши, которые служили сырьевой базой для возобновления чеканки. Однако такая база, зависящая от оборота тор-

¹ Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская... С. 77.

² Федоров-Давыдов Г. А. О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарае в конце XIII в. — НЭ. М., 1961. Т. XIV. С. 86.

³ Бартольд В. В. Арабские известия о русах. — В кн.: Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. II. 1. С. 51.

говли, пусть даже внешней, не могла быть особенно прочной, поскольку серебряный кризис не миновал и соседние государства.

Массовую чеканку серебряных монет в Поволжье в начале XIII века можно объяснить экономическим усилением Булгарского государства и расширением к концу XII века его государственных границ. Топография кладов круглых серебряных слитков-бальшей свидетельствует о том, что Поволжье и Приуралье являлись центрами, в которых они не только обращались, но и изготовлялись. Следовательно, можно предположить, что богатые сырьевые ресурсы Урала играли немаловажную роль в добыче и удовлетворении спроса рынка на серебро.

В. В. Радлов приводит любопытный документ XVII в., имеющий непосредственное отношение к затронутому вопросу. В кабинете царя Алексея Михайловича сохранилась копия от «экстракта», преподнесенного в 1670 году в ответ на запрос царя: откуда татары в прежние годы брали золото и серебро? «На то в ответствие,— говорится в документе,— Далматского монастыря от старца именем Лота объявлено: что от башкирцев уведомился, в уфимском-де дистрикте за каменными горами при устьях рек Уфы, Гадея и Яика, в горах бесчисленное сокровище золотых и серебряных руд обретаются, и в прежние времена старинные сибирские татары и калмыки из тех гор золотую и серебряную руду добывали и плавил; что-де и ныне те признаки плавленных печей и копаных ям видны, и об оных рудах те башкирцы нагайской нации у престарелой женщины которая была в полону в улусе царевича Рююка одной от роду имелось более ста лет, уведомились, что в древних летах оные люди, которые в тех местах, означенную руду копали и плавил... И ежели в древних летах в тамошних местах никакой золотой и серебряной руды найдено не было, то бы оным людям и татарам такого золота и серебра получать было неоткуда и ниже, чтоб из других земель к ним привожено было от Ратайского острова, до Гадея и Яика реки расстоянием путешествия одиннадцать дней»¹.

Подтверждают предположение о добыче уральского серебра для чеканки монет следующее обстоятельство

¹ Радлов В. Сибирские древности. СПб., 1891. С. 65.

После образования улуса Кыпчак продолжалась чеканка монет в Булгаре от имени Чингизидов, но обильная чеканка серебряных и медных монет отмечается не в XIII веке, когда в руках монгольских ханов было награбленное серебро, а в XIV в.— с началом правления Узбека, при котором Западная Сибирь (орда Шайбана) была присоединена к улусу.

Таким образом, возобновление в конце XII — начале XIII вв. чеканки монет в городе Булгаре было подготовлено всем ходом социально-экономического развития Поволжья в XI—XII вв. Булгарские монеты предмонгольского периода не датированы, но имеются все основания утверждать, что они чеканились от имени халифа Насир лид-Дина в годы его правления, т. е. в 1180—1225 гг.

Каких-либо булгарских монет, выпущенных от имени следующего халифа — Мустансира (1226—1242), неизвестно. Это и понятно. Последующие годы — это время тяжелых испытаний для просуществовавшего несколько веков Булгарского государства. Хазарский город Саксин на Нижней Волге и пограничные районы Булгара на Яике испытывали давление и угрозу уничтожения со стороны Джучи и его Орды, расположенной на севере Средней Азии. Согласно Эннувейри, «он (Чингизхан) назначил ему (Джучи) летовья и зимовья от границ Каялыка и земель хорезмских до окраин Саксинских и Булгарских крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при их набегах»¹.

После смерти Джучи в 1227 г. Чингиз хан отдал владения своего сына внуку Батыю.

Батый, как и Хулагу, надо полагать, требовал от Булгара того же: подчинения и чеканки монет в Булгаре от имени каана.

С началом второго похода монголов (1236) из обращения полностью исчезли серебряные монеты. Единственное, что могли делать булгарские монетчики,— это перечеканивать медные монеты Насир лид-Дина. Действительно, имеется много медных перечеканенных булгарских монет, на которых можно различить имена халифа Насир лид-Дина и каана Мунке (1251—1257). Позже, как уже было указано, булгары снова освоили чеканку серебряных монет.

¹ Тизенгаузен В. Сборник материалов... Т. 1. С. 150.

Денежная и денежно-весовая терминология

АКЧА (деньги). В восточных районах обитания гуннов, позднее тюрков, появляются монеты китайского производства. Какое-либо влияние на денежное обращение Поволжья и Приуралья или на чеканку монет они естественно, не могли оказывать. Но на некоторых из них известны вторичные тюркские надписи, которые имеют отношение к денежной терминологии не только древнетюркского, но и хазарского и болгарского периодов.

Несмотря на то, что надписи неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, правда, не нумизматов, до сих пор их изучение не завершено. Об этом свидетельствует полемика, развернувшаяся вокруг надписей и их интерпретации. Известно несколько монет с подобными тюркскими надписями¹.

Чтение надписи на недатированной танской, предположительно относящейся к VIII в., монете было предложено А. М. Щербаком². Однако И. Г. Добродомов считает его сомнительным не только потому, что дается двоякое чтение, но и потому, что в них, по его мнению, игнорируется интервал между знаками, и предлагает, впрочем, тоже два варианта чтения³.

И. Л. Кызласов, изучивший непосредственно оригинал, справедливо отмечает, что интервал в надписи, о котором говорит И. Г. Добродомов, вызван попыткой резчика миновать угол выпуклого бортика квадратного отверстия в середине монеты, и дает свое чтение⁴. Следует добавить, что подобные единичные надписи всегда трудны для интерпретации, и это, видимо, тот случай, когда каждое чтение что-то проясняет и приносит что-то свое.

Тюркская надпись на китайской монете.

Прежде чем что-либо сказать об этой

¹ Кызласов И. Л. Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями.— НЭ. XIV, 1984. С. 34.

² Щербак А. М. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска.— Вестник древней истории. 1960. № 2.

³ Добродомов И. Г. Вторичные рунические надписи на монетах и вопросы денежного обращения у древних енисейских тюрков.— В кн.: Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, С. 94.

⁴ Кызласов И. Л. Указ. соч. С. 89.

Таблица 1. Серебряная чаша с позолотой. Прикамье.

Таблица II. Серебряная чаша с позолотой. Вятка.

Таблица III. Серебряная чаша с позолотой. Прикамье.

Таблица IV. Серебряная чаша с позолотой. Прикамье.

Таблица V. Серебряный сосуд с хорезмийской надписью. Прикамье.

Таблица VI. Серебряная чаша. Прикамье.

Таблица VII. Золотой ковш с болгарской надписью, Сибирь.

Таблица VIII. Серебряный сосуд. Дер. Менкен, Мензелинск.

Таблица IX.

Сасанидские драхмы из Тронцо-Урайского г-ща-1.

Верхний ряд — Пероз (459—484 гг.).
Нижний ряд — Кавад (488—531 гг.).

Таблица X.

Монеты из Бартымского могильника.
1 — драхма Кавлада (488—531 гг.); 2 — медная монета Сахассака (VI в.); 3 — медная монета Юстина II (565—578 гг.).

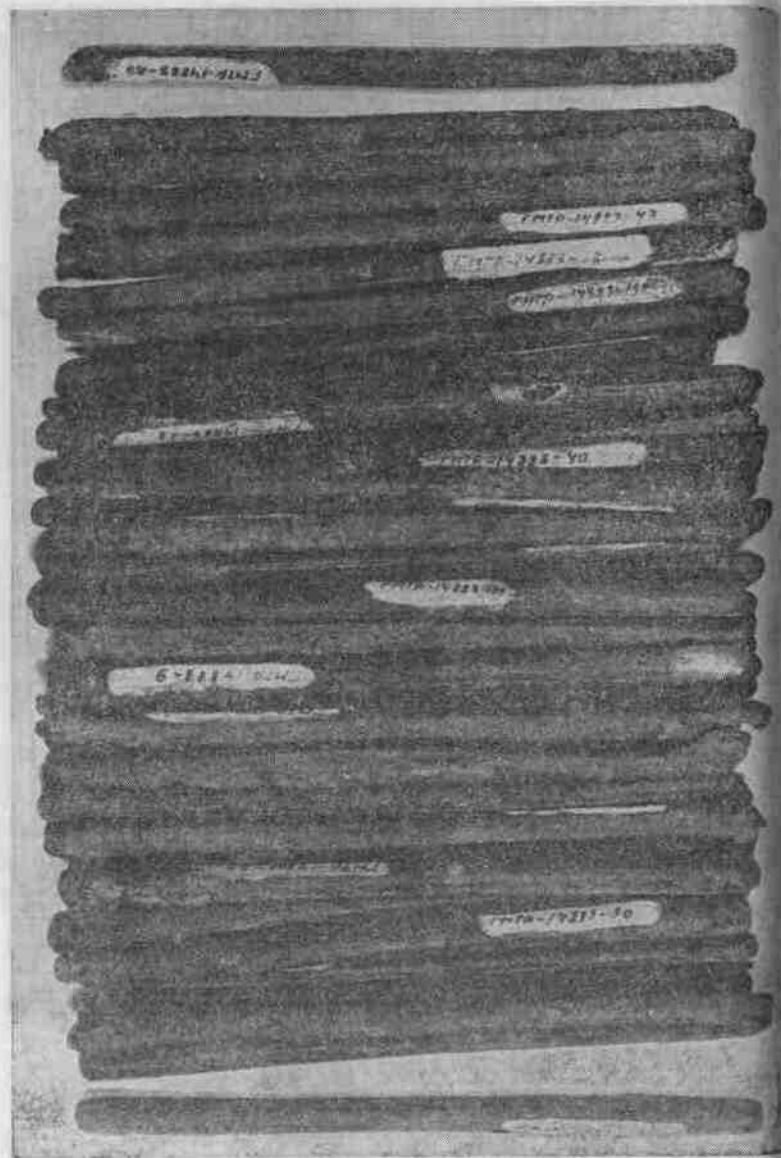

Таблица XI. Щербетский клад бронзовых слитков, VII в.

Таблица XII. Омейядский дирхем города Васита (742—743 гг.) из Больше-Тигаянского могильника (увеличено).

Таблица XIII. Хазарские дирхемы (VIII—IX вв.).

Таблица XIV. Дирхем Исманла бен Ахмеда (892—907 гг.) из Танкеевского могильника.

Таблица XV. Булгарские дирхемы X в.

Таблица XVI. Булгарские дирхемы X в.

Таблица XVII. Булгарские дирхемы IX в.

Таблица XVIII. Булгарские дирхемы X в.

Таблица XIX.

Подражания саманидским дирхемам. 1—верхний ряд—Мансур бен Нух, Бухара 357 г. х.; 2—средний ряд—Мансур бен Нух, аш-Шам 362 г. х.; 3—нижний ряд—Мансур бен Нух, Самарканд 363 г. х.

Таблица XX.

Подражания саманидским дирхемам. 1—Мансур бен Нух, Самарканд 361 г. х.; 2—Мансур бен Нух, аш-Шам 366 г. х.; 3—Нух бен Мансур, Самарканд 365 г. х.

Таблица XXI. Подражания саманидским дирхемам. 1—Мансур бен Нух, аш-Шаш 364 г. х.; 2—Мансур бен Нух, Самарканд 365 г. х.; 3—Мансур бен Нух, аш-Шаш 366 г. х.

Таблица XXII. Подражания саманидским дирхемам 1—3—Мансур бен Нух, аш-Шаш 366 г. х.

Таблица XXIII. Подражания саманидским дирхемам. 1 — Мансур бен Нух, аш-Шаш 366 г. х.; 2 — Мансур бен Нух, Самарканд 363 г. х.; 3 — Мансур бен Нух, аш-Шаш 366 г. х.

Таблица XXIV. Подражания саманидским дирхемам. 1, 2 — Мансур бен Нух, аш-Шаш 366 г. х.; 3 — Мансур бен Нух, аш-Шаш (год?).

Таблица XXV. Подражания саманидским дирхемам. 1 — Мансур бен Нух, город? 360 г. х., 2, 3 — Мансур бен Нух, аш-Шаш 365 г. х.

Таблица XXVI. Подражания саманидским дирхемам. 1 — Мансур бен Нух, город? 362 г. х.; 2 — Мансур бен Нух, аш-Шаш 365 г. х.; 3 — Мансур бен Нух, город? год?

Таблица XXVII. Подражания саманидским дирхемам. 1—Мансур бен Нух, аш-Шаш 365 г. х.; 2—Нух бен Мансур, Самарканд 366 г. х.; 3—Мансур бен Нух, аш-Шаш 366 г. х.

Таблица XXVIII. Подражания саманидским дирхемам. 1, 2—Мансур бен Нух, аш-Шаш 366 г. х.; 3—Нух бен Мансур, Самарканд 366 г. х.

Таблица XXIX. Подражание саманидскому дирхему. Халиф ал-Мути (334—363 г. х.). Нух бен Мансур, Самарканд 366 г. х. (увеличено).

Таблица XXX. Подражания саманидским дирхемам. 1 — Мансур бен Нух, Самарканд 365 г. х.; 2 — Нух бен Мансур, Самарканд 36 ? г. х.

Таблица XXXI. Подражания саманидским дирхемам. 1—Мансур бен Нух, аш-Шаиц 366 г. х.; 2—Нух бен Мансур, Бухара 357 г. х.

Таблица XXXII. Бувейхидские дирхемы. Халиф ат-Тан (974—991 гг.). 1—Абу? бен Муизз ад-Дауля (Арбузинское селище, Ульяновская обл.); 2—Муизз ад-Дауля, город? год?

Таблица XXXIII. Медные монеты Насир лад-Дина (1180—1225 гг.), перечеканенные штампом, несущим имя и титулы каана Мунке (1251—1257 гг.). Увеличено.

надписи, следует попытаться выяснить ее назначение, что позволило бы, как нам представляется, сузить рамки поисков наиболее достоверного варианта чтения. Верными представляются поиски чтения надписи А. М. Щербак-ком вокруг понятия учета денег: «Тысяча расходных денежных единиц» или «Одна расходная денежная единица», но с не совсем убедительной смысловой нагрузкой и с некоторым «выправлением» знаков (см. таблицу 5).

Из чтения И. Л. Кызласова «Пин чи. Чеканная (литая?) деньга» видно, что в данной надписи им констатируется качество или особенность монеты¹.

И. Г. Добродомов считает, что вторичные тюркские рунические надписи на монетах свидетельствуют об утрате ими функции денег и превращении в амулеты. Он читает надпись: «Тысяча сроков оберег (от глаза)» и «Тысяча чикилей (чигилей). Оберег»². Можно было бы

Таблица 5

ВАРИАНТЫ ПРОРИСОВОК НАДПИСИ НА МОНЕТЕ³

№ п/п	АВТОР	9	8	7	6a	б	5a	5	4	3	2	1	ПРИМЕЧ
1	Э. Друэн	∫	λ	π		◇		У	D	Т	У	◇	
2	О. Доннер	∫	λ	π		◇	:	У	D	Т	У	◇	
3	В.В. Радлов	∫	λ	π	(У)	◇	:	У	D	λ	У	◇	
4	А.В. Адрианов	∫	λ	π		◇	∨	∣	>	У	∨	◇	
5	Э.Г. Рыгдылон	∫	λ	π		◇		∣	D	λ	У	◇	
6	А.М. Щербак	∫	λ	π		◇			∫	λ	У	◇	1-в-нт
7	А.М. Щербак	∫	λ	π		◇			∫	λ	У	◇	2-в-нт
8	И.Г. Добродомов	∫	λ	π		◇			∫	λ	У	◇	1-в-нт
9	И.Г. Добродомов	∫	λ	π		◇		У	>	λ	У	◇	2-в-нт
10	Д.Д. Васильев	∫	λ	π		◇		У	D	У	У	◇	
11	И.Л. Кызласов	∫	λ	π		◇		Ч	>	Т	У	◇	
12	А.Г. Мухамдиев	∫	λ	π		◇		У	D	У	У	◇	

¹ Кызласов И. Л. Указ. соч. С. 89.

² Добродомов И. Г. Указ. соч. С. 95.

³ За основу взята табл. И. Л. Кызласова. Указ. соч., С. 95.

возразить автору, что многим тысячам монет-амулетов, извлеченных за все время из погребений, не характерно наличие подобных надписей. Однако сразу же следует оговориться, что автор непосредственно не изучал надписи на монете, не был знаком с оригиналом и дает произвольную трактовку знаков, прорисованных А. М. Щербаком и Д. Д. Васильевым (табл. 5, знаки 4 и 5).

Представляется, что надпись связана с денежным обращением, с особенностью китайских монет и носит необходимую для хозяина информацию, не является случайной. Учитывая то, что китайские монеты имели квадратные отверстия в середине, удобные для нанизывания, и потому при счете большого количества монет легко было ошибиться, можно предположить, что на одной из монет, скажем, на последней, расположенной около узелка, делалось указание на количество, металл (название в обиходе) или принадлежность. Поэтому, основываясь на приведенных в таблице прорисовках и ничего не меняя в них, мы предлагаем несколько иное чтение: Б¹п¹и j^oг¹т^aq^vса, т. е. «тысяча (штук). Ходячие деньги».

Употребление слова *йоры* — *ходить, обращаться*, которое является новым в нашем чтении, не противоречит древним тюркским письменным источникам, начиная с орхонских надписей¹.

Как видно из таблицы, знаки предложенного нами чтения надписи полностью совпадают не только с прорисовкой Д. Д. Васильева, который сам не читал, следовательно, вольно или невольно не «подгонял» знаков, но и с большинством прорисовок. Лишь третий знак у некоторых авторов имеет отклонение. (Это разночтение связано с особенностью данного знака. Для того, чтобы «ветки» второго и третьего знаков не соприкасались друг с другом, видимо, резчик начертил «ветку» последующего третьего знака с некоторым уклоном вниз, что вызвало разночтения целого слова).

Интересным представляется также полемика, развернувшаяся вокруг термина *акча*. И. Г. Добродомов на основе своего чтения надписи на монете делает поспешный вывод о том, что термин *акча*, как и денеж-

¹ ДТС. С. 274.

ное обращение у тюрков, появляется позднее¹. Автор не учитывает, что денежная терминология и денежное обращение не связаны друг с другом. Например, десятки тысяч монет, которыми располагали тюркские каганы и знать, предполагает несомненное наличие в тюркском языке обозначения денег, хотя последнее не служит еще доказательством существования денежного обращения, являющегося общественным процессом, связанным с развитием общественных отношений.

О происхождении термина *акча* имеются две точки зрения. Вслед за некоторыми авторами Э. В. Севортян ошибочно полагает, что *акча* «... с самого начала означает серебряную (беловатую) монету»². Но термин *акча* за редким исключением ни в каком тюркском языке не означает серебряную монету. *Акча* — это богатство, деньги или монета, независимо от того, из какого металла она чеканена. Лишь в узбекском языке известна *акча* в значении серебряной монеты.

Г. Рамстедт справедливо сводил слово *акча* к уменьшительной форме от *агы* — «сокровище» с добавлением аффикса *-ча*. Г. Дёрфер на основании того, что в древнетюркском языке термин *агы* встречается в значении «шелковая парча», отвергает этимологию Г. Рамстедта. Похоже, что именно последнее заставило Э. В. Севортяна игнорировать версию Г. Рамстедта.

Другое тюркское название денег *мал* зафиксировано на болгарских монетах и означает «скот», «добро». Подобное происхождение денежных терминов характерно для многих языков. Поэтому то, что в древнетюркский период слово *агы* означал и шелковую материю (сокровище), свидетельствует в пользу происхождения термина *акча* от слова *агы* (*ак*).

Термин *ак* в словах — *Ак тау* — название горы, где была расположена ставка тюркских каганов, или *Ак урду* — тюркское название ставки ордынских ханов XIII в., означал не «белое» а именно «высокое», «драгоценное». Не случайно арабы переводили словосочетание *Ак урду* как *Урду ал-Муаззам*, т. е. «высокая орда», а русские летописцы, как «золотую орду».

Слово *акча* в форме *акца* зафиксировано в кыпчак-

¹ Добродомов И. Г. Указ. соч., С. 96—97.

² Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. С. 121.

ском словаре Кодекс куманикус (конец XIII—нач. XIV в.).

На серебряных монетах Ивана III (XV в.) имеется надпись: «Мэскэу акчасы будыр» («Это деньга московская»).

АЛТУН, АЛТЫН (золото). В надписи в честь Куль-Тегина (VIII в.) означает золото. В словаре М. Кашгари (XI в.) зафиксировано как золото и как золотая монета.

В поэме болгарского поэта Кул Гали «Кысса-и Юсуф» (нач. XIII в.) употребляется в значении счетной единицы. Например, золотой кубок в поэме оценивается в 400 алтын.

В произведении Махмута ас-Сараи ал-Булгари «Нахдж ал-фарадис» (1358 г.) 1, 2,5 и 10 алтын — счетные единицы. В XIV веке шесть серебряных монет составляют 1 алтын¹.

АЛТЫН АКЧА в значении золотой монеты зафиксировано в поэме татарского поэта Х. Кятиба «Дастан Джим-джиме» (1370 г.).

АЛТЫН-КУМУШ (золото и серебро). В надписи в честь Куль-Тегина употребляется в значении «богатство». В таком же значении употребляется в произведениях средневековых татарских авторов.

АРПА (ячмень) — мелкая весовая единица. Эквивалент древнеперсидского даник (зерно) и арабского хабба (ячменное зерно), но отличалась меньшим весом.

БАҚЫР (медь). В древнетюркском языке означала медные монеты.

Вторичная надпись на китайской медной монете, находившейся в Минусинском музее и датированной 759 г. включает слово бакыр. Надпись была прочитана А. С. Аманжоловым².

Имеются разночтения надписи. Чтение А. С. Аманжолова следующее: Б^aдуг бⁱпⁱ бⁱкис^vг уг^yга — «Тысяча бакыров — дом для младшего сына».

И. Л. Кызласов приводит вариант чтения надписи Б^aдуг бⁱсⁱ бⁱкис^vг уг^yга — «Деньга (бакыр). Пи чи п

¹ Мухаммадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М., 1983. С. 73.

² Аманжолов А. С. Две енисейские рунические надписи УЗХНИИЯЛИ, 1974.— XIX. С. 138.

Малый чекан»¹. Чтение И. Л. Кызласова представляется несколько усложненным в характеристике монеты.

Мы придерживаемся прорисовки А. С. Аманжолова, но полагаем, что при правильной прорисовке знаков, при наличии четких разделительных знаков на 4 слова была ли необходимость разбивки третьего слова на два самостоятельных. Можно допустить, что цель надписи та же, что на монете 1 — учет денег.

Мы предлагаем разбивку слов согласно разделительным знакам надписи и придерживаемся такого чтения:

Б^aдуг бⁱпⁱ бⁱкис^vг уг^yга. Перевод: «Медные. Тысяча из них сыну Бекича»².

ДАНИК, ДАНГА. Денежно-весовая единица в Поволжье — $\frac{1}{6}$ мискаля. Как термин встречается на медных (сарайских и болгарских) монетах — пулах. Например, на пулах Узбека (1312—1342) читаем: «Уналты пул — даник (или «данга») — «Шестнадцать пулов — даник». Два даника по 0,76 г составляли серебряный дирхем Узбека весом 1,52 г.

Начиная с Дмитрия Донского (1362—1389) чеканились московские *деньги*, на одной стороне которых помещалось имя хана Токтамыша. В XVI в. 2 деньги равнялись 1 копейке.

ДИНАР. Происходит от латинского *денариус* — десятирик. Это были в основном серебряные монеты. С конца VII в. появляются золотые монеты — динары арабских халифов весом 4,25 г. В Поволжье золотые монеты не чеканились. Слово «динар» как счетная единица для определенного количества медных монет зафиксировано на серебряных болгарских монетах предмонгольского периода. В поэме Кул Гали «Кысса-и Юсуф» динар употребляется как синоним счетной единицы алтына. Из чего следует, что динар предмонгольского периода в Поволжье означал счетную единицу.

В XIV в. в Поволжье динар — счетная и весовая единица для определенного количества серебряных монет. Шесть ярмаков (дирхемов) соответствовали динару. Аль-Макризи сообщает что «Узбек позвал к себе купцов, взял у них взаймы 30 000 динаров — в торговле их каждый динар соответствует 6 дирхемам»³. Вес

¹ Кызласов И. Л. Указ. соч. С. 92.

² Бекич — букв. «принц», имя собственное.

³ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. С. 438.

динара зависел от весовой нормы чеканки дирхемов. Например, в Хорезме чеканились более тяжеловесные дирхемы, и, следовательно, динар был более тяжелым, чем в Поволжье.

ДИРХЕМ. Происходит от греческого *драхма* — пучок. С образованием Арабского халифата — серебряная монета и весовая единица.

В Поволжье дирхемы чеканились в г. Итиле, Булгаре, Суваре. В Восточной Европе встречаются многочисленные подражания куфическим дирхемам, чеканенные в городах Поволжья. Их называют куфическими по особому стилю почерка надписей, возникшему в городе ал-Куфе в конце VII в.

Города Поволжья служили как бы воротами, через которые куфические дирхемы вместе с хазарскими и болгарскими торговцами в большом количестве попадали в Восточную и Северную Европу. Куфические дирхемы обращались с VII по нач. XI в., т. е. до начала безмонетного периода.

В ордынский период дирхемы в Поволжье чеканились в Булгаре, Гюлистане, Сарае ал-Джаид, Сарае ал-Махруса и в некоторых других городах. Обращались в основном в тех районах, где еще в домонгольский период имелись достаточно развитые товарно-денежные отношения. После распада Золотой Орды чеканились в основном в Казани и Астрахани.

Во второй половине XIV в. в Поволжье весовой дирхем составлял 1/100 ритла. На некоторых пулах второй половины XIV в. имеется надчеканка — надпись: «96 — дирхем». Согласно надписи, 96 медных монет соответствовали 1 весовому дирхему¹.

КАДАК — весовая единица, фунт. Вес *кадака* зависел от веса составляющих его 100 мискалей. В XIV в. вес трех серебряных монет (6 даников) составлял мискаль. Известны гири в один кадак².

КЫЗЫЛ АЛТЫН — золото. Часто употребляется в «Кысса-и Юсуф» Кул Гали *Кызыл алтын ат* — «конь из золота», *кызыл алтын кадах* — «чаша из золота», *кызыл алтын блэзек* — «браслет из золота» и т. д.

¹ Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская... С. 113—114.

² Там же. С. 71.

КИРАТ. Происходит от греческого *кератион* — семя рожкового дерева. В Поволжье *кират*, как в Египте и Сирии, составлял 1/24 мискаля. Следовательно, вес кирата зависел от размера употребляемого в денежно-весовой системе мискаля.

КУМУШ. В древнетюркском языке и в болгаро-татарской литературе кроме серебра обозначал серебряную монету.

МАЛ. В древнетюркском языке — имущество, достояние. Слово *мал* имеется на болгарских монетах предмонгольского периода, которое можно перевести как «деньга».

МАЛ-ТУАР (древнетюрк. тавар) — богатство, имущество, все состояние.

МАНИТ, МАНАТ. Как и в некоторых других тюркских языках, в языке астраханских татар означает монету, деньги.

МОНЕТА — название первого Римского монетного двора при храме богини Юноны. Монеты в Древнем Риме. Деньги, выпущенные на этом Монетном дворе, стали называться монетами.

МИСКАЛЬ (МИСКАЛЬ). С образованием халифата в VII в. — арабская весовая единица. В Поволжье в XIV в. мискаль — вес 3-х монет — дирхемов (6 даников). Вес 100 мискалей составлял кадак, т. е. фунт.

НУКРАТ МИСКАЛЬ — серебряный мискаль. Применялся для взвешивания немонетного серебра. На серебряном блюде XIV в., обнаруженном в Сарае ал-Джаид, имеется надпись такого содержания: «Пять сомов суть двадцать с половиной нукрат мискалей»¹.

ПУЛ, ПУЛУ. Происходит от латинского *фоллис* — «кошелек», «мешочек». В Древнем Риме запечатанный мешочек с различным, позднее постоянным количеством мелких монет назывался фоллис. Пул — название медных монет, чеканенных во многих городах Поволжья в XIII—XIV вв. На болгарских медных монетах встречается в форме *пулу*. На медных монетах Узбека (1312—1342 гг.) имеется их регламентация: «Уналты пул — даник» («Шестнадцать пулов — даник»). Поскольку 2 даника составляли 1 серебряную монету — дирхем, то 32 пула соответствовали 1 дирхему.

¹ Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская... С. 84.

Медные монеты с надписью «пуло» чеканились в XV в. в Москве, Твери и в некоторых других русских городах.

Р И Б А — взимаемый процент от ссужаемых денег. Встречается в татарской литературе, например, в поэме Х. Кятиба «Дастан Джим-джиме» (1370 г.).

Р И Т Л — греческая литра, древняя сицилийская весовая единица — фунт. Византийская литра — основная единица веса (327,45 г). Из литры золота чеканилось 72 золотых солида. Весовой солид (4,55 г) составлял 1/72 золотой литры.

Хазары в VII в. еще до арабов начали осваивать чеканку подражаний византийским солидам и хорошо были знакомы с византийской денежно-весовой системой. Видимо, эти традиции не были утеряны и в последующие периоды. Основанием для такого предположения служат весовые нормы чеканки монет XIII—XIV вв. Особенно точными по весу являются дирхемы XIV в. Вес 3-х дирхемов составлял 1 мискаль. Судя по весу выпущенных в разные периоды монет, *ритла* в 327,45 г (327,6 г) делился на разные доли — мискали и дирхемы:

мискаль в 4,68 г=1/70 ритла	
—«— 4,56 г= 1/72 —«—	
—«— 4,43 г=1/74 —«—	
—«— 4,095 г=1/80 —«—	
дирхем (весовой) 3,27 г=1/100 ритла	

Подобный весовой дирхем в 3,27 г являлся характерным для второй пол. XIV в.

С А Т Ы Р. Происхождение связано с греко-римско-византийским *статером*. В древнетюркском языке — мера веса и денежная единица.

С О Н, С О М — слиток золота, серебра, бронзы и счетная единица. В значении слитка зафиксировано в словаре М. Кашгари (XI в.). В Поволжье известны клады бронзовых (VII—X вв.) и многочисленных серебряных слитков-*балышей* (XI—XII вв.) и *сомов* (XIII—XIV вв.).

На ладьеобразных слитках серебра из Госмузея ТАССР (инв. 8214—8224) имеются вторичные насечки, означающие, видимо, вес. Веса имеющихся 11 слитков-сомов — 192,5—206,1 г. На них хорошо видно от 4 до 8 насечек. Лишь на одном слитке нет насечек, но на нем поставлено восьмилучевое клеймо. Вес сома —

206,1 г, что соответствует 8 весовым франциям по 25,56 г, составляющим 1/16 фунта (409,5 : 16 = 25,56 г). На двух сомах имеются по 7,5 насечек (7 прямых, одна косая). Флорентийский купец Франческо Пеголотти в своих записях употребляет подобную весовую фракцию — унцию. По его подсчетам вес сома (соммо) серебра Азака (Таны) составлял 7,5 унции Перы¹.

В XIV в. *сом*, кроме слитка серебра, употреблялся в значении определенного количества (120) серебряных монет. Весовое значение сома серебряных монет зависело от весовой нормы чеканки последних. Персидский автор Вассаф сообщает, что в 30-х годах XIV в. слиток сом (саум) стоил 6 динаров, т. е. 120 монет. Соммо Пеголотти и саум Вассафа — это татарский сом.

Т А Н Ь К А — монета, деньги. Происхождение, видимо, связано с *даником* или *дангой*. Оглушение гласных свидетельствует о древности этого слова.

Т А Л И Р Т А Н Ь К А. Западно-европейские, в основном, немецкие крупные серебряные монеты XVI—XIX вв. Название связано с местностью Иоахимстале (Чехия), где были расположены рудники по добыче серебра. С 20-х гг. XVI в. за монетами, чеканенными из этого серебра, закрепилось название «иоахимсталер», или просто «талер». В России они назывались «ефимками» от первой половины слова. Татары их называли *талир танька*. От слова талер произошло также слово «доллар».

ТИН, ТИЕН — копейка, мелочь, монета. Предположение, что слово произошло от названия белки (*тиен*) сомнительно. Дело в том, что это слово в значении «копейка» может произноситься кратко: *тин*, а в значении «белка» — нет, видимо, потому, что происходит от более длинного древнетюркского *тейинг* — белка. Полагаю, что *тин*, *тиен* в значении копейки, монеты произошло от древнетюркского слова *tögün* — клеймо, узел.

Т О М А Н. Означал 10 000 (динаров, дирхемов) и применялся при крупных расчетах. Эннувейри (1279—1333), описывая женитьбу Узбека, сообщает следующее: «Но когда послы приехали, то они назначили непомерное приданое, потребовав сто томанов золота, а

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. — СА. 1958. № 3. С. 66.

томан равняется 10 000 динарам, так что это составляет 1 000 000 динаров...»¹.

Х А Б Б А — 1/96 мискаля, т. е. медная монета, пул. Происходит от арабского «ячменное зерно». Встречается в средневековой татарской литературе, например, в «Нахдж ал-фарadis» Махмута ас-Сараи ал-Булгари.

Я Р М А К, Я Р Т М А К — деньги, монета. Зафиксировано в словаре М. Кашгари (XI в.). Встречается в «Кысса-и Юсуф» Кул Гали и в средневековой татарской литературе.

Центры чеканки монет (VIII—XII вв.)

А Р З А Л-Х А З А Р. Хазарское государство наряду с Ираном и Византией являлось одним из крупных мировых держав раннего средневековья. В VIII в. после ряда столкновений хазар с молодым арабским халифатом и официального принятия каганом хазар в 737 г. ислама, столица каганата переносится в Нижнее Поволжье, где появляется и бурно расцветает город Итил. В стольном городе Итиле осваивается чеканка подражаний куфическим дирхемам, а впоследствии — и собственная чеканка. Более половины всех обнаруженных в Восточной Европе «восточных монет» чеканены в городах Поволжья, а остальные прошли через рынки этих же городов.

Полагают, что монеты с обозначением места чеканки «Арз ал-Хазар» чеканились в городе Итиле, резиденции кагана и административном центре Хазарского государства в VIII—X веках². Наиболее ранние хазарские монеты — подражания золотым византийским монетам относятся к VII в., но впоследствии, с победой ислама появляются подражания арабским куфическим дирхемам, которые относятся к 762—763 гг. Более интенсивная чеканка в Арз ал-Хазаре происходила в начале IX века.

Чеканка монет-подражаний арабским дирхемам возникла, видимо, в результате складывания и развития

феодалных отношений у хазар и распространения мусульманства. Хотя и медленно, но отмечается дальнейшее распространение ислама в Поволжье и дальнейшее развитие товарно-денежных отношений. Ал-Истахри, описывая Итил, сообщает, что «у них есть базары и бани, а в восточной половине (находится) большинство торговцев мусульман и торговых мест». Ибн Фадлан, посетивший Булгар в 922 г., также отмечает наличие мусульман в Итиле, которые имели самоуправление и во главе которых стоял мусульманин — приближенный царя.

Последние монеты в Арз ал-Хазаре чеканились в 837—838 г. и, возможно, прекращение чеканки было связано с принятием хазарским каганом иудаизма, что вызвало междоусобную войну в Хазарии. Например, болгарский историк Ибн Нугман, о котором пишет ал-Гарнати в своем сочинении, сообщал о таких столкновениях болгар и хазар на религиозной почве¹.

Дальнейшая чеканка куфических монет производилась в Булгаре. Месторасположение города Итиля до сих пор неизвестно. Согласно предположению некоторых исследователей, развалины города Итиля, возможно, находятся под волнами Каспийского моря².

А. А. Быков, исследуя хазарские монеты, как-то заметил, что «хазарская столица, расположенная у самого начала транзитного торгового пути с Востока и поблизости от переволока на Дон, была очень подходящим для этого местом как крупный торговый город. Никаких археологических подтверждений этой догадки, однако, нет, и на них едва ли можно рассчитывать».

Историкам, действительно, необычайно мало известно о хазарских древностях из Нижнего Поволжья, где был расположен стольный город Итил и, возможно, другие города. Это не только следствие их «исчезновения». Основные причины, видимо, нужно искать в том, что многочисленные городища Нижнего и Среднего Поволжья пока фактически слабо изучены. При археологических раскопках Водянского городища в районе переволока впервые на Волге обнаружено довольно сильное влияние хазарской культуры.

Водянское городище отождествляется со средневе-

¹ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов... С. 167.

² Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. В кн.: Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. Т. III. С. 68.

¹ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. М., 1971. — С. 31.

² Плетнева С. А. Хазары. М., 1976. С. 73.

ковым городом Поволжья Белджаменом. Арабские писатели, например, Абульфеда, этот город называли Белджаменом, историки Тимура — Балчимкином, а венецианские авторы — Берчиманом. На карте венецианцев Франциска и Доминика Пицигани 1367 г. город в форме «Берчиман базар» помещен на берегу Дона, а в карте Каталонского атласа 1375 г. — на правом берегу Волги в районе Водянского городища. Возможно, на берегах обеих рек существовали поселения под названием Берчиман и Берчиман базар, поскольку это район наибольшего сближения Волги с Доном, где издревле проходили крупные торговые пути. В 1389 г. митрополит Пимен и его спутники миновали в этом районе «Перевоз»¹.

В середине XVIII в. здесь был учрежден войсковой городок Дубовка. Удобное положение этого города, расположенного в начале волока содействовало его быстрому развитию, превращению в складочное место, где обменивались товарами.

Название древнего города встречается на редких монетах XIV в., обнаруженных на Водянском городище, в форме Барджин. Обращает на себя внимание несоответствие обозначений Барджина, Белджамена и Берчимана, зафиксированное также, как было отмечено выше, в средневековых источниках. Возможно, это объясняется неправильным толкованием обозначения места чеканки на монетах.

Дело в том, что на надписях монет обычно не имеют диакритические точки. Следовательно, ту же надпись можно читать и как Барджин, и как Берчанен. Учитывая закономерности перехода согласных «м» и «н» (Белджамен — Берчанен), последнее, как нам представляется, соответствует правильному обозначению названия города. Автору в 1970 г. пришлось в Водянском городище раскопать двухкамерный дом с элементами хазарской архитектуры. Особенно характерными являются погребения. Они, как и хазарские погребения Подонья (второй вариант), обложены и перекрыты обожженными кирпичами. Подобных погребений ни в городищах Нижнего Поволжья, ни в городищах Волжской Булгарии автору проследить не приходилось.

¹ ПСРЛ. — Т. XI. С. 97.

В этом смысле интересным является толкование самого названия города. Одним из известных городов хазар был город Варачан. Однако арабские авторы, в том числе Ибн Хордадбех, давая идентичные списки 10 хазарских городов, не упоминают Варачан, расположенный, видимо, подальше от арабского мира, т. е. севернее. Как видно по письму царя хазар, свою кочевку каждый год весной он начинал от *В-р-шан*.

Берчанен, древнее название Водянского городища, легко трактуется по древнетюркски как *Берчан-ан*, т. е. «Берчан град».

Дальнейшие исследования Водянского городища, возможно, помогут более убедительно говорить о хазарской столице.

БУЛГАР. После закономерного распада Хазарского каганата, как и других раннефеодальных государств, в Поволжье довольно большого расцвета достигают города волжских булгар. Монеты выпускались в двух известных городах — в Булгаре и Суваре.

Наличие суварских монет не может служить подтверждением мнения некоторых исследователей относительно феодальной войны между Булгаром и Суваром¹. Монеты Суvara действительно свидетельствуют в какой то мере о суверенности его правителя. Но таким же суверенным является и эмир булгар в ранний период чеканки монет: он выпускал монету в г. Булгаре от своего имени, но в то же время платил дань хазарскому кагану, у которого в заложниках находился его сын.

Булгары и сувары в результате трехсотлетнего пребывания в составе Хазарского государства унаследовали единую культуру и язык, тюркскую руническую письменность². Некоторое обособление Суvara могло произойти на религиозной почве, и, возможно, сувары представляли собой как бы оплот ортодоксального ислама, существовавшего в Поволжье с добулгарского времени. Ибн Фадлан рассказывает о столкновении эмира булгар с племенем сувар. Сувары, одно из активных племен времен арабо-хазарских войн, могли при-

¹ Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Булгарии X в. В кн.: Куйбышевская археологическая экспедиция. М., 1962. — Т. IV. С. 194.

² Плетнева С. А. Хазары. М., 1976. С. 46.

нять ислам в 737 г., т. е. в год официального принятия ислама в каганате и продолжать исповедовать ислам времени омейядов. Эмир булгар Джафар ибн Абдуллах, о котором рассказывает Ибн Фадлан, стремился налаживать добрые отношения с арабским халифатом и распространить реформированный ислам времени аббасидов.

Почти в течение всего X в. в Булгаре чеканились монеты. Но вкладах в процентном отношении обычно большинство составляют монеты-подражания, происхождение которых не всегда предельно ясно, т. к. монеты-подражания куфическим дирхемам выпускались и хазарами, тем более, что каган после принятия иудаизма по религиозным мотивам не имел право чеканить монету от своего имени.

К началу X в. город Булгар в экономическом отношении уже набирает силу. Развитие внутренней и внешней торговли породило потребность в собственном монетном чекане. Таким образом, появление булгарской чеканки связано с дальнейшим развитием феодальных отношений в Поволжье.

Первые датированные монеты относятся к 903—908 гг. и чеканены от имени булгарского эмира Джафара ибн Абдуллаха. Известны булгарские монеты, чеканенные от имени нескольких эмиров, живших в X в.

Чеканка монет раннего периода в городе Булгаре прекращается в 986—987 гг., что было связано с наступлением так называемого серебряного кризиса, явившегося, как полагают, результатом истощения серебряных рудников в странах Востока.

Начавший работать в конце XII века монетный двор Булгара был разрушен во время второго похода монголов. Он был восстановлен вскоре после монгольского нашествия и стал действовать уже в 50-х годах XIII в.

Гибель города исследователи связывают с захватом его Булат-Тимуром из Берчанена в 1361 г. Однако бесспорные нумизматические данные позволяют внести существенные поправки и уточнения. С. А. Янина указала на обнаруженные во время раскопок монеты, свидетельствующие о нормальном функционировании жизни в городе и после указанного года¹. Действительно, в центральных районах города обнаружено довольно

¹ Янина С. А. Общий обзор... С. 153.

большое количество монет, относящихся ко времени правления в Булгаре Булат-Тимура (1361—1367 гг.). Правда, по сравнению с монетами 1311—1361 гг. (440 экз.) их не так уж много — всего 24, но С. А. Янина совершенно справедливо указывает, что подобный упадок торговой деятельности в данный период междоусобиц наблюдается и в других городах Поволжья. Она отмечает: «Трудно предположить, что уничтожение большого города было произведено по воле хана...», политические интересы которого были связаны с Булгаром¹.

С конца правления Булат-Тимура почти до конца XIV в. (1367—1395 гг.), как показывают раскопки центральной части города, монеты практически исчезают (всего 3 экз.). Торговая жизнь теплится лишь в Ага-Базаре — торговой пристани Булгара, расположенной в 6 км от города на берегу Волги.

Таким образом, гибель города произошла не в начале, а в конце правления Булат-Тимура и, видимо, связана с его поражением от войск нижегородского князя и казни его самого в 1367 г. ордынским ханом Азиз-Шейхом.

Однако нижегородские войска не разгромили город — об этом сообщили бы русские летописи. Город вымер, видимо, не вдруг, а в результате ряда погромов. В этот бурный период междоусобиц он подвергался опустошениям не только со стороны кочевых орд, но и многочисленных отрядов ушкуйников из новгородских и нижегородских земель. И в 1367 г. если не нижегородские войска, то отряды Азиз-Шейха, казнившего Булат-Тимура, наверняка, громили беззащитный город, а ушкуйники повторили свой поход в 1369 г.²

Судя по монетному материалу, к 1370 году торговая деятельность города Булгара — и этому не противоречат приведенные факты письменных источников — потухла.

Следующим правителем Булгара был Хасан. Видимо, именно он перенес столицу булгарских земель в Новый Булгар, т. е. в Казань. Если бы было иначе, если бы он застал древний Булгар неразграбленным, неразрушенным, то, несомненно, как и Булат-Тимур,

¹ Янина С. А. Указ. соч. С. 154.

² ПСРЛ.— Т. XI. С. 6.

свое правление в Булгаре начал бы с выпуска собственных монет со своим именем.

СУВАР. Одним из крупных центров Поволжья в раннем средневековье, судя по монетам, являлся город Сувар. Известны монеты, чеканенные в Суваре от имени Талиба ибн Ахмеда в 948 — 952 гг.

В исторической литературе спорным являлся вопрос о местонахождении города Суvara. Некоторые историки полагали, что он находился на месте крупного Симбирского городища, расположенного в нескольких километрах ниже современного города. Высказывались и другие предположения. Однако Ахмаровым Г. Н. было установлено, что городище, расположенное сравнительно недалеко от Булгара, до сих пор местными жителями называется Суваром.

На месте древнего Суvara производились небольшие раскопки, где обнаружены остатки богатого кирпичного дворца, датируемого X в.¹

По-видимому, соперничество между Булгаром и Суваром привело к потере политической самостоятельности Суваром в 976 г., о чем свидетельствуют монеты болгарского эмира Мумина ибн Ахмеда, выпущенные в том году в Суваре. После монет Мумина какие-либо монеты Суvara неизвестны.

Окончательный упадок Суvara и его запустение, как и других городов Поволжья, связан с походом Тамерлана в конце XIV в., когда в районах разрушенных им городов по его наущению стали хозяйничать кочевые феодалы.

¹ Смирнов А. П. Волжские болгары. М., 1951, С. 230.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные результаты исследования денежного обращения Поволжья и Приуралья VI—XII веков, предпринятого в данной книге, сводятся к следующему:

1. Денежное обращение Поволжья и Приуралья имеет многовековую историю. Появление металлического денежного обращения Поволжья и Приуралья относится к VI—VII вв. н. э. и связано с активностью кочевников. Каждую весну они со своими стадами поднимались на прибрежные луга средней полосы, где находились специальные летовки — места не только для сбора во время религиозных празднеств, но и для обмена и торговли. Первобытные лесные племена довольно рано включились в товарно-денежные отношения с кочевым миром, а через него с развитыми странами Востока. Первыми металлическими деньгами являлись различные художественно выполненные сосуды из драгоценных металлов и монеты иранского, хорезмийского и византийского происхождения.

2. Основная масса сасанидских монет, обнаруженных в Поволжье и Приуралье, датируется V—VIII вв. Найденные в этом районе наиболее ранние хорезмийские монеты датируются VI в. Но в отличие от сасанидских, хорезмийские монеты свидетельствуют о более или менее непосредственных контактах с Хорезмом — Кангюем китайских или Тураном иранских источников. Появление хорезмийских монет второго периода (VI в.) совпадает с усилением и расцветом Тюркского каганата, правители которого вели борьбу за установление и контроль над торговыми путями.

3. В Поволжье и Приуралье встречаются довольно ранние византийские монеты. Но основная их масса относится к VII в., т. е. к периоду расцвета обмена и торговли в Хазарии. С ростом городов и с развитием товарно-денежных отношений спрос на монеты как на

средства обращения становится постоянным, и с целью удовлетворить такой спрос начинается собственная хазарская чеканка. Самыми ранними монетами хазарской чеканки являются золотые монеты — подражания солидам Ираклия (613—616 гг.) и Ираклия Константина (613—641 гг.).

4. Монетное дело в Хазарии развивалось в сложной политической обстановке. Появившиеся в VII веке хазарские подражания не привели к выпуску собственных монет византийского типа. Этому помешали как внутренние, так и внешние события, связанные с усилением позиций мусульманских купцов в Хазарии и арабо-хазарскими войнами, завершившимися в 737 г. принятием каганом мусульманской религии. В такой обстановке от выпуска подражаний византийским монетам перешли к чеканке куфических дирхемов, прочно завоевавших авторитет в торговле всей Восточной Европы. Эта политическая переориентация имела далеко идущие последствия. Резиденция кагана и административный центр каганата с Северного Кавказа переместились в Нижнее Поволжье. В городах Волжского побережья проживало много мусульман-ремесленников и торговцев, здесь скрещивались пути торговых людей, идущих как из Китая и Средней Азии, так и из славянских земель, из стран Запада и Малой Азии.

5. Хазарские монетчики фактически создали совершенно новые типы монет, по внешнему виду мало чем отличающиеся от обычных арабских дирхемов, хотя при внимательном рассмотрении лицевые и обратные стороны их несут совершенно невозможные сочетания названий мест чеканки и дат.

Несмотря на то, что время появления хазарских подражаний совпадает с началом правления аббасидов, хазарские монетчики стремились подражать более древним омейядским монетам и не помещали на монетах имя правящего халифа. На некоторых типах таких монет встречается тамга хазарского кагана в виде ветки.

6. Позднее появляются монеты с указанием Хазарского монетного двора Арз-ал-Хазар. Хазарские монеты этого периода отличаются от халифатских тем, что в оформлении монет хазары следовали традициям омейядов. Упорство хазар в выпуске монет с арханчным почерком религиозных рукописей времен омейядов, когда был официально принят ортодоксальный ислам в

Поволжье, объясняется усилением разногласий между Хазарским каганатом и Арабским халифатом. Обострение взаимоотношений хазар с аббасидами в конце VIII — начале IX в. привело не только к принятию каганом хазар иудейской религии, но стало причиной пресечения прямых торговых путей. Это был переломный момент, когда монеты начинают поступать в Восточную Европу не через традиционные торговые пути — через Тимер Капуг (Железные ворота), а через Среднюю Азию, государство саманидов.

7. Основными центрами не только денежного обращения, но и интенсивной чеканки «восточных» монет, т. е. дирхемов-подражаний, явились города Поволжья VIII—X вв. Подражания составляют основную массу кладов Поволжья X в. В кладах Восточной Европы они составляют половину, т. е. стоят на втором месте после саманидских монет. Эти массовые подражания монетам саманидов в X в. выпущены в основном в городах Булгаре и Суваре. Наиболее ранними являются монеты, чеканенные, по-видимому, от имени Абдуллаха бен Тегина и выпущенные где-то в конце IX в. Известны монеты, выпущенные от имени десяти правителей волжских булгар. Последними являются монеты Мумина бен ал-Хасана, чеканенные в Булгаре в 366 г. х. от имени халифа ал-Мути (946—974 гг.).

8. Денежное дело Поволжья и Приуралья имеет многовековую историю. В употреблении весовых норм чеканки и в оформлении монет присутствуют закономерности, свидетельствующие об определенных традициях. Возможно, существовали какие-то руководства для монетчиков, не дошедшие до нас.

Древнейшей из денежно-весовых систем Поволжья является известная с VI в. система драхмы в 4,26 г, из расчета которой отливались бронзовые слитки VI—X вв. Данная драхма восходит к весовому стандарту — фунту в 409,5 г, являясь его 1/96 частью. Но фунт в виде 1/100 в 4,095 г тесно связан с ритлом (литрой) в 327,6 г, 80-й частью которого является ($327,6 : 80 = 4,095\text{г}$). Видимо, из расчета византийской литры в 327,6 г чеканились хазарские монеты VIII—IX вв. весом около 3,4 г, составляющие 1/96 часть ритла ($327,6 : 96 = 3,41\text{ г}$).

Если учесть, что хазары еще в VII в. начали осваивать чеканку подражаний византийским монетам, то можно предположить, что и весовая система сложилась

под влиянием византийской. Эти традиции не были утрачены и в последующие века, тем более, что арабская денежно-весовая система развивалась также не без влияния римско-византийской системы.

9. В конце XII — начале XIII в., после так называемого безмонетного периода, продолжавшегося в течение XI—XII вв., в Булгаре начинается самостоятельный чекан собственной монеты. Для денежного обращения Поволжья характерна теснейшая связь внутреннего обмена с внешней торговлей. Поэтому болгарские монеты предмонгольского периода резко не отличаются, как по весу, так и по типам, от восточных монет данного периода. Они, как в Хорезме или Азербайджане, чеканились здесь от имени халифа Насир-лид-Дина (1180—1225 гг.).

ЛИТЕРАТУРА

- Архив Маркса и Энгельса, 1946.— Т. VIII.
Маркс К. К критике политической экономии.— Маркс К., Энгельс Ф.— Соч.— 2-е изд.— Т. 13.
Маркс К. Капитал.— Т. 1.— Маркс К., Энгельс Ф.— Соч.— 2-е изд.— Т. 23.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч.— Т. 3.
Абилов Ш. Ш. О новонайденных списках памятника XIV века «Нахдж ал-Фарadis» // СТ.— 1977.— № 2.
Абул-Гази. Родословное древо тюрков. Перевод Г. С. Саблукова.— ИОАИЭ.— Казань, 1906.— Т. XXI.— Вып. 5/6.
Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму // Известия Крымского пед. ин-та.— Симферополь, 1927.— Вып. 1.
Аммиан Марцелин. История. Пер. Ю. Кулаковского.— Киев, 1908.
Артамонов М. И. Очерки древней истории хазар.— Л., 1936.
Артамонов М. И. История хазар.— Л., 1962.
Бадер О. Н., Смирнов А. П. «Серебро закавказское» первых веков нашей эры.— М., 1954.
Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана.— Л., 1927.
Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве».— М., 1985.
Бируни Абурейхан. Избранные произведения.— Т. I. («Памятники минувших поколений»).— Ташкент, 1957.
Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.— М.— Л., 1950.— Т. I;— Т. II; 1953.— Т. III.
Быков А. О хазарском чекане VIII—IX вв.— ТГЭ.— Т. XII.— Л., 1971.
Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-восточной и Центральной Европы.— М., 1974.— Т. III.
Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма.— М., 1977.
Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг.— В кн.: Поволжье в средние века.— М., 1970.
Валеев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья.— Йошкар-Ола, 1975.
Валеев Р. М. О болгарской товарно-денежной системе X в.— В кн.: Из истории материальной культуры татарского народа.— Казань, 1984.

Валеев Р. М. Торговый инструментарий Билярского городища.— В кн.: Культура Биляра.— М., 1986.

Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея.— Л., 1983.

Гаджиева Н. З. Задачи и методы тюркской ареальной лингвистики // Вопросы языкознания.— 1975.— № 1.

«Восточное серебро». Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной в пределах Российской империи.— СПб., 1909.

Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге.— М., 1964.

Генинг В. Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа.— Тр. Казанского филиала Академии наук СССР.— Казань, 1959.

Генинг В. Ф. Тураевский могильник V в. н. э.— В кн.: Из археологии Волго-Камья.— Казань, 1976.

Городище Топрак-кала // ТХАЭЭ.— Т. XII.— М., 1981.

Губайдуллин Г. С. О некоторых редких и неизданных монетах волжских болгар X в. из нумизматических коллекций Центрального музея ТАСССР.— В кн.: Материалы Центрального музея ТАСССР.— Казань, 1927.— Вып. 1.

Гукасян В. Л. Тюркизмы в албанских источниках // СТ.— 1977.— № 2.

Давидович Е. А. Термезский клад медных посеребренных дирхемов 617 (1220 г.) г. х. // Э. В.— 1953.— Т. VIII.

Давидович Е. А. Новый среднеазиатский монетный двор Мухаммеда Хорезмшаха (1200—1220) // СА.— 1968.— № 1.

Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана.— М., 1979.

Давидович Е. А. Золото в денежном хозяйстве Средней Азии IX—XVIII вв.— В кн.: Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме.— М., 1980.

Даркевич В. П. Ковш из Хазарии и тюркский героический эпос. // КСИА, 1974.

Даркевич В. П. Художественный медалл Востока VIII—XIII вв.— М., 1976.

Джованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны.— М., 1957.

Добродомов И. Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник.— М., 1978.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.— М., 1985.

Ермолаев И. П. Казанский край во второй половине XVI—XVII вв.— Казань, 1980.

Жиромский Б. Б. Некоторые нумизматические данные по истории Волжской Болгарии // МИА.— М.— Л., 1962.— № III.

Закиев М. З. Образование языка татарского народа.— Казань, 1977.

Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.).— М., 1966.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе.— М., 1967.— II.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран.— Баку, 1986.

Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков.— Пг., 1921.

История агван Моисея Каганкатваца, писателя X в. Пер. К. Патканьяна.— СПб., 1861.

История Татарии в материалах и документах.— М., 1937.

Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии.— М., 1978.

Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. // Труды КФАН, 1954.

Канивец В. И. Среднеазиатские и германские монеты на Северном Урале.— Сб.: Материалы по археологии европейского Северо-Востока.— Вып. I.— Сыктывкар, 1962.

Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX в. и X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане.— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.— Тифлис, 1908.

Клейн Л. С. Генераторы народов.— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири.— Новосибирск, 1974.

Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа.— Чебоксары, 1965.

Кононов А. Н. Семантика цветообразования в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975.— М., 1978.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники.— М., 1964.

Ковалевский А. П. Книга Ахмета ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.— Харьков, 1956.

Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в.— Л., 1932.

Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э.— М., 1967.

Кропоткин В. В. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII—первой половине IX в.— В кн.: Славяне и Русь.— М., 1968.

Кропоткин В. В. Торговые связи Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным // МИА, 1970.— № 176.

Кропоткин В. В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // НЭ.— 1971. Т. IX.

Кропоткин В. В. Караванные пути в Восточной Европе.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности.— М., 1973.

Кротков А. А. В поисках Мохши // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете.— 1923.— Т. 34.

Кротков А. А. Раскопки на Увеке. // Труды Саратовской УАК.— 1915.— Т. 32.

Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе.— СПб., 1904—1906.— Ч. I—II.

Лауде-Циртаугас И. О табу и эвфемизмах в казахском, киргизском и узбекском языках // СТ.— 1976.— № 4.

Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов М. И. О древней согдийской письменности Бухары // ВДИ.— 1954.— № 1 (47).

Лившиц В. А. Хорезмийский календарь и эры древнего Хорезма.— История, культура, языки народов Востока.— М., 1970.

Лихачев А. Ф. Золотой клад из динаров патанских султанов Индии.— ЭВРАО.— 1886.— № 1.

Лихачев А. Ф. Новый болгарский клад 1887 г. // ЗВОРАО.— 1888.— Т. III.

Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»).— М., 1973.
Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана.— М., 1969.
Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата.— М., 1983.
Мажитов Н. А. К вопросу о характере общественных отношений у средневекового населения Южного Урала (постановка вопроса).— В кн.: Материалы по хозяйству и общественному строю Южного Урала.— Уфа, 1981.
Максимов М. М. Очерк о золоте.— М., 1977.
Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности.— М.—Л., 1951.
Марко Поло. Путешествие.— М., 1940.
Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа.— СПб., 1898.
Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических).— СПб., 1910.
Маршак Б. М. Согдийское серебро.— М., 1971.
Массон В. М. Хорезм и Кушаны // ЭВ.— 1966.— Т. XVII.
Матвеева Г. И. О происхождении именьковской культуры.— В кн.: Древние и средневековые культуры Поволжья.— Куйбышев, 1981.
Медведев А. П. Погребение воина в I Чертовицком могильнике.— В кн.: История и культура сарматов.— Саратов, 1983.
Мец Адам. Мусульманский ренессанс.— М., 1966.
Миннегулов Х. Ю. Котб ижаты.— Казань, 1976.
Миннегулов Х. Ю. Сэйф Сарай.— Казань, 1976.
Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах.— М., 1965.
Мухамадиев А. Г. Семеновский клад золотоордынских монет XV в. // Сборник студенческих работ историко-филологического факультета.— Казань, 1964.
Мухамадиев А. Г. Монеты как источник по изучению болгарского языка.— В кн.: Исследования по источниковедению истории Татарии.— Казань, 1980.
Мухамадиев А. Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г.— В кн.: Города Поволжья в средние века.— М., 1974.
Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв.— М., 1983.
Мухамадиев А. Г. Бронзовые слитки — первые металлические деньги Поволжья и Приуралья (I тысячелетие н.э.) // СА.— 1984.— № 3.
Мухамадиев А. Г. Древние хазарские и булгаро-татарские монеты.— Казань, 1986. *На татарск. яз.*
Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарая // СА.— 1970.— № 3.
Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А. Склеп о кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая.— В кн.: Новое в археологии.— М., 1972.
Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки усадьбы на Царевском городище // Вестник Московского университета.— 1978.— № 3.
Наджиб Э. Н. Пятиязычный словарь Дамаскина // СТ.— 1980.— № 2.

Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г.— М., 1896.
Пахомов Е. А. Монетное обращение Азербайджана в XII и начале XIII вв. // НС.— 1957.— Т. 2.
Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв.— М.—Л., 1951.
Плетнева С. А. Хазары.— М., 1976.
ПСРЛ.— 1848.— Т. V;— 1856.— Т. VII;— 1865.— Т. X; XI—XII; XV;— 1913.— Т. XVIII.
Птоломей Клавдий. Руководство по географии. Античная география.— М., 1963.
Пугаченкова Г. А. Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда // ИООН Таджикской ССР.— Сталинабад, 1952.— № 2.
Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати.— М., 1971.
Путешествие Гильберта де Ланноа в восточные земли Европы в 1413—1414 и 1421 гг. // Университетские известия.— Киев.— 1873.— 10.
Радлов В. В. Сибирские древности.— СПб. 1891.
Распопова В. И. Археологические данные о согдийской торговле // Краткие сообщения.— 1974.— № 138.
Рашид ад-Дин. Сборник летописей.— М.—Л., 1952.— Т. II.— Ч. 1, 2; 1960.— Т. II.— 1946.— Т. III.
Ртвеладзе Э. Древние монеты Средней Азии.— Ташкент, 1987.
Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы.— М.—Л., 1962.
Рюн Гонзалес де Клавиho. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.— СПб., 1881.
Рябцевич В. Н. Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // НЭ.— Т. V.— М., 1965.
Саблуков Г. С. Очерки внутреннего устройства кипчакского царства // ИКУ.— Казань 1895.— Т. VII.
Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика по отношению к русской истории.— СПб., 1848.
Савельев П. С. Монеты джучидские, джагатайские, джелатиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша.— СПб., 1857.
Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды.— Саранск, 1960.
Сейфеддини М. А. Монетное дело в Азербайджане в XII—первой половине XV вв.— Автореф. докт. дис.— Баку, 1970.
Семенов В. Библиотека иностранных писателей о России.— СПб., 1836.
Серебренников Б. А. Являются ли тюрко-монгольские параллели средством проникновения в глубины истории тюркских языков? // СТ.— 1980.— № 6.
Сидоров В. Н., Старостин П. Н. Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетского поселения // СА.— 1970.— № 4.
Сингатуллина А. З. Денежное дело и денежное обращение Золотой Орды XIII века (Поволжские города). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.— М., 1985.
Слово о полку Игореве.— СПб., 1898.
Смирнов А. П. Волжские булгары.— М., 1951.
Старостин П. Н. Этно-культурные общности предбулгар-

ского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья.— Казань, 1971.

Стеблева И. В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период.— М., 1976.

Стойнев А. А. О духовной культуре праболгар.— В кн.: Археологические памятники Нижнего Прикамья.— Казань, 1984.

Сунчугашев Я. И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине.— М., 1975.

Сыркина И. А. Клад с городища Лервож (XII) // СА.— М., 1983.— № 4.

Татищев В. Н. История Российская.— М.— Л., 1965.— Т. V.

Тизенгаузен В. Монеты Восточного Халифата.— СПб., 1873.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.— СПб., 1884.— Т. I; Л., 1941.— Т. II.

Толстов С. П. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. // ВДИ—1938.— № 4.

Толстов С. П. Приаральские скифы и Хорезм // СЭ.— 1961.— № 4.

Усманов М. Г. Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв.— Казань, 1979.

Фасмер Р. Р. О монетах Волжских Болгар X века // ИОАИЭ.— 1925.— Т. XXXIII.— Вып. 1.

Фасмер Р. Р. О двух редких золотых монетах делийских султанов // ИОАИЭ.— 1927.— Т. XXXIII.— Вып. 4.

Фасмер Р. Р. Завалишинский клад куфических монет VIII—IX вв. // ИГАИМК.— Т. VII.— Вып. II.

Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория.— Казань, 1975.

Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии.— М., 1984.

Федоров-Давыдов Г. А. Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. (по данным Франческо Пеголотти) // СА.— 1958.— № 3.

Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды.— М., 1976.

Федоров-Давыдов Г. А. К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV в. // КСИИМК.— 1956.— Т. 66.

Федоров-Давыдов Г. А. Клад золотых монет XIII в. из Средней Азии // НЭ.— 1961.— Т. II.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.— М., 1966.

Федоров-Давыдов Г. А. Монетная система Хорезма // СА.— 1957.— № 2.

Федоров-Давыдов Г. А. Монеты рассказывают.— М., 1963.

Федоров-Давыдов Г. А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // НЭ.— 1965.— Т. V.

Федоров-Давыдов Г. А. О болгарских гирьках из собрания Государственного музея Татарской АССР // СА.— 1957.— № 1.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды.— М., 1973.

Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси.— М., 1981.

Федоров-Давыдов Г. А. Новые находки восточных монет VIII—XIII вв. на территории Восточной Европы // ЭВ.— Т. 23.— Л., 1985.

Феофилакт Симокатта. История.— М., 1957.

Фомин А. В. Обращение обломков куфических монет в Восточной Европе в X—начале XI вв. // НЭ.— Т. XIV.— М., 1984.

Фрай Ричард. Наследие Ирана.— М., 1972.

Френ Х. М. Каталог монет Джучидов, или ханов Золотой Орды, найденных в Царевских курганах // ЗАНО.— 1850.— Т. II.

Френ Х. М. Монеты ханов Улуса Джучиева, или Золотой Орды с монетами разных иных мухамеданских династии в прибавлении.— СПб., 1832.

Фукс К. Ф. Краткая история города Казани (Казань, 1817) // ИОАИЭ.— Казань, 1905.— Т. XXI.— Вып. 2.

Хабишев М. А. О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах // СТ.— 1970.— № 2.

Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар.— М., 1978.

Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья.— М., 1969.

Халиков А. Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья.— Казань, 1971.

Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья.— Казань, 1978.

Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X—начала XIII вв.— Казань, 1986.

Харитонов Д. Е. Находки восточных монет V—VIII веков в Прикамье // На Западном Урале.— Пермь, 1964.

Хауссиг Г. В. К вопросу о происхождении гуннов // Византийский современник.— 1977.— Т. 38.

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн-Даста.— СПб., 1869.

Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему.— В кн.: Давидович Е. М. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии.— М., 1970.

Холодковский И. М. Палеография монет.— СПб., 1912.

Хомяков М. М. Где была Старая Казань? // ИОАИЭ.— 1910.— Т. XXVI.— Вып. 6.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства.— Казань, 1923.

Чекалин Ф. Ф. Нижнее Поволжье по картам XIV в. // Труды Саратовского УАК.— 1890.— Т. II.

Чулууны Далай. Монголия в XIII—XIV веках.— М., 1983.

Шахсаидов А. Р. Книга ат-Табари «Известия посланников и царей» о народах Северного Кавказа. В кн.: Памятники истории и литературы Востока.— М., 1986.

Шпилевский С. М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии.— Казань, 1877.

Щербак А. М. О приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // СА.— 1954.— Т. XIX.

Щербак А. М. О рунической письменности в юго-восточной Европе. // СТ.— 1971.— № 4.

Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику.— М.—Л., 1960.

Явич М. М. Замечания о неисследованном алфавите // ТОВЭ.— Т. IV.— 1947.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв.— 1969— Т. I.— 1970.— Т. II.

Янин В. Л. Алтын и его место в русских денежных системах XIV—XV вв. // КСИИМК.— 1956.— Т. 66.

Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период.— М., 1956.

Янин В. Л. Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в Древней Руси. // ВИ.— 1955.— № 8.

Янин В. Л., Янина С. Л. Начальный период рязанской монетной чеканки // НС.— 1955.— Т. I.

Янина С. А. Новые данные о монетной чеканке Волжской Булгарии.— МИА, № 111.— М., 1962.

Янина С. А. Второй Неревский клад куфических монет X в. // МИА.— 1963.— Вып. 117 (Труды Новгородской археологической экспедиции.— Т. III).

Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1953—1954 гг. // МИА.— 1954.— № 42; 1958.— № 61.— 1960.— № 60 (Труды Куйбышевской археологической экспедиции.— Т. I—III).

Янича С. А. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959—1962 гг. // Поволжье в Средние века.— М., 1970.

Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Булгарии X в. // МИА.— 1962.— № 111 (Труды Куйбышевской археологической экспедиции.— Т. IV).

Янина С. А. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946—1958 гг.) // МИА.— 1962.— № 111 (Труды Куйбышевской археологической экспедиции.— Т. IV).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
ВИ — Вопросы истории. М.
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВДИ — Вопросы древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
ЗАНО — Записки Археолого-Нумизматического общества. СПб.
ЗВОРАО — Записки восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.—Л.
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИООН — Известия отделения общественных наук
ИРАО — Известия Русского археологического общества. СПб.
ИЭ — Институт этнографии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КФАН — Казанский филиал Академии наук СССР.
МАО — Московское археологическое общество
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л.
НС — Нумизматический сборник. М.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология. М.
СТ — Советская тюркология. Баку
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры

ТВОРАО — Труды восточного отдела Русского археологического общества. СПб.

ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа

ТНК — Труды нумизматической комиссии

ТОВЭ — Труды отдела востока Государственного Эрмитажа

ТХАЭЭ — Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции

УАК — Ученая архивная комиссия

ЭВ — Эпиграфика Востока. М.—Л.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Денежное обращение Поволжья и Приуралья предхазарского периода	20
Товаро-деньги	20
Сосуды из драгоценных металлов и ранние монеты	27
Хорезмийские монеты	36
Глава II. Товарно-денежные отношения Поволжья и Приуралья в хазарский период	61
Накануне образования Хазарского каганата	61
Бронзовые слитки	70
Хазарский чекан	75
Глава III. Товарно-денежные отношения Поволжья в болгарский период	94
Наследие хазар	94
Булгарский чекан X в.	104
Монеты предмонгольского периода	117
Денежная и денежно-весовая терминология	128
Центры чеканки монет (VIII—XII вв.)	145
Заключение	149
Литература	157
Список сокращений	
Иллюстрации ранних форм денег и монет	

Научное и научно-популярное издание

Мухамадиев Азгар Гатаулович

ДРЕВНИЕ МОНЕТЫ ПОВОЛЖЬЯ

Редактор Р. М. Шириязданов
Художественный редактор Ф. Хасьянова
Оформление художника Ш. К. Насырова
Технический редактор В. Н. Галкина
Корректоры А. Г. Хамитова, Н. И. Максимова

ИБ № 5584

Сдано в набор 29.03.90. Подписано в печать 13.09.90. Формат 84 X 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л 8,40+вкл. 1,68. Усл. кр.-отт. 10,50. Уч.-изд. л. 8,93+вкл. 1,65. Тираж 10.000 экз. Заказ Л-137. Цена 55 коп.

Татарское книжное издательство, 420111, Казань, ул. Баумана, 19.
Полиграфкомбинат им. Камилля Якуба Госкомиздата Татарской АССР, 420111,
Казань, ул. Баумана, 19.